

Демьян
Бедный

Демьян
Бедный

ИЗБРАННОЕ

Пермское книжное издательство
1978

P2
538

Б 70402-40 30-78
M152(03)-78

СТИХИ
БАСНИ

О ДЕМЬЯНЕ БЕДНОМ, МУЖИКЕ ВРЕДНОМ

Поемный низ порос крапивою;
Где выше, суше — сплошь бурьян.
Пропало все! Как ночь, над нивою
Стоит Демьян.

В хозяйстве тож из рук все валится:
Здесь — недохватка, там — избыток...
Ревут детишки, мать печалится...
Ох, брат Демьян!

Строчит урядник донесение:
«Так што несловских селян,
Ваш-бродь, на слюде в воскресенье
Мутит Демьян:

Мол, не возьмем — само не свалится, —
Одни конец, мол, для крестьян.
Над мужиками черт ли сжалится...»
Так, так, Демьян!

Сам становой примчал в Неслово,
Рвал и метал: «Где? Кто смутьян?
Сгною... Сведу со света белого!»
Ох, брат Демьян!

«Мутить народ? Вперед закается!..
Связать его! Отправить в стан!..
Узнаешь там, что полагается!»
Ась, брат Демьян?

Стал барин чваниться, куражиться:
«Мужик! Хамье! Злодей! Буян!»
«Буян!.. Аль не стерпеть, отважиться?
Ну ж, брат Демьян!..

***

Мысль изреченная есть ложь.

Тютчев

Бывает час: тоска щемящая
Сжимает сердце... Мозг — в жару...
Скорбит душа... Рука дрожащая
Невольно тянется к перу...

Все то, над чем в часы томления
Изнемогала голова,
Пройдя горнило вдохновения,
Преображается в слова.

Исполненный красоты пленительной,
И буйной мощи, и огня,
Певучих слов поток стремительный
Переливается, звеня.

Как поле, рдеющее маками,
Как в блеске утреннем река,
Сверкает огненными знаками
Моя неровная строка.

Звенит се напев рыдающий,
Гремит призывно-гневный клич.
И беспощаден взмах карающий
Руки, поднявшей грозный бич.

Но — угасает вдохновение,
Слабеет сердца тетива:
Смирив нестройных дум волнение,
Вступает трезвый ум в права.

Сомненья точит жада острое,
Души не радует ничто.

Впиваясь взором в строки пестрые,
Я говорю: не то, не то...

И, убедясь в тоске мучительной,
Косноязычие кляня,
Что нет в строке моей медлительной
Ни мощи буйной, опьяннительной,
Ни гордой страсти, ни огня,

Что мой падеж — напев заученный,
Что слово новое — старо,
Я — обессиленный, измученный,
Бросаю в бешенстве перо!

1940

СОНЕТ

В родных полях вечерний тихий звон, —
Я так любил ему внимать когда-то
В час, как лучи весеннего заката
Позолотят далекий небосклон.

Милей теперь мне гулкий рев, и стой,
И мощный зов тревожного набата:
Как трубный звук в опасный бой —

солдата,

Зовет меня на гордый подвиг он.

Средь суеты, средь пошлости повседневной
Я жду, когда, как приговор судьбы,
Как вешний гром,

торжественный и гневный,

В возмездья час, в час роковой борьбы.

Над родной истерзанной и бедной
Раскатится набата голос медный.

1911

КУКУШКА

Кукушка,
Хаастливая болтушка,
Однажды, сидя на суку,
Перед собранием кукушечьим болтала
О чем попало.

Что ни взбрело в башку.
Сначала то да се, по общему примеру:
Врала, да знала меру.

Но под конец — поди ж ты! — соврала,
Что андела орла.

«Орла! Ведь выпадет же случай! —
Кукушки все тут в крик наперебой. —
Скажи ж скорей, каков орел собой?»

Чать, тучи тучей?!

«Ну, это — как кому, —

хвастуны был ответ, —

Особого в орле, пожалуй, мало.

По мне, так ничего в нем нет,

Чего бы нам не доставало:

Те ж когти, клюв и хвост,

Почти такой же рост,

Подобно нам, весь сер —

и крылья и макушка...

Короче говоря,

Чтоб слов не тратить зря:

Орел — не более как крупная кукушка!»

Так, оскорбляя прах бойца и гражданина,

Лгуи некий пробовал на днях

морочить свет.

Что, дескать, обсудить —

так выйдет все едино,

И разницы, мол, нет:

«Что Герцен — что кадет.

ЗВЕЗДА

Почти каждый номер газеты «Звезда» конфискуется.

Земная хроника.

Ученым Энебо открыта
близ созвездия Близнецов
новая звезда.

Небесная хроника.

Куда ни кинь, везде беда!
Прикосновенно стало небо!

Узнав, что неким Энебо
Открыта новая звезда,
Вскипело грозное начальство:

«Еще Звезда! Водь вот нахальство!
Ну что ж тут долго толковать?
Конфисковать!!»

1912

«Трибун»

Трибуна славного, любимца муз и граций,
Раз некий юноша спросил:

«Скажи, Маклацкий,
Что значит этот сон? Ты с некоторых пор
Таковыми стал не брезговать речами,
Что вчуже пожимать приходится плечами!
Недавно вынес суд строжайший приговор
Лихому вору. Ты ж, не устыдясь позора,
Так на суде стоял за вора,
Как будто сам ты вор!
Беру другой пример —

совсем не для эффекта:
Известный азиатчик-префект
влетел под суд.

А ты уж тут как тут,
Готовый выаолить преступного префекта.
Не ты ль в защитники

был позван богачом,
Чью знают все закриную натуру,
Кто, на арага напав из-за угла, всю шкуру
Содрал с него бичом?
Ты с этим палачом

Предстал перед судом, хвала и обеляя,
Сам знаешь, — негодая!
А между тем забыт тобой

твой долг прямой —
Быть люду бедному защитой!

Ответь же, ритор знаменитый,
Скажи по совести и не кривя душой:

Кто для тебя всего дороже,
Почтавший ли тебя довернем народ
Иль всякий темный сброд,
Пред коим честный люд быть должен
настороже?»

И юноше отвечивал трибун,

Любимец муз и граций,
Маклаций:
«Хотя ты очень юн,
Рассудка у тебя,
                пожалуй, все же хватит
Понять — да и дурак поймет! —
Что всех дороже тот,
Кто всех дороже платит».

1912

ХОЗЯИН И БАТРАК

Государственный совет постановил увеличить до 15 часов рабочий день приказчиков и лишить их праздничного отдыха.

(Из газет.)

Над мужиком, над Еремеем,

В деревне первым богатеем,

Стряслась беда:

Батрак от рук отбился,

Батрак Фома, кем Еремей всегда

Хвальнося.

Врага бы лютого так поносить не след,

Как наш Фома Ерему:

«Людоед!

Чай, вдосталь ты с меня повыжал соку,

Так будет! Больше мне невмочь

Работать на тебя и день и ночь

Без срока.

Пусть нет в тебе на грош

перед людьми стыда,

Так побоялся б ты хоть бога.

Смотри! ведь праздник у порога,

А у тебя я праздновал когда?

Ты так с работой навалился;

Что впору б дух лишь перевести.

За недосугом я почесть

Год в церковь не ходил

и богу не молился!»

На батрака Ерема обозлился:

«Пустые все твои слова!

Нанес ты, дурья голова,

Большую гору

Вздору.

Никак, довести меня ты хочешь
до разору?
Какие праздники ты выдумал, Фома?
Бес праздности тобой, вidać, качает.
Смекай — коль не сошел
еще совсем с ума!
Кто любит праздновать,
тот не добром кончает.
Ты чем извинишь меня —
я на тебя дивлюсь:
«Год боту не молюсь!»
А не подумал, Канн,
Что за тебя помолится хозяин?!»

«ДИВО»

«Андрюха — вот столяр!

Андрюха — вот мастак!»

С кем речь ни заведи,

с мальцом аль со старухой,

Все не нахвалятся Андрюхой.

Захаален под конец

был бедный парень так,

Что стал как ошалелый.

«Постойте ж, удивляю, —

кричит, — весь свет я белый!

На кой мне ляд верстак?

Плевать мне на рубанки!

Одним лишь топором

Такую штуку я сварганю из болванки —

Не описать пером!

С ней — и пахать и сеять,

С ней — полосу полоть,

С ней — урожай убрать,

помолотить, просеять

И хлеб смолотить!»

Андрюха зря болтать не любит,

Он времени не губит:

В горячке скор,

Схватив топор,

Колоду парень рубит.

Набилось народу полон двор.

Всяк видит первым рад неслыханное диво.

Работает меж тем затейник наш ретиво:

Хоть пар с него валит, ему ништо: упрям!

Зато деревню всю

впрямь удивил Андрюха.

Все ахнули, узрел диковинку:

«Ай, срам!

Да это ж... рюха!»

Писатель так мной: за дело б молча сесть —
Так нет, он про него каких чудес
натрубит!

А взялся за перо, —
                                глядишь, ну, так и есть:
Андрюха рюху рубит!

1912

ЛЕНА

4 апреля 1912, года Лен-
ский расстрел рабочих

Жена кормильца-мужа ждет,
Прижав к груди малюток-деток.
Не жди, не жди, он не придет:
Удар предательский был меток.
Он пал, но пал он не один:
Со скорбным, помертвелым взглядом
Твой старший, твой любимый сын /
Упал с отцом убитым рядом.
Семья друзей вокруг них лежит, —
Зловещий холм на поле талом!
И кровь горячая бежит
Из тяжких ран потоком алым.
А солнце вешнее блестит!
И бог злодейства не осудит!
— О братья!

Проклят, проклят будет,
Кто этот страшный день забудет,
Кто эту кровь арагу простит!

1912

* * *

Поля страданий наших чаша,
Слились в одно и кровь и пот.
Но не угасла сила наша:
Она растёт, она растёт!

Кошмарный сон — былие беды,
В лучах зари — грядущий бой.
Бойцы в предчувствии победы
Кипят отвагой молодой.

Пусть шипит слепая злоба,
Пусть грозит коварный враг,
Друзья, мы станем все до гроба
За правду — наш победимый стяг!

1912

ГАЗЕТА

Конфискованы № 1 и 2 ра-
бочей газеты «Правда».

«Слышал?» — «Слышал!»

«Видал?» — «А не видал!»

«Подумай: наша, брат,
рабочая газетка!..

Чай, жиру не придаст

хозяйским-то горбам!»

«Да... Кой-кому не по зубам
конфетка».

«А нам, гляди, как выйдет впрок!

Пойдем-кась купим номерок».

Пошли, по переулкам рыщут.

Газету ищут.

«Тьфу! Будто черт газетчиков пошлел!»

«Нашел газетчика, нашел!»

И впрямь нашел, судя по бляхе медной;

Стоит парнишка сам не свой,

Весь бледный.

«Газетку...» —

«Братцы,

всю унес городской!»

«Ой, прах его возьми!»

Теперь хоть волком вой...

Ты шутишь аль взыправду?!»

Нет, не шутил бедняк:

Под глазом у него синяк

За «Правду».

СЫНОК

Помещник прогорел,
не саеть конца с концом.
Так роща у него азята с торгов кунцом.
Читателям, из тех,

что позлословить рады,
Я сам скажу: купчина груб,
И рощу он купил совсем не для прохлады,
А — дело ясное — на сруб.
Все это так, чего уж проще!
Однако ж наш купец,

бродя с сынком по роще,
Был оныянен ее красой.
Забыл сказать — то было вешним утром,
Когда, обрызгана душистою росой,
Саеркала роща перламутром.
«Не роща — божья благодать!
Поди ж ты! Целый рай купил
за грош на торге!
Уж рощу я срублю, —

орет купец в восторге, —
Не раньше осени, как станет уаадать!»
Но тут мечты отца

нарушил сын-мальчонок:
«Ай, тятенька, гляди:
раздавленный галчонок!»
«И впрямь!..

Ребята, знать, повадились сюда.
Нет хуже гибели для птиц, чем в эту пору!
Да ты пошто реवेशь? Какая те беда?»
«Ой, тятенька! Никак, ни одного гнезда
Мне не осталось... для разору!»

Что скажешь о сынке таком?
Он жадность тятинну —
в количестве сугубом, —

Видать, усвоил с молоком,
Был тятка — кулаком,
Сын будет — душегубом!

.912

ПРАВЛОЖЕ

«В таком-то вот селе,
в таком-то вот приходе», —
Так начинают все, да нам — не образец.
Начнем!

в одном селе был староста-подлец.
Ну, скажем, не подлец,
так что-то в этом роде.
Стонали мужики: «Ахти, как сбыть беду?»
Да староста-хитрец

с начальством был в ладу,
Так потому, когда он начинал на сходе
Держать себя подобно воеводе,
Сражаться с народом таким
Боялись все. Но только не Аким:

Уж подлинно, едва ли
Где был еще другой подобный привидюб!
Лишь попадись ему злодей какой на зуб,
Так поминай как звали!

Ни перед кем, дрожа, не опускал он глаз,
А старосте-плуту на сходе каждый раз
Такою резал правду-матку,

Что тот от бешенства рычал
и рвался к схватке, —
Но приходилось смирять горячий нрав:

Аким всегда был прав,
И вся толпа в одно с Акимом голосила.
Да что? Не в правде сила!

В конце концов вышел наш староста Исход:
«Быть правде без поправки!»
Так всякий раз.

теперь Аким глядит на сход...
На катажанки.

1912

ДОМ

В шестизэтажном доме г. Торкачева, выходящем на Лиговскую, Разъезжую и Глазовую ул. и Скорняков пер., произошла катастрофа: обвалились своды, потолки и балки всех шести этажей. Утверждают, что обвал произошёл вследствие того, что из экономии большая часть дома построена из старого кирпича.

(«Новое время»,
№ 13066, 1912 г.)

Знавал я дом:

От старости стоял, казалось, он с трудом
И ждал разрухи верной.

Хозяин я оны дни весьма любил пожить,
И расточительность его была безмерной,

А тут — пришлось тужить:

Дом — ни продать, ни заложить,

Жильцы — вразброд бежали,

А кредиторы — жали,

Грозил под конец судом.

Хозяин их молил:

«Заминка, братцы, в малом,

В последний раз меня ссудите капиталом.

Когда я новый дом

Наместо старого построю,

Доходками с него я все долги покрою».

Врать не всякому вредит:

Хозяин получил кредит.

А чтоб вранье хоть чем загладить,

Он к дому старому
   почал подпорки ладить,
 Подлицевал его ямного кирпичом,
 Кой-где скрепил подгнившие устои,
                         Переменял обои
                         И — смотрит богачом!
 Дом — только б не было
   насчет нутра оглавлен —
 По виду ж — иного:
   жить можно без опаски.
 Тем временем пошла охота из жильцов:
 Хозяин нанял молодцов,
                         Чтоб распускали слухи,
 Что в «новом» доме
   все с заморских образцов:
                         От притолок до изразцов;
                         Покон все светлы и сухи;
 Жильцам — бесплатные услуги и дрова
                         И даже —
                         Жизни в подавле, в бельэтаже —
                         Всем честь одна и та же
                         И равные права.
 Порядков новых-де хозяин наш поборник:
 Он для жильцов —
   всего послушный только дворник.
 Хозяева ж — оии. А что насчет цены,
 Так дешевоизне
   впрямь дивиться все должны.
 Для люда бедного вернее нет привадки,
 Как нагрузить ему посудами корман.
 Хоть были голоса, вскрывавшие обман:
 Снаружи, дескать,
   дом сырой, вчерашней клевки.
                         Внутри же — весь прогнил, —
                         На новые позарились порядки,
                         Жилец вадил!
 Хозяин в бурное приходит восхищенье:
 «Сарай-то мой, никак, жилое помещенье!»
                         Набит сарай битком
 Не только барами, но и простым народом.
                         Трясет хозяин кошельком,
                         Сюда расход с приходом.

Как только ж удалось свести

Ему концы с концами,

К расправе приступил он

с черными жильцами:

Пора-де голытьбе и время знать и честь,

И чтоб чинить свои прорехи и заплаты,

Ей след попросе бы искать себе палаты,

Не забираться во дворец.

Контрактов не было, так потому хитрец

Мог проявить хозяйский иорос

И выгнать бедноту

без дальних разговоров.

А чтобы во «дворец»

не лез простой народ,

Он рослых гайдуков поставил у ворот

И наказал швейцарам —

Давать проход лишь благородным барам,

Чинам, помещикам, заводчику, купцу

И рыхлотелю духовному лицу.

Слыхали?

Кончилась за.ея с домом скверно:

Дом рухнул. Только я проверить не успел:

Не дом ли то другой, а наш покуда цел.

Что ж из того, что цел?

Обвалится, наверно.

ЛАПОТЬ И САПОГ

Через года полтора
Все уйдут из хуторá,
Худо ль, лучше ль
. Будет жить,
А нет охоты выходить.
«Псковская жизнь».
1911 г. № 557 «Деревенские
частушки»

Где в мире найдем мы пример, подобный русской аграрной реформе? Почему не могло бы совершиться нечто подобное и среди труженников промышленного дела?

«Росеня», 17.VIII, 1912 г.

Над переулочком
стал дождик чистый крпать.
Народ — кто по дворам,
кто — под навес бегом.
У заводских ворот
столкнулся старый лапоть
С ободраным рабочим сапогом.
«Ну что, брат-лапоть, как делишки?» —
С соседом речь завел сапог.
«Не говори... Казнит меня за что-то бог:
Жена больна и голодны детишки...
И сам, как видишь, тощ,
Как хвощ...
Последние проси животиншки...»
«Что так? Аль мир тебе
не захотел помочь?»

«Не, мира не порочь.
 Мир... он бы, чай, помог...
 Да мы-то не миряне!»
 «Что ж? Лапти перешли в дворяне?»
 «Ох, не шутя...
 Мы — хуторяне».
 «Ахти!
 На хутора пошел? С ума ты, что ли,
 выжил?»
 — «Почти!
 От общества себя сам сдуру отчекрыжил!
 Тупая голова осилить не могла,
 Куда начальство клонят.
 Какая речь была: «Вас, братцы, из села
 Никто не гонит.
 Да мир ведь — кабала! Давно понять пора:
 Кто не пойдет на хутора,
 Сам счастье проафоронит.
 Свое тягло
 Не тяжело
 И не надсадно,
 Рукам — легко, душе — отрадно.
 Рай — не житье: в мороз — тепло,
 В жару — прохладно!»
 Уж так-то выходило складно.
 Сперва сначала нам беда и не в знатие.
 Поверили. Извелили житье.
 Ох, будь оно неладно!
 Уж я те говорю... Уж я те говорю...
 Такая жизнь пришла:
 заране гроб сколотил!»
 Кажинный день себя, ослопину, корю.
 Да что?! Пропало — не воротил!»
 Теперь по местам по разным, брат, пойду
 Похлопотать насчет способа».
 Взглянув на лапоть исподлобья,
 Вздохнул сапог: «Эхма! Ты заслужил беду.
 Полна еще изрядно сору
 Твоя плетеная башка.
 Судьба твоя, как ни тяжка,

Тяжеле будет, знай, раз нет в тебе «душка»
Насчет отпору.

Ты пригляделся бы хоть к нам,
К рабочим сапогам.

Одни у наши, брат, загнет.

А вот на нас на всех пусть петлю кто
накинет!

Уж сколько раз враги пытались толковать:
«Ох, эти сапоги! Их надо подковать!»

Пускай их говорят. А мы-то не горюем.

Один за одного мы — в воду и в огонь!

Попробуй-ка нас тронь.

Мы позвожем!»

КЛАРНЕТ И РОЖОК

Однажды летом

У реки, за селом, на мягком берегу
Случилось встретиться пастушьему рожку
С кларнетом.

«Здорово!» — пропыхал кларнет.

«Здорово, брат, — рожок в ответ, —
Здорово!

Как вижу — ты из городских...

Да не пойму: из бар аль из каких?»

«Вот это ново, —

Обиделся кларнет, —

Глаза вперед протри

Да лучше посмотри,

Чем задавать вопрос мне неуместный.

Кларнет я, музыкант известный.

Хоть, правда, голос мой с твоим немного

схож,

Но в за свой талант в места какие вхож?!

Сказать вам, мужикам,

и то войдете в страх вы.

А все скажу, не утаю:

Под музыку мою

Танцуют, батенька, порой князья и графы!

Вот ты свою игру с моей теперь сравни:

Ведь под твою — быки с коровами одни

Хвостами машут!»

«То так, — сказал рожок, —

нам графы не сродни.

Однаке помани:

Когда-нибудь они

Под музыку и под мою запляшут!»

1912

**РАЗМАХНУЛСЯ Б Я БАСНЕЙ
ЗАДОРНОЮ...**

Задержаны и арестованы
три народных певца, распе-
вающих по дворам песни
революционного содержания.

Размахнулся б я басней задорною,
Распростиась на минуту с кручиною,
Да боюсь, чтобы слезы не брызнули
Под веселой личиною.

А и спел бы я, братцы, вам песенку
Обо всем, что на сердце скрывается,
Да не всякая песенка
До конца допеваётся.

1912

ЭСТЕТИК

Долой политику! Да здравствует эстетика!

(Из современных
лозунгов.)

Ослу, каких теперь немало,
Наследство с неба вдруг упало.
Добро! За чем же дело стало?
Схватив что было из белья
Да платье модного покроя,
Летит на родину Илья
(Так звали нашего героя).
«Ах! Ах! — приехали домой,
Захал радостно детина. —
Какая прелесть, боже мой!
Ну что за дивная картина!
Обвеян славной старинной,
Как ты прекрасен, дом родной!
Привет, почтенная руина!
В тебе живут бывшие дни.
Священна каждою песчинкой,
Стой, как стояла искони!
Тебя я — боже сохрани —
Чтоб изуродовал починкой!»
Избравши для жилья покой
Полуразрушенный, с пролетом,
Лишенным кровли, наш герой
Лякует, хоть его порой
То куры угостят пометом,
То сверху треснет кирпичом,
То дождь промочит. Ровным счетом
Иные все беды нипочем.
Сроднясь душой и телом с грязью,
Леча ушибы — пудрой, мазью,

Среди развалин и гнилья,
Среди припарок и косметик,
Не падал духом наш Илья.
Он был в восторге от «жилья»,
Зане — великий был эстетик!

1912

«Ведь этанкий вандаа!» —
Нной читатель скажет гневно.
А я б опекуна такого оправдал:
Ведь он от голоду ни разу не страдал,
А от обжорства — ежедневно!

1912

БУНТУЮЩИЕ ЗАЙЦЫ

Взбежавши на пригорок,
Зайчишек тридцать — сорок
Устроили совет.

«Житья нам, братцы, нет».
«Беда. Хоть с мосту в воду».
«Добудемте права!»
«Умремте за свободу!»

От смелых слов у всех кружилась голова.
Но только рядышком шелохнулась трава.
Как первый, кто кричал:

«За волю в землю лягу!» —
С пригорка задал тягу.
За ним все зайцы, кто куда,
Айда!

***

Зайчиха с зайнышкой под кустиком сидела,
«Охти мне, без тебя уж стала тосковать,
Ждала тебя, ждала: глаза все проглядела.
Договорилась, что ль,
в совете вы до дела?»
«Договорились. Решили бунтовать!»

***

О бунте заячьем пошли повсюду толки.
Не говоря уж о лисе,
Теперь, поди, хвосты поджали звери все, —
А больше всех, понятно, волки?!

1912

СВЕЧА

«Хозяин! Пантелей Ильич!

Гляди-ко... Волга...

Взбесилась, видит бог. И потонуть недолго.

А не потонем — все равно

Водой промочит все зерно».

Приказчик мечется, хлопочет.

А Пантелей Ильич, уставя в небо взор,

Дрожащим голосом бормочет:

«Святители! Разор!

Чины небесные, архангелы и власти!

Спасите от лихой напасти!

Я добрым делом отплачу...

Сведу в лампадах пуд елею...

Под первый праздничек свечу

Вот с эту мачту закачу...

И сотельной не пожалею!»

То слыша, говорит приказник Пантелею:

«Ты это что ж, Ильич?

Про мачту-то... всурьез?

Да где же ты свечу такую раздобудешь?»

«Молчи, дурак, — умнее будешь! —

Хозяин отвечал сквозь слез. —

Дай только вымолить у неба жалость,

Чтоб я с моим добром остался невредим, —

А там насчет свечи мы после... поглядим...

Укоротим, пожалуй, малость!»

о о о

Читатель, за вопрос нескромный извини:

Скажи, ты помнишь ли те дни,

Когда везде толпы народа

Гудели, как шумели

У меда:

«Свобода!»

«Свобода!» —

А дела до конца не довели.

На радостях, забыв о старом,

Обмякли перед вольным даром.

Читатель, если ты один из тех шмелей,

Сам на себя пенный и сам себя жалеешь, —

А мне тебя не жаль.

Польстившись на подарок,

Что заслужил, то получи:

Вместо сотенной свечи —

Копеечный огарок.

1913

МУРАВЬИ

«Рабочей армии мы светлый гимн поем!
Связавши жизнь свою
с рабочим муравьем,
Оповещаем вас, друзья,

усталых, потных,
Больных, калек и безработных:
В таком-то вот дупле открыли мы прием
Даяний добротных.
Да сбудется,

что вам лишь грезилось во сне!
В порыве к истине,

добру, свободе, свету,
При вашей помощи, мы по весне
Решили основать рабочую газету!»
Бог весть, кому пришло

в счастливый час на ум
Такое наколооть воззвание на речейник,
Что рос при входе в муравейник.

У муравьев поднялся сразу шум,
Движение, разговоры
И споры.

От муравья шла новость к муравью:
«Слышал? Газетку, брат,

почнем читать свою!»
И на газету впрямь средь говора и писка
Пошла пребойкая подписка,

А дальше — муравей,
глядишь, за муравьем,

Здесь — в одиночку, там — вдвоем,
Отдавшись увлеченью,

Несут: кто перышко, кто пух,
кто волосок,

Кто зернышко, кто целый колосок...
Предела нет саятому рвению!
Кипит работа. Через час

Подписка и припас
Пошли по назначенью.
Газету жадно ждут равно —
старик, юнец,

От нетерпенья изнывая.
В начале мая
Газета вышла наконец.
На час забыты все заботы,
Работникам не до работы:
Кто не читает сам, те слушают чтеца.
«Так!»
«Правда!»
«Истина!»
«Смотри ж ты, как понятно!»
«Читай, миляга, внятно!»
Все живо слушают с начала до конца:
Тот — крикнет, тот — вздохнет,
тот — ахнет...
Что не осилил ум, то схвачено чутьем.
«Вот... Сла-те, господи! Дождались:
муравьем

Газетка пахнет!»
«Видать, орудуют свои».
«Бог помочь им! Святое дело!»
«Вот... прямо за душу задело!...»
И рядовые муравьи,
Кто как хотел и мог,
в газету путь проведая,
Шлют за статьей статью
Про жизнь про горькую свою,
Про душегубов-муравьедов,
Про то, чтоб муравьям сойтись
в одну семью,
Скрепивши родственные узы.
И до того статья, как видно,
блин в цель,
Что не прошло и двух недель —
Все муравейники сплотились в союзы!
Жизнь муравьиная! С работы —
ломит грудь...
А тут беда — гнездо загажено, разрыто:

То рыло по гнезду прошлоя чье-нибудь,
То чье-нибудь копыто.
Но муравьям теперь не так страшна беда:
Газетка скажет,
как все сообща поправить,
Подскажет остальным товарищам — куда
Подмогу братскую направить.
Меж тем идет весна.

Успело все отцвести,
И время движется к лету.
С газетой — чудеса: денек газета есть,
А три дня — нету.
Мурашки — ах да ох!
Пошли меж ними слухи,
Что дело гадят мухи:
Все это — их подвох;
Что, бог весть, живы все ли
В газете земляки;
Что все дупло обсели
Могильщики-жуки.
Мурашки бьют тревогу:
«Спешите, братцы, все —

газете на подмогу,
Чтоб отстоять ее судьбу.
Ведь польза от нее так явно всем
приметна:

Жизнь будет без нее мертва
и беспросветна,

Как в заколоченном гробу.
Припасы наши как ни тощи,
Покажете пример великой нашей мощи
И, чтобы доказать,
что эта мощь — не тень,

Назначим «трудовой» в году особый день,
Доход которого отчислим
Газете, коей мы живем
И пролетарски мыслим!

Когда душа горит божественным огнем, —
Пусть тучи грозные нависли! —
Пред темной силою мы шен не согнем.
Товарищи! Да здравствует подъем!

Да будет первый день газеты нашей —

Рабочей волевой мысли!

«Днем

***

Стал муравей за муравья,
А муравьед за муравьёда.
За кем останется победа —
Вы догадаетесь, друзья!

1913

КЛОП

Жил-был на свете клоп.

И жил мужик Панкрат.
Вот как-то довелось им встретиться
случайно.

Клоп рад был встрече чрезвычайно,

Панкрат — не слишком рад.

А надо вам сказать: судьба свела их
вместе —

Не помню точно — где,

Не то в суде,

Не то в присутственном каком-то
важном месте.

Кругом — чины да знать. Нарядная толпа

Изнемогает в кривотолках.

Панкрат и без того сидел, как на
иголках, —

А тут нелегкая несет еще клопа!

Взобравшись ловко по обоям

к Панкрату на рукав, клоп таким героем

Уселся на руку и шарит хоботком.

От злости наш Панкрат позеленел весь
даже:.

«Ах, черт, и ты туда же

Кормиться мужиком!» —

И со всего размаху

Хлоп дядя по клопу свободною рукой.

Мир праху и вечный упокой!

Читатель, отзовись: не помер ты со страху?

А я — ни жив ни мертв.

Наморщина потный лоб.

Сижу, ужасною догадкой потрясенный:

Ну что, как этот клоп —

Казенный?!

ЕРШИ И ВЬЮНЫ

Слонялся без дела
В реке средь камышей,
Компания вьюнов случайно налетела
На общий сбор ершей.
(«Случайно», говорю,
а может — «не случайно»?)
Ерши решали тайно,
Как им со щукою вести дальнейший бой?
Каких товарищей избрать в Совет ершиный
Для руководства всей борьбой
И управления общиной?
Достойных выбрали. «Все любви вам
аль нет?»
«Все любви!» — «Все!» — «Проголосуем».
«Согласны, что и подписуем».
«Позвольте! Как же так?
Уж утвержден Совет? —
Пищит какой-то вьюн. —
Да я ж не подписался!»
«Ты к нам откуда притесался? —
Кричат ерши. —
Не шебарши!»
«Чего — не шебарши?
Вьюны, чай, тоже рыбы.
Вы на собрание и нас позвать могли бы.
Есть промеж нас, вьюнов,
почище вас умы.
Со щукой боремся и мы».
«Вы?» — «Чем напрасно горячиться
Да подыматься на дыбы,
Вам у вьюнов бы поучиться
Культурным способом борьбы».
«Каким?» — «Сноровке и терпенью.
Уметь мелькнуть неслышной тенью;
Где попросить, где погрозить,

Где аргументом поразить, —
Зря не казать своих колючек.
Колючки — это уж старо!»

«Постой! Наплев ты закорючек.

Да у вьюнов-то есть перо?»

«Есть». — «Без колючек всё?» —

«Вестимо».

«Тогда... плывите, братцы, мимо!»

1913

ДРУЗЬЯМ

Восходит день... И как там дальше?
Не мастер я по части од.
Не выношу нарядной фальши,
Хотя б и с маркою свобод.
У одописцев — ну их к богу —
Рассудок с сердцем не в ладу.
Авось без вымыслов дорогу
Я к сердцу вашему найду.
И вряд ли кто меня осудит
И горький мне пошлет упрек.
Не говорю я — «дня не будет»,
Но говорю, что «день далек».
Утешен сказкою обманной
Тот, кто свободу жадно «ждет»:
Она — увы! — небесной маниной
Сама собой не упадет.
Все, кто в тоске о сроке скором
Готов проклятья слать судьбе,
Все обратитесь с укором
К самим себе, к самим себе.
Вы, вы творцы свободной доли,
«Судьбу» куєте вы одни.
От ваших сил и вашей воли
Зависят сроки все и дни.
От вас зависит: пить отраву
Иль гнать трусливую ораву
Тех, кто лукаво вам твердит:
«Порыв несдержанный вредит,
А — полегоньку, понемножку,
Мы, глядь, и выйдем на дорожку».
Да, говорю я, день далек,
Но пусть не робкий уголек,
Пусть ваше слово будет — планя
Огня, горящего в груди,
Пусть, развернувшись, ваше знамя

Зареет гордо впереди,
Пусть гневом вспыхнут ваши очи
И с лиц сойдет унынья тень,
Тогда скажу я. — нет уж ночи,
Восходит день!

1913

НАКАЗ

В непросажей, в непролазной
В деревушке Недородой
Жил да был учитель сельский,
С темнотой борясь народной.

С темнотой борясь народной,
Он с бедой народной сжился:
Каждый день вставал голодный
И голодный спать ложился.

Но душа его горела
Верой бодрой и живою.
Весь ушел учитель в дело,
С головою, с головою.

Целый день среди ребятшек
Он ходил, худой и длинный.
Целый день гудела школа,
Точно рой живой пчелиный.

Уж не раз урядник тучный,
Шаг замедлив перед школой,
Хмыкал: «Вишь ты... шум... научный...
А учитель-то... с крамолой!»

Уж не раз косил на школу -
Поп Аггей глазок тревожный:
«Ох, пошел какой учитель...
Все-то дерзкий... все безбожный!...»

Приезжал инспектор как-то
И остался всем доволен,
У учителя спрашивая:
Не устал он? Может, болен?

Был так ласков и любезен,
Проявля большую жалость,
Заглянул к нему в каморку,
В сундучке порывлся малость.

Чрез неделю взывал учитель —
Из уезда предписанье:
«Обнаружив упущенья,
Переводим в наказанье».

Горемыка, распростившись
С ребятишками и школой,
С новым жаром прилепился
К детворе деревни *Голой*.

Но, увы, в деревне *Голой*
Не успел пробыть полгода,
Был он снова удостоен
Перевода, перевода.

Перевод за переводом,
Третий раз, четвертый, пятый...
Закручинился учитель:
«Эх ты, жребий мой проклятый!»

Изнуренный весь и бледный,
Заостренный, как иголка,
Стал похож учитель бедный
На затравленного волка.

Злобной, горькою усмешкой
Стал кривить он чаще губы:
«Загоняют... доконают...
Доконают, душегубы!»

Вдруг негаданно-нежданно
Он воскрес, душой воспрянул,
Будто солнца луч веселый
На него сквозь туч проглянул.

Питер! Пышная столица!
Там на святках на свободных —

Сон чудесный! — состоится
Съезд наставников народных.

Доброй вестью упоенный,
Наш бедняк глядит героем:
«Всей семьей объединенной
Наше горе мы раскроем.

Наше горе, наши муки,
Беспросветное мытарство...
Ко всему приложим руки!
Для всего найдем лекарство!»

На желанную поездку
Сберегая грош последний,
Всем друзьям совал повестку,
С ней слетал в уезд соседний.

В возбужденье чрезвычайном
Собрались учительшки,
На собрании на тайном
Обсудили все делишки:

«Стой на правом деле твердо!»
«Не сморгни, где надо, глазом!»
Мчит герой наш в Питер гордо
С поручительным Наказом.

Вот он в Питере. С вокзала
Мчит по адресу стрелою.
Средь огромнейшего зала
Стал с Наказом под полою.

Смотрит: слева, справа, всюду
Пиджаки, косоворотки...
У доверчивого люда
Разговор простой, короткий.

«Вы откуда?» — «Из Ирбита.» —
«Как у вас?» — «Да уж известно!»
Глядь — душа уж вся открыта,
Будто жили век совместно!

Началось заседание.
И из нового соседа
Наш земляк глядит с улыбкой:
Экий, дескать, непоседа!

Повернется, обернется,
Крякнет, спросит, переспросит, —
Ухмыляется, смеется,
Что-то в книжечку заносит.

Франтоват, но не с излишком,
Рукава не в рост, кургузы;
Под гороховым пальтишком
Темно-синие рейтузы.

Тараторит: «Из Ирбита?
Оч-чень р-рад знакомству с вами!»
И засыпал, и засыпал
Крючковатыми словами:

«Что? Наказ?.. Так вы с Наказом?..
Единение?.. Союзы?..
Оч-чень р-рад знакомству с вами! —
Распинались рейтузы. —

Мил-лый! Как? Вы — без приюта?..
Но, ей-богу... вот ведь кстати!
Тут ко мне... одна минута...
Дело всё в одной кровати...»

Не лукавил «друг-приятель»,
«Приютил» он друга чудно.
Где? — Я думаю, читатель,
Угадать не так уж трудно.

Съезд... Сановный покровитель...
Встречи... Речи... Протоколы...
Ах, один ли наш учитель
Не увидел больше школы!

И ТАМ И ТУТ...

Химический анализ мази показал, что она не содержит никаких ядовитых веществ, за исключением свинца.

(Из речи Литвинова-Фадинского.)

Умер рабочий завода «Вулкан» Андреев, застреленный городовым во время демонстрации.

(Из газет.)

На фабрике — отравы,
На улице — расправа.
И там свинец, и тут свинец...
Один конец!

1914

ДОБРЯК

Какой-то филантроп,
увидевши с крыльца
Изнеможенного оборвыша-мальца,
Лежащего среди цветника врастяжку,
Воскликнул: «Жалко мне, дружок,
измятых роз.

Но больше жаль тебя, бедняжку.
Скажи, зачем ты здесь?»

«Ах, — отвечал сквозь слез
Малютка голосом.

исполненным страданья, —
Я третий день... без пропитанья!..

И здесь я рву...

И ем... траву!»

«Траву? — вскричал добряк,
разжалобившись душе. —
Так обойди же дом и понщи во рву:
Там ты найдешь траву куда погуще!»

1914

ДИВО ДИВНОЕ

Сказка

Ну, вот:
Жил-был мужик Федот —
«Пустой Живот».
Недаром прозвищем таким он прозывался.
Как черный вол, весь век
Трудился человек,
А все как голым был,
так голым оставался —
Ни на себе, ни на жене!
Нет к счастью, хоть ты что,
для мужика подходу.
Нужда крепчала год от году
И наконец совсем Федотушку к стене
Прижала так, — хоть с моста в воду.
Ну, хоть живым ложися в гроб!
«Весна-то... Вёдрышко!.. И этакую погоду
Да прогулять?! —
стоиал несчастный хлебороб,
Руками стиснув жаркий лоб. —
Святитель Миколай! Мать пресвятая
дева.
Избави от лихой беды!»
У мужика зерна не то что для посева,
Но горсти не было давно уж для еды.
Затосковал Федот. Здоровье стало хуже.
Но, явно тая с каждым днем,
Мужик, стянув живот ремнем
Потуже,
Решил говеть. Пока говел —
Не ел,
И, отговевши,
Сидел не евши.
«Охти, беда! Охти, беда! —

Кряхтел Федот. — Как быть?

И жить-то неохота!»

А через день-другой и след простыл

Федота:

Ушел неведомо куда!

Федотиха, в слезах от горя и стыда,
Сама себя кляла и всячески ругала.

Что, дескать, мужа проморгала.

А муж,

Сумев уйти тайком от бабы,

Не разбирая вешних луж,

Чрез ямы, рывины, ухабы,

По пахоти, по целине

Шагал к неведомой стране, —

Ну, если не к стране, то, скажем, так

куда-то,

Где люди, мол, живут и сытно и богато,

Где все, чего ни спросишь, есть,

Где мужику дадут... поесть!

Худой да легкий с голодовки,

Федот шагал без остановки,

Порой почти бежал бегом,

А как опоминился уж к ночи,

Стал протирать в испуге очи:

Дождь, ветер, а кругом...

дремучий лес кругом.

Искать — туда, сюда...

Ни признаку дороги.

От усталости Федот едва волочит ноги;

Уж мысль была присесть

на первый же пенек, —

Аи только в поисках пенька

он кинул взглядом,

Ни дать ни взять — избушка рядом.

В окне маячит огонек.

Кой-как нащупав дверь, обитую рогожей,

Федот вошел в избу.

«Здорово, землячок! —

Федота встретил так хозяин-старичок. —

Присядь. Устал, поди, пригожий?

Чай, издаляка держишь путь?»

«Из Голодаевки».

«Деревня мне знакома.

Рад гостю. Раздевайся».

«Мне малость бы соснуть».

«Располагайся, брат, как дома.

А только что я спать не евши не ложусь.

Ты как на этот счет?»

«Я... что ж? Не откажусь!..»

«Добро. Мой руки-то. Водяца у окошка».

«Ну, — думает Федот, —

хороший хлебосол:

Зовет за стол,

А на столе, гляди,

хотя бы хлеба крошка!»

«Умылся? — между тем хлопочет

старичок. —

Теперь садись, да знай: молчок!»

А сам захлопотал: «А ну-тка. Диво. Диво!

Входи в избушку живо,

Секися да рубися,

В горшок само ложися,

Упарься,

Прижарься,

Взрумняйся на огне

И подавайся мне!»

В избу, гагакнувши за дверью,

Вбежало Диво — гусь по перью.

Вздул огонечек гусь в золе,

Сам кипятком себя ошпарил,

В огне как следует поджарил

И очутился на столе.

«Ешь! — говорит старик Федоту. —

Люблю попотчевать гостей.

Ешь, наедайся, брат, в охоту, —

Но только, чур, не трожь костей!»

Упрашивать себя мужик наш не заставил:

Съел гуся начисто,

лишь косточки оставил. |

Встал, отдуваясь:

«Ф-фу! Вск так не едал!»

А дед опять захлопотал:

«Ну, кости, кости, собирайтесь
И убирайтесь!»

Глядь, уж и нет костей: как был, и жив
и цел,

Гусь со стола слетел.

«Эх! — крикнул тут Федот,
увидя штуку эту. —

Цены такому гусю нету!»

«Не покупал, — сказал старик, — не продаю:
Хорошим людям так даю.

Коль Диво нравится,
бери себе на счастье!»

«Да батюшка ж ты мой!
Да благодетель мой!»

На радостях, забыв про ночь и про
бедность,

Федот с подарком под полой,
Что было ног, помчал домой.
Примчал.

«Ну, что, жена? Здорова?»

И, молвить ей не давши слова,

За стол скорее усадил,

Мясцом гусиным угостил

И Диво жить заставил снова.

Вся охмелевши от мясного,

«Ахти!» — раскрыла баба рот,

Глядят, глазам своим не веря.

Смеется радостно Федот:

«Не голодать уж нам теперь!»

Поживши на мясном денька примерно два,

И телом и душой Федот совсем воспрянул.

Вот в лес на третий день ушел он по дрова.

А следом поп во двор к Федотихе нагрянул:

«Слыхали!.. Как же!.. Да!..

Пошла везде молва

Про наше Диво.

Из-за него-де нерадиво

Блюсти ты стала с мужем пост.

Как?! Я... отец ваш... я... молюсь о нас,
пекуся,

А вы — скоромиться» — Тут, увидавши гуся,

Поп цап его за хвост!
Ан руки-то к хвосту и приросли у бати.

«Постой, отец! Постой!

Ведь гусь-то не простой!»

Помещик, глядя, бежит соседний,

сам не свой:

«Вцепился в гуся ты нехстати:

Хоть у деревни справься всей, —

Гусь этот — из моих гусей!»

«Сей гусь?!»

«Вот — сей!!»

«Врешь! По какому это праву?»

Дав сгоряча тут волю яраву,

Помещик наш отца Варнаву

За бородевку — хватить!

Ан рук уже не оторвать.

«Иван Перфильич! Вы — забавник!»

Где ни возьмись, сам исправник:

«Тут дело ясное вполне:

Принадлежит сей гусь казне!»

«Гусями вы еще не брали!..»

«В казну!»

«В казну! кому б мы врани

Другому, только бы не мне!»

Исправник взвыл:

«Нахал! Вы — грубы!

Я — дворянин, прошу понять!» —

И кулаком нахала в зубы.

Ан кулака уж не отнять.

Кричал помещик, поп,

исправник — все охрипав,

На крик охотников других несло, несло...

И все один к другому липли.

Гагакал дивный гусь,

а жадных душ число

Росло, росло, росло...

Огромный хвост людей за Дивом

Тянулся по горам, пескам, лесам и нивам.

Весна испортилась, ударил вновь м. роз,

А страшный хвост у дивной птицы

Все рос да рос.

И, баяют, вот уж он почти что у столицы.
События, стало быть, какие у дверей!

Подумать — обольешься потом.

Чем все б ни кончилось,

но только бы скорей!

Федот! Ну, где Федот?... Все дело за
Федотом!!

1914

МАЯ

Подняв под голову пеньку,
Рад первомайскому деньку,
Батрак Лука дремал на солнышке.
«Лука, — будил его хозяин, — а Лука!
Ты что ж? Всерьез?   Аль так, валяешь дурака?
С чего те вздумалось валяться, лежебока?
Ну, полежал и будет. Ась?
Молчишь. Оглох ты, что ли?
Ой, парень, взял себе ты,   вижу, много воли.
Ты думаешь, что я не подглядел вчерась,
Какую прятал ты листовку?
Опять из города! Опять про забастовку?
Всё голъ фабричная...
У, распроклятый сброд...
Деревня им нужна...   Мутить простой народ...
«Ма-ев-ка!» Знаем мы маевку.
За что я к пасхе-то купил тебе поддевку?
За что?.. Эх, брат Лука!..
Эх, милый, не дури... Одумайся... пока...
Добром прошу...   Потом уж не жди поблажки...
Попробуешь, скотина, каталажки!
До стражинки подать рукой!»
Тут что-то сделалось с Лукой.
Вскочил, побагровел.   Глаза горят, как сачи.
«Хозяин! — вымолвил. --
Запомни... этот — май!.. —
И, сжаавши кулаки и размяв плечи,
Прибавил яростно: —
Слышь? Лучше не замай!!»

1914

ПОЧЕМУ?

Русский хлеб — хороший
хлеб.

Народный хлеб.

«Новое время», 4 июня 1914 г.

«Хороший хлеб! Народный хлеб!»
Не потому ли хлеб «народный»,
Что странной волею судеб
Народ весь век сидит... голодный?!

1914

ПУШКА И СОХА

Увидевши соху, «Послушай-ка, старушка, —

Сказала пушка, —

Аль ты глуха?

Я тут гремлю весь день,

а ты и не слышала?

Ты что ж тут делала — ха-ха?»

«Пахала, — молвила соха, —

Пахала».

«Пахала? Что ты! Не смеши.

Работать для кого? Ведь ни одной души

Не сыщется живой в разбитой

деревушке.

Так что ж тебе теперь осталось?

Отдыхать?!»

«Пахать, — соха сказала пушке, —

Пахаты!..»

о

На ниве брошенной,

среди камней и терний,

Не прерывая борозды,

Друзья, работайте от утренней звезды —

И до вечерней!

Ваш мирный подвиг свят,

и нет его безмерней.

Под грохот пушечный, в бою,

в огне, в аду,

Я думаю о вас, чей путь простерся в

вечность.

Привет мой пахарям,

борцам за человечность!

Привет мой мирному —

культурному труду!

1914

«БАТАЛИСТЫ»

*Посвящается военным «бел-
летристам» — А. Федорову,
М. Муйжеляю и им подоб-
ным*

На все наведена искусно позолота.
Идем мирные, как шелуху, отвеяв,
Бытошкатели российского болота
    Преобразились в Тиртеев.
Победно-радостны, нахмурих грозно брови,
За сценкой боевой
                                снешат состричь сценку:
С еще дымящейся, горячей братской крови
    Снимают пенку!

1915

БАСНИ ЭЗОПА (1914—1916)

БРАК БОГОВ

Когда, средн богинь метнувши жребий,
боги
Вводили жен в свои небесные чертоги,
Суровый бог войны, омытый весь в крови,
Взял в жены чуждую отраде материнства
Богиню грабежа и гнусного бесчинства.
Восторгов неземных и знойных чар любил
Неиссякаемый родник найдя в богине,
Бог неразлучен с ней поныне.
С тех пор, однако, для страны,
Охваченной огнем кровавого пожара,
Изнемогающей от вражьего удара,
Не так ужасен бог войны,
Как подлинги его божественной жены.

МАЛЬЧИК И ПРОХОЖИЙ

«Спа... си... те!.. АА!.. То... ну!»
«Вот видишь! — стал корить несчастного
прохожий. —

Зачем же ты, малец пригожий,
Полез на глубину?

АА-аА! Ну, разве можно
Купаться так неосторожно?

Ужо, дружок, вперед смотри...»
Прохожий говорил с великим увлечением,
А мальчик, втянутый в водоворот теченьем,
Давно пускал уж пузыри!

•

Есть тьма людей: правоученьем
Они готовы вам помочь в беде любой,
Отнюдь не жертвуя собой!

ПЕСКАРЬ

Бог весть из-за какой
Такой
Причины,
Среди морской
Пучины
Вели с Китами бой
Дельфины.
То уаңдал Пескарь: «Ой, братцы!
Что я зрю?
Голубчики, да что вы?!
Давайте я нас помирю!»
«Вои! — гаркнули бойцы. —
Да мы скорей готовы
Все лечь костьюи, чем дать мирить нас —
Пескарю».

ПОМОЩЬ

Каким-то случаем сошлись —

Медведь с Китом,

И так сдружились крепко оба,

Что, заключив союз до гроба,

Друг другу поклялся в том,

Что каждый помогать другому

будет в горе,

Ну, скажем там, болезнь случится

иль война...

Вот, как на грех, пришлось вскоре

Нарваться Мише на Слона,

Увидевши, что близко море,

Стад Миша друга звать скорей:

«Кит-братец, помоги осилить эту тушу!»

Кит в берег тычется, — увы, царю морей

Не выбраться на сушу!

Медведь Кита корит:

«Нэмеиник! Продад душу!»

«Кому? — отвстил Кит. —

И в чем моя вина?

Вини мою природу!

Я помогу тебе, как только ты Слона

Швырнуть сумеешь в воду!»

«Дурак! — взревел Медведь. —

Не знал бы я беды,

Когда б я мог Слона швырнуть и от воды!»

ПЛАКАЛЬЩИЦЫ

Лишившись дочери любимой,

Антигоны,

Богач Филон, как должно богачу

(Не скареду, я то сказать хочу).

Устроил пышине на редкость похороны.

«О матушка, скажи, как это понимать? —

В смущенье молвила сквозь слезы

дочь вторая. —

Сестре-покойнице ужели не сестра я

И ты — не мать,

Что убиваться так по ней мы не умеем,

Как эти женщины, чужие нам обейм?

Их скорбь так велика

И горе — очевидно,

Что мне становится обидно:

Зачем они сюда пришли издалека

При нас оплакивать им чуждую утрату?»

«Никак, — вздохнула мать, —

ты, дочь моя, слепа?

Ведь это — плакальщиц наемная толпа,

Чьи слезы куплены за дорогую плату!»

В годину тяжких бед умеете отличать

Скорбь тех, кто нль привык,

нль вынужден молчать,

От диких выкриков и воплей неумных

Кликуш озлобленных

и плакальщиц наемных!

КОЛЕСО И КОНЬ

В телеге колесо прежалобно скрипело.
«Друг, — выбившись из сил,
Конь с удивленным спросил, —
В чем дело?
Что значит жалоба твоя?
Всю тяжесть ведь верешь не ты, а я!»

Иной с устало-скорбным ликом,
Злым честолюбьем одержим,
Скрипит о подвиге великом,
Хвалясь усердием... чужим.

ВОЛК И ЛЕВ

У Волка Лев отбил овцу.

«Грабёж! Разбой! —

Волк поднял вой. —

Так вот какой ты есть

защитник угнетенных!

Так вот извинки какова

Твоих желаний затаенных!

Вот как ты свято стал чужие чтить права!

Пусть льстит тебе низкопоклонник,

А я... Когда при мне нарушил царь закон,

Я, не боясь, скажу, что он

Из беззаконников —

первейший беззаконник!

Но, царь, есть божий суд!

Есть справедливый гнев!..»

«Брось! — усмехнулся Лев. —

Все это без тебя мне хорошо известно,

Как не в секрет и волчий нрав.

В своих упреках ты, конечно, был бы прав,
Когда бы сам овцу добыл ты честно!»

ВОЛК И ОВЦА

Волк тяжело занемог:
Почти лишившись ног,
Лежал он, как колода,
Без ласки, без ухода.
В такой беде, увидевши Овцу,
Взмолился Волк:
«Роднунечка-Овечка.

Остановись на два словечка!
Ты видишь:
жизнь моя приблизилась к концу.
Ах, знаю, я — злодей,
и нет мне оправданья!
Но злость ко мне растет
пусть в ком-нибудь другом,
А ты, ты сжались в порыве состраданья
Над умирающим врагом!
Предсмертной жаждою томимый
нестерпимо,
Святая, кроткая, я об одном молю:
Помочь мне доплзти к реке,
текущей мимо,
Где я жестокие страданья утолю!»
«Ужель, — Овца в ответ, —
я сделаюсь виновю
Того, чтоб ты остался жив,
Себя водою освежив
И закусивши после... мною?»

ДУБ И КЛЕНЪЯ

Пав жертвой дровосека,
Вздыхнул могучий Дуб
на весь зеленый бор:
«Как ни обидно мне,
друзья, на человека

И на его топор,
Но во сто крат большей
мне видеть клинья эти,
Которые меня стремится расколоть:
Все из моих ветвей — мои родные дети
Зубами острыми впились в родную плоть!»

ДОВРЯК

Расхвастался Медведь перед Лисой:

«Ты, кумушка, не думай,

Что я всегда такой угрюмый:

Злость на меня находит полосой,

А вообще, сказать не лицемера,

Добрей меня не сыщешь зверя.

Спроси хоть у людей:

ем мертвых я аль нет?»

«Ах, кум, — Лиса в ответ, —

Что мертвые?! Я думаю другое:

Слух добрый о себе ты всюду б утвердил,

Когда бы мертвецов ты менее щадил,

Но... оставлял живых в покое!»

о

Смысл этой басенки не нов

Для лицемеров и лгунов:

Прочтут, поймут... и не покажут вида,

Что их касается обид!

ТОФУТА МУДРЫЙ

В далеком-далеком царстве,
В ненашем государстве,
За тридцать земель

Отсель,

Средь подданных царя мудрейшего Тофуты
Случилось что-то вроде смуты.
«Разбой! — кричали все. — Грабеж!»
Шли всюду суды-пересуды:
Порядки, дескать, в царстве худы,
Насилья много от вельмож!

Одначе

Хоть бунтовали все, но в общей суете
Верх брали те,

Кто поспыльней да побогаче:

«Чем лезть нам, братцы, напролом,
Нарядимте послов — Тофуте бить челом;
Проведавши от них о нашей злой обиде,
Царь нас рассудит в лучшем виде»,
Но — то ли сам дошел,

то ль расхрабрись от слов
Вельмож главного, злодея Протоплаута,
Не допустил к себе послов
Мудрейший царь Тофута.

«Нелепо, — молвил он, —

мне слушать их, зане

Все, что известно им, известно также мне.

А ежели что мне неизвестно,

О том им толковать подавно неуместно!»
Но черный люд не сдал:

боролся до конца.

Пока не выкурил Тофуту из дворца.

И что же? Не прошло,

поверите ль, минуты,

Как власть, отбитую народом у Тофуты,
Присвоили себе все те же богачи,

Да так скрутили всех,
хоть караул кричи,
У бедных стали так выматывать все жилы,
Как «не забывай» старожилы».
Пошел в народе разговор:
«Попали мы впросак!»
«Того ль душа хотела?»
«Эх, не доделали мы дела!»
«От богачей-то нам, гляди, какой разор!»
Потолковали,
Погоревали
И богачей смели, как сор.
Жизнь сразу вышла на простор!
Я в этом царстве жил недавно.
И до чего живут там славно,
На свой особенный манер!
Как это все у них устроено на месте
И с применением каких геройских мер.
Вы этого всего нагляднейший пример
В Коммунистическом найдете манифеста.

«МЕСТ БОЛЬШЕ НЕТ»¹

Что Николай «лишился места»,
Мы знали все без манифеста,
Но все ж, чтоб не было неясности,
Предать необходимо гласности
Для «кандидатов» всех ответ,
Что «места» тоже больше нет.

---

¹ Первый раз было напечатано в «Известиях Петроградского Совета» в номере от 4 марта 1917 г. (Здесь и далее примечания автора. — Р е д.)

РАЗГРУЗКА

Во Временном правительстве разрабатывается план разгрузки Петрограда от заказов и от рабочих.

Пыхтит несчастный паровоз.
Скривят разбитые вагоны.
В «господских» классах —

крики, стоны;

У нежных дамочек от слез
Мешочки вздулись под глазами.
«Какой скандал, судите сами:
То угля нет, то нет воды».
«Пять-шесть минут плохой езды,
Потом стоим, стоим часами».
«Так не доехать никогда...»
«При чем тут уголь, господа?
Наш поезд чернью перегружен».
«Их власть, что делать!» —

«Чья?» — «Ну, чья:

Солдат, фабричных, мужичья...»
«Ах, этот хлам, кому он нужен?»
«Но что ж мы, граждане, сидим?
Пойдемте, мы их убедим,
Докажем этим всем медведям,
Что им пройти — прямой резон:
Прогулка, воздух, моцион...
А мы уж как-нибудь доедем!»
Смеется весело народ:
«Чай, будет все наоборот?»

Ах, дама нежная, с мешочком,
Пойдешь ты, жнлая, пешочком!

1917

Я Б ХОТЕЛ...

Я б хотел, чтоб высекли меня...
Чтоб потом, табличку наказаний
Показавши молча на стене,
Дали мне понять без толкований,
Что достоин порки я вполне.

Н. А. Добролюбов

Выхожу один я на дорогу,
Вдалеке народный слышен гул,
Буржуа в испуге бьют тревогу:
«Заговор!.. Спасайте!.. Караул!..»

Буржуа звериным воют воем:
«Смерть ему!..
Распять его, распять!..»
Мне грозит «их» Церетели боем,
Отступил и забулганя опять:

Загремел начальственно-солидно,
Задымил казенным сургучом...
Что же мне так больно и обидно?
Страшно ль мне? Жалею ль я о чем?

Не страшусь, пожалуй, ничего я, —
И не жаль буржуев мне ничуть:
Пусть они все изойдут от воя,
Знаю я, что путь мой — верный путь.

Богачам, конечно, я опасен:
Порох сух и только ждет огня.
Но чтоб всем был этот вывод ясен,
Я б хотел, чтоб взяли в култы меня.

Но не так, как в оны дни пороли,
Давши власть злым полицейским всам:
Я б хотел, чтоб в этой чистой роли
Церетели выступил бы сам;

Чтобы, всю таблицу наказаний
Прописавши на моей спине,
Дал он всем понять без толкований,
Что достоин порки я вполне;

Чтоб я мог, вновь натянув опорки,
Всем сказать спокойно, не грозя:
«Чтите власть... и ждите доброй порки:
Управлять иначе — «им» нельзя!!!»

1917

МОЯ СТИХ

Пою. Но разве я «пою»?
Мой голос огрубел в бою,
И стих мой... блеску нет в его простом
наряде.
Не на сверкающей эстраде
Пред «чистой публикой», восторженно-
немой,
И не под скрипок стон чарующе-напевный
Я возвышаю голос мой —
Глухой, надтреснутый,
насмешливый и гневный.
Наследья тяжкого неся проклятый груз,
Я не служитель муз:
Мой твердый, четкий стих —
мой подвиг ежедневный.
Родной народ, страдалец трудовой,
Мне важен суд лишь твой,
Ты мне один судья прямой, нелицемерный,
Ты, чьих надежд и дум я —
выразитель верный,
Ты, темных чьих углов я — «спес
сторожевой»!

1917

СТРАДАНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ
ПО КОРНИЛОВСКОМУ
(ТОЛЬКО ЛИ?) ДЕЛУ

Песня

Ты не спрашивай,
Не пытай.

Из народной песни

Ох, сложу-сложу
Полномочия.
На допрос пишу, —
Многозначия!

Положеньице
Невылазное,
И в башку бредет
Несуразное:

То кормилится,
То мне керится,
Будет вправду ль суд, —
Мне не верится.

1917

ПТИЦЕЛОВЫ

Весною некий птицелов
Ловил перепелов;
Лежал в траве густой часами,
На сети на свои глядел издали. —
Перепела ж ловились сами.
Была ли на сетях приманка велика?
Да ровно никакой! Доверчиво и смело
Шли птицы на привычный зов:
Обманщик ловкий птицелов
Перепелный бой подделывал умело!

•

Как много в жизни дни вот таких ловцов
Средь политического поля!
— «Земля и воля!»
— «Земля и воля!»
— «Права!» — «Порядок!» — «Хлеб!» —
Свистят со всех концов.
Кто верит всякому
«на вид — социалисту»,
Те уподобятся легко перепелам.
Друзья, судите не по свисту,
А по делам!

1917

У ГОСПОД НА ЕЛКЕ

Помню — господи, прости!
Как давно все было! —
Парень лет пяти-шести,
Я попал под мыло.

Мать с утра меня скребла,
Плыва втихомолку,
А под вечер повела
«К господам на елку».

По снежку на черный ход
Пробрались искусно.
В теплой кухне у господ
Пахнет очень вкусно.

Тетка Фекла у плиты
На хозяев злится:
«Дали к празднику, скоты,
Три аршина ситца!»

Обносилась, что мешок:
Ни к гостям, ни к храму.
Груне дали фартушок —
Не прикрасишь сраму!»

Груня фыркнула в ладонь,
Фартушком трихнула.
«Ну и девка же: огонь!» —
Тетушка вздохнула. —

Все гульба нейдет с ума,
Нагуляет лихо!
Ой, никак, идет «сама»!
В кухне стало тихо.

Мать рукою провела
У меня под носом.
В кухню барыня вошла, —
К матери с вопросом:

«Здравствуй, Катя! Ты — с сынком?
Муж, чай, рад получке?»
В спину мать меня пинком;
«Приложися к ручке!»

Сзади шум. Бегут, кричат:
«В кухне — мужичонок!»
Звон сколько их, барчат:
Мальчиков, девчонок!

«Позовем его за стол!»
«Что ты, что ты, Пепка!»
Я за материн подол
Уцепился крепко.

Запросившись домой,
Задал реву сразу.
«Дём, нишкни! Дурак прямой.
То ль попорчен сглазу».

Кто-то тут успел принести
Пряник и игрушку:
«Это пряник. Можно есть».
«На, бери хлопушку».

«Вот — растите дикарей:
Не проронит слова!..
Дети, в залу! Марш скорей!»
В кухне тихо снова.

Фекла злится: «Каково?
Дали тож... гостинца!..
На мальчика глядят как: во!
Словно из зверинца!»

Груня шепчет: «Дём, а Дём!
Напечем-паварим.

Завтра с Феклой — жди — придем.
То-то уж задарим!»

Попрощались и — домой.
Дома — пахнет водкой.
Два отца — чужой и мой —
Пьют за загородкой.

Спать мешает до утра
Пьяное соседство.

Незабвенная пора,
Золотое детство!

Январь 1918 г.

МЫ НЕ ОДНИ

Мы ждали, в даль впередя очи:

Когда ж откликнутся они?

Мы шли одни во мраке ночи,

Мы шли одни.

Но, вери в близкий час рассвета,

В один сомкнувшийся порыв,

Мы ждали братского ответа

На наш призыв.

И вот горит заря пожаром,

Зажглись братские огни.

Друзья! Боролись мы не даром!

Мы не одни.

1918

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕВАЛ

Везут меня иль сам я еду,
Но знаю, сидя на возу,
Что рано праздновать победу,
Что гады ползают вниз,
Что воздух весь насыщен ядом
И что свободно мы вздохнем,
Когда в бою с последним гадом
Ему мы голову свернем.

Друзья, в великом, как и в малом,
Есть заповедная черта:
Перед *последним перевалом*
Дорога более крута.
Напрячь должны мы все усилия,
Чтоб после схватки боевой
С вершин в *Долину изобилья*
Войти семьею трудовой!

1918

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ГУДОК

Глубокою ночью воздух морозный
Прорезал призыв твой

тревожный и грозный:
«Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Смертельный твой враг — у ворот!»

Твой голос, стозвучным подлаченный
гудом,
Звучал, как набат, над трудящимся людом:
«Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Насильник стоит у ворот!»

Твой клич повторил пролетарий всевластный,
Доносится к нам его голос ответный:
«Проклятье злодеям, таорящим разбой!
К оружию, народ трудовой!»

Услышав твою боевую тревогу,
К нам рать трудовая спешит на подмогу,
И, слыша ее сокрушительный шаг,
Трепещет зарвавшийся враг.

Священные храмы труда и свободы,
Застыли в суровом молчанье заводы,
Проходят пред ними в щетине штыков
Ряды пролетарских полков.

Гудя же, гудок!

Всему миру поведай,
Что все мы умрем или вернемся с победой!
«Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Смертельный твой враг — у ворот!»

1918

РАБОТНИЦЕ

Язык мой груб. Душа сурова.
Но в час, когда так боль остра,
Нет для меня нежнее слова,
Чем ты — «работница-сестра».

Когда казалось временами,
Что силе вражьей нет числа,
С какой отвагой перед нами
Ты знамя красное несла!

Когда в былые дни печали
У нас клонилась голова,
Какою верою звучали
Твои бодрящие слова!

Пред испытанья горькой мерой
И местью, реющей вдали,
Молю, сестра: твоею верой
Нас подними и исцели!

1918

NAME

Мой ум — мужицкой складки,
Прыкиши с ранних лет
брести путем угадки.
Осылая груды книг, пройдя все ранги
школ,
Он все ж не приобрел ни гибкости,
ни лоска:
Стрелой не режет он воды,
как миноноска,
Но ломит толстый лед,
как грузный ледокол,
И были для него нужны не дни, а годы,
Чтоб выровнять мой путь по маяку
Свободы.

1918

«ПРАВДЕ»

Брожение юных сил,
надежд моих асена,
Успехи пераые, рожденные борьбою,
Все, все, чем жизнь моя
досель была красна,
Сосдинилось с тобою.
Не раз теснила нас враждебная орда
И наше знамя попирала,
Но вера в наш успех конечный никогда
У нас в душе не умирала,
Ряд одержав побед под знаменем твоим
И закалнл навек
свой дух в борьбе суровой,
В тяжчайшие часы мы верим: мы стоим
Пред новою борьбой
и пред победой новой!
Стяг красный водрузил
у древних стен Кремля,
Стяг красный «Правды» всенародной,
Знай, трудовая рать, знай, русская земля,
Ты выйдешь из борьбы —
великой и свободной!

17 марта 1918 г.

«ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ»

У батюшки Ипата
Воднялся деньжата.
Конечно, дива тут особенного нет:
Поп намолня себе монет!
Однако же, когда забыли люди бога
И стали сундуки трясти у богачей,
Взяла попа тревога:
«Откроют, ироды, ларек мой без ключей!»
Решив добро свое припрятать похвнее,
Поп, выбрав ночьку потемнее,
Перетащил с деньгами ларь
В алтарь
И надпись на ларе искусно вывел мелом:
«Сей ларь — с Христовым телом».
Но хитрый пономарь,
Пронюхав штуку эту
И выудивши всю поповскую монету,
Прибавил к надписи:
*«Несть божьих здесь телес:
Христос воскрес!»*

•

Что пономарь был плут, я соглашусь,
не споря,
Плут обманул плута —
так кто ж тут виноват?
Но я боюсь, чтоб поп Ипат
Не удавился с горя.

1918

МОЛОДНЯК

Годков тому примерно пять
Помещик некий в лес заехал погулять.
На козлах Филька красовался,
Такой-то парень — богатырь!
«Видишь, как тут заросло,
а был совсем пустырь. —
Молодняком помещик любовался. —
Как, Филька, думаешь? Хорош молодничок?
Вот розги где растут. Не взять ли нам пучок?
В острастку мужикам... на случай
своеволья!»
«М-да! — Филька промышчал,
скосивши вбок глаза. —
М-да... розги — первый сорт... Молоднячок... Лоза!..
Как в рост пойдут,
ведь вот получатся дреколья!»

•

Какой же в басенке урок? Смешной вопрос.
Года все шли да шли, — и молодняк подрос.

17 мая 1918 г.

ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА

Боевая песня

Глухая ночь — не навсегда;
Не вечны мрак и жуть:
Уж предрассветная звезда
Нам освещает путь.

Фабричный молот, сельский плуг
В ее лучах горят.
Рабочий, пахарь — брат и друг —
Мы стали в тесный ряд!

Навеки спаяны одной
Жестокою судьбой,
Мы некрушимою стеной
Идем на смертный бой.

Идем на смертный бой с врагом.
В бой! Отступленья нет!
Пусть мрак еще царит кругом,
Но близится рассвет!

Глухая ночь — не навсегда,
Исчезнут мрак и жуть.
Нам наша красная звезда
Указывает путь!

1918

«ДО ЭТОГО МЕСТА!»

В промокших дыравых онучах,
В лохмотья худые одет,
Сквозь слякк, торчащий на кручах,
С сумой пробирается дед.

Прибилсь старые ноги,
Ох, сколько искожено мест!
Вот холмик у самой дороги,
Над ним — покосившийся крест.

«Могилку какого бедняги
Кругом обступили поля?
И где для меня, для бродяги,
Откроет объятья земля?»

Вперед на дымки деревушки
Идет старичок чрез овраг.
Над крышею крайней избушки
Кумачный полощется флаг.

Плакат на стене с пьяной рожей
Царя, кулака и попа.
«Час добрый!»

«Здорово, прохожий!»
Варуг деда сгрудилась толпа.

«Пожалуй-ка, дед, на ночевку».
«Видать, что измаялся ты».
«Куда я пришел?»

«В Пугачевку».
«А тут?»

«Комитет бедноты».

Прохожему утром — обновка,
Одет с головам и до ног:

Рубаха, штаны и поддевка,
Тулуп, пара добрых сапог.

«Бери! Не стесняйся! Чего там!
Бог вспомнил про нас, бедняков.
Была тут на днях живоглазая
Ревизия их сундуков».

Надевши тулуп без заплатки,
Вздохнул прослезившийся дед:
«До этого места, ребятки,
Я шел ровно семьдесят лет!»

6 ноября 1918 г.

ПРОВОДЫ

Красноармейская песня

Как родная мать меня
Провожала,
Как тут вся моя родня
Набежала:

«А куда ж ты, паренек?
А куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек,
Да в солдаты!

В Красной Армии штыки,
Чай, найдутся.
Без тебя большевики
Обойдутся.

Поневоле ты идешь?
Аль с охоты?
Ваня, Ваня, пропадешь
Ни за что ты.

Мать, страдая по тебе,
Поседела,
Эвон в поле и в избе
Сколько дела!

Как дела теперь пошли:
Любо-милу!
Сколько сразу нам земли
Привалило!

Утесненный прежних нет
И в помине.
Лучше б ты женился, сает,
На Арине.

С молодой бы жил женой,
Не ленился!»
Тут я матери родной
Поклонился.

Поклонился всей родне
У порога:
«Не скулите вы по мне,
Радя бога.

Будь такие все, как вы,
Ротозен,
Что б осталось от Москвы,
От Расаи?

Все пошло б на старый лад,
На недолю.
Взяли б вновь от нас назад
Землю, волю;

Сел бы барин на земле
Злым Малютой.
Мы б завьли в кабале
Самой лютой.

А иду я не на пляс,
На пирушку,
Покидаючи на вас
Мать-старушку:

С Красной Армией пойду
Я походом,
Смертный бой я поведу
С барским сбродом.

Что с попом, что с кулаком —
Вся беседа:
В брюхо толстое штыком
Мироеда!

Не сдаешься? Помирай,
Шут с тобою!

Будет нам милее рай,
Взятый с бою, —

Не кровавый, льяный рай
Мироедский, —
Русь родная, вольный край,
Край советский!»

Саянжск, 1918 г.

ЦЕНТРОШИШКА

Злой рыже-красный клест,
взобравшись на елку,
Горланит дико и без толку.
Про певчего ж дрозда
вам разве лишь, глухой
Решится утверждать,
что дрозд — певец влохой.
Однако некий клест,
тупой ценитель пенья,
Насчет веселого дрозда
Держался собственного мнения,
И бедного певца развешивал всегда.
При всяком случае —
удобном, неудобном, —
Он поносил дрозда в каком-то рже
злобном.
Случилось одной зимой,
Что голод наступил в лесу необычный.
(На шишки выпал год
весьма неурожайный!)
Пришел для птиц конец прямой.
Вот собрался у них совет: снегирь, синица,
Чиж, кто-то там еще
и, первым делом, клест.
Клест — оборотистая птица.
Он первый речь повел,
задравши гордо хвост:
Раз, дескать, в шишках нет излишку,
То надобно скорей устроить Центрошишку,
Все образуется тогда.
«А что касается... дрозда, —
Вдруг речь закончил клест неожиданно, —
То до того, скажу, поет он бесталанно,
Что — с тем,
чтоб нам его от пенья отучить, —

Из Центрошпишки след
дрозда нам исключить!»

Уж так бывает постоянно:
Клест запоем — дрозду приходится молчать.
Теперь пустился клест на новые делишки
И, слышно, норовит
прибрать к рукам печать,
Стать первой скрипкою
советской «Центрокишки»,
Судьей писателей... Довольно тонкий пост!
Что ж? Если сядет нам на шею
центроклест,
Не получилось бы,
смотрите, Центрошпишки!

1918

ТОВАРИЩУ

Морщины новые на лбу —
Тяжелой жизни нашей веки.
Товарищ, кончим ли борьбу?
Товарищ, сложим ли доспехи?

Свободе нужен пьедестал.
Мы создадим его из стали.
Товарищ, знаю, ты устал.
И я устал. Мы все устали.

Я — не герой. Но ты — герой.
И крепок я — твоею силой.
О, как мне хочется порой
Прийти к тебе, товарищ милый!

Прийти. Взглянуть в твои глаза.
Смотреть в них долго с лаской нежной.
Еще не миновала гроза,
И мы пред битвой неизбежной.

Мы будем биться. И следить
Я за тобою буду взглядом.
С тобой я должен победить
Иль умереть с тобою рядом!

Январь 1919 г.

СНЕЖОК

Шуточная

Из-под тучки востер вост,
Из-под падевы — снежок.
У девчонки сердце млеет,
Что не пишет мня-дружок.

Едут сани из Казани,
Кони падают в снегу.
«Жду я, жду письма от Вани,
Все дожидаться не могу!»

Звон, снегу сколько, шутка!
Нет ни краю, ни конца.
Не горюй, не плачь, Машутка:
Жди от Вани письмеца.

Мы дороги все исправим
Без-особого труда:
На учет весь снег поставим, —
Снег исчезнет без следа!

1919

ЧАСТУШКИ

Девичьи

Говорила дураку:
«Не курил бы табаку,
А сосал бы соску.
Рубль за папироску!»

Исходила я все лавки,
Канифасу не нашла.
Пуд муки за три булашки
Я приказчику дала.

Ой, хохонюшки, хо-хой,
Ходит барин за сохой,
В три ручья он слезы льет:
Нашей кровушки не пьет!

Косит Федя на реке
В новом барском сюртуке.
Нарядился дуралей, —
Ты в поддевке мне милей!

На платочке я для Федя
Вышиваю буки-веди.
В Красной Армии, в бою,
Помни милую свою!

Будь я парнем, не девицей,
Была б вольною и птицей.
Не сидела б, не тужила,
В Красной Армии служила!

1919

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

(Мемориальная доска)

На Красной площади,
у древних стен Кремля,
Мы — стражи вечные твои,

товарищ милый.

Здесь кровью полита земля,

Здесь наши братские могилы.

Бойцы, сраженные в бою,

Мы в вечность отошли.

Но ты — еще в строю,

Исполненный огня и пролетарской силы.

Так стой же до конца

за власть и честь свою,

За пролетарскую великую семью,

За наши братские могилы!

30 сентября 1919 г.

КРАСНЫЙ ФЛОТ

Жую огрызок папиросы,
Я жду из Питера вестей:
Как наши красные матросы
Честят непрошенных «гостей»!

Фортов кронштадтских ли снаряды
Сметают «белые» ряды?
Или балтийские отряды
С пехотой делят все труды?

Но — без вестей я знаю твердо:
Там, где стоит наш Красный Флот,
Там — красный флаг алеет гордо,
Там — революции оплот, —

Там красный фронт —
  броня стальная,
Там — нерушимая стена,
Там — тщетно пенится шальная
Белогаardeйская волна!

1919

ПРАВДА-МАТКА,

или — как отличить на
фронтах подлинные листовки
Демьяна Бедного от бело-
гвардейских подделок под
них

Вожу пером, ребитушки,
По белому листу.
С народом я беседовать
Припык начистоту.
За словом, сами знаете,
Не лезу я в карман,
Но не любил я отроду
Пускаться на обман.
За правду распинаюсь я
Уж много-много лет
И за словечко каждое
Готов держать ответ.
Написано — подписано,
Читай меня — суди.
Любовь и злая ненависть
Сплелась в моей груди:
Любовь — к народу бедному
И ненависть — к панам,
К царям, попам, помещикам
И всяческим «чидам».
За то, что раскрываю я
Всю правду бедняку,
Меня б дворяне издернули
На первом же суку.
Покл же на другой они
Пускаются прием:
Печатают стишечки,
Набитые враньем.
Стишки моею подписью

Скрепляют подлецы,
Чтоб их вранье за истину
Сочли бы простецы.
Но с подписью поддельною
Уйдешь недалеко.
Мои ль стихи, нль барские, —
Друзья, узнать легко:
Одной дороги с Лениным
Я с давних пор держусь.
Я Красной нашей Армией
Гордился и горжусь.
Мне дорог каждый искренний
И честный большевик.
В моем углу два образа:
Рабочий и мужик.
За строй коммунистический
Стоял я и стою.
Помещикам, заводчикам —
Пошады не даю.
Стремясь рассеять знаньем
Души народной мрак,
Я — враг всех бабьих выдумок
И всех поповских врак.
Как вы, *люблю я роднику,*
Но — не рабыню-Русь,
Которой помыкал бы
Разъезжаясь гнусь.
Люблю я Русь народную,
Советский вольный край,
Где мироедам — места нет,
Где труженикам — рай.
Еще, друзья, приметою
Отмечен я одной:
Язык — мое оружие —
Он наш язык родной.
Без вывертов, без хитростей,
Без вычурных прикрас
Всю правду-матку попросту
Он скажет в самый раз.
Из недр народных мой язык
И жизнь и мощь берет.
Такой язык не терпит лжи, —

Такой язык не врет.
У Кривды — голос ласковый,
Медоаме уста,
У Правды — речь укорная,
Сурова и проста;
У Кривды — сто лазеечек,
У Праады — ни одной;
У Кривды — путь извилистый,
У Правды — путь прямой;
В сапожках Кривда в лайковых,
А Праада — босиком, —
Но за босою Правдою
Пойдем мы пряником!

1919

О ЧЕРТЕ

Новогоднее

Среди поэтов я — политик,
Среди политиков — поэт.
Пусть ужасается эстет,
И пусть меня подобный критик
В прах разнесет, мне горя нет.
Я, братцы, знаю то, что знаю.
Эстету древний мнѣ Парнас,
А для меня (верней, для нас)
Милее путь к горе Синаю:
Парнас есть миф, Синай — закон,
И непреложный и суровый.
И на парнасский пустозвон
Есть у меня в ответ — готовый
Свой поэтический канон.
Сам государстvenник Платон,
Мудрец, безжалостный к поэтам
(За то, что все поэты врут),
Со мной бы не был очень крут.
Там, где закон:

«Вся власть — Советам»,

Там не без пользы мой свисток,
Там я — сверчок неутомонный,
Усевшийся на свой законный
Неосуждаемый шесток.
Пусть я лишь грубый слух пленяю
Простых рабочих, мужиков,
Я это в честь себе вменяю,
Иных не надо мне венков.
Вот я поэт какого сорта,
И коль деревня видит черта
И склонна верить чудесам,
То черта вижу и я сам.
С детьми язык мой тоже детский,

И я, на черть сев верхом,
Хлешу его своим стихом.
Но: этот черт уже советский;
На нем клеймо не адских сфер,
А знак «Эс-Дес» или «Эс-Эр»,
И в этом нет большого дна.
Про черта речь моя правдива.
Где суеверная толпа
Покорна голосу попа,
Там черт пойдет в помы, в монахи,
И я слышал такие страхи,
Как некий черт везде сновал,
Вооружась крестом нагрудным,
И, промышляя делом блудным,
В лесу обитель основал,
Вошел в великую известность
И, соблазнавши всю окрестность,
Потом (для вынуду) опочил
И чин святого получил;
С мощами дьявольскими рака,
По слухам, и до наших дней,
Для душ, не вышедших из мрака,
Святыней служит, и пред ней,
Под зvon призывно колокольный,
Народ толпится богомольный.

Черт современный поумней,
От показного благочестия
Его поступки далеки:
Он от строки и до строки
Прочтет советские «Известия»,
Все обмозгует, обсосет
И, случай выбравши удобный, —
Советской власти критик злобный, —
Иль меньшевистскую несет,
Иль чушь эсеровскую порет,
А черта черт ли переспорит?!
Черт на вранье большой мастак,
В речах он красочен и пылок.
«Ну ж, дьявол, так его растак!»
Его наслушавшись, простах
Скребет растерянно затылок:

«Куда он только это гнет?
Порядки царские клянет.
Но и советских знать не хочет.
Про всенародные права,
Про учредилровку хлопчет,
А суть выходит такова,
Что о буржуях он хлопчет.
Кружится просто голова!»

И закружится поневоле.
Черт — он учен в хорошей школе
И не скупится на слова.
У черта правило такое:
Слова — одно, дела — другое,
Но речь про чертовы дела
Я отложу уже на святки.
Хоть вероятность и мала,
Что речь продолжу я, ребятки.
Бумага всех нас подвела:
Большие с нею недохватки;
В газетах нынче завели
Такие строгие порядки,
Что я, как рыба на мелн,
Глотаю воздух и чумею,
Теряю сотни острых тем
И скоро, кажется, совсем.
Чертям на радость, онемею.

Пишу сне не наобум.
Не дай погибнуть мне, *глазбум*,
И заработай полным ходом, —
На том кончаю. *С Новым годом!*

НА ПОМОЩЬ КРАСНЫМ БОЙЦАМ

к «Неделе фронта»

Горькая чаша, но, славная чаша
Выпала всем нам на долю.
Кроаю истекшая родина наша
Бьется за вольную волю.
Мощным порывом разбь слои ржавые
Тысячелетние путы,
Гневно взметнулись руки шершавые
В анхре неслыханной смуты.
Люд изнуренный, невольник раскованный,
Терпит безмерные муки.
Счастье народное — клад заколдованный —
Трудно дается нам в руки.
Но победит наше слово заветное
Грозные вражьи перуны.
Близится, близится царство всесветное
Братской рабочей коммуны.
Ждут нас, быть может, еще поражения,
Новые жертвы и раны, —
Мы против вражьего злого вторжения
Новые давим тараны.
Рсют исполохи над дальними странами,
Рвутся бойцы нам на смену.
Скоро пробьем мы двойными таранами
Вражью проклятую стену.
Красные рати, не зная усталости,
Бьются с отвагою лавиной,
Черную силу сметают без жалости
Неудержимой лавиной.
К светлым просторам
сквозь дебри дремучие
Нам расчищают дорогу,
Верят бойцы в свои силы могучие,
В братскую нашу подмогу.

Их беззаветной отваги последствия —
Высшая наша отрада,
Наши восторги и наши приветствия —
Красным героям награда.
Братья и сестры, чтоб новые бедствия
Нашим не стали уделом,
Красным бойцам посылайте приветствия,
Но — подкрепляйте их делом.

1920

ДЕНЬ ПРОЗРЕНИЯ

В руках мозолистых — икона,
Блестящий крест — в руке попа.
Вдруг вероломного Галона
Хоругвеносная толпа,
Толпа, привыкшая дорогу
Топтать к Христову алтарю,
С мольбою шла к земному богу,
К самодержавному царю.
Она ждала, молила чуда.
Стои обездоленного люда
Услыша, добрый царь-отец
Положит мукам всем конец.
Царь услышал, и царь ответил:
Толпу молящуюся встретил
Его губительный свинец.

Великий, страшный день печали, —
Его мы скорбью отмечали.
Но — крепкий плод его дозрел.
Так пусть же песни наши грянут!
Победным гимном пусть поминут
День этот все, кто был обманут
И кто, обманутый, прозрел!

1920

ГУЛИМДЖАН¹

*Национальный гимн
социал-демократов*

Чхеидзе и Церетели обра-
тились к Антанте с просьбой
о помощи против большеви-
ков.

Из газет

В Александровском саду
Музыкам игрался.

И т. д.

Известная песенка

Мы садился на ишак
И в Париж гулялся.
Клеманса, такой чудак,
Очень нам смеялся.
Гулимджан! Гулимджан!
Знаем свое дело:
Весь Кавказ ни за ларжан²
Продаем умело.

---

¹ По радио одной из наших армий в феврале 1920 года это стихотворение было передано в Тифлис, тогда еще меньше-нистский.

Радиотелеграфисты Грузии были столь к нам расположены, что приняли «радио-стихотворение» и ответили:

«Ура!! Привет Демьяну Бедному!
Завтра выпьем за его здоровья!»

² Французские денежки.

«Тыфу! — смеялся Клеманса. —
Не было печаль!»

Ми ему а даа галаса

Гулимджан кричади:

Гулимджан! Гулимджан!

Знаим свае дело:

Честь и совесть за ляржан

Продаем ми смело!

Ллойд-Джорджданья дьерь открыл

В кабинет случайно,

Ми с Чхендзем гаварыл:

«Рады чрезвычайно!»

Гулимджан! Гулимджан!

Знаим свае дело:

Ми Баку вам за ляржан

Уступаем смело!

Закричали ми: «Ай-ай! —

С непеселым физий. —

Ради бога, присылай

Поскорей дивизий!»

Гулимджан! Гулимджан!

Знаим свае дело:

Продадим вам за ляржан

Душу ми и тело!

Ленни сжарит шашлык

С наших демократий,

Он имеет на Баку

Пребольшой симпатий!

Гулимджан! Гулимджан!

Знаим свае дело:

Наш Тифлис — один духан!

Покупайте смело!

Ллойд-Джорджданья атвечал:

«Тронут вашим горем,

Наш английский флот помчал

Нашим Черным морем!»

Гулимджан! Гулимджан!

Нам какое дело?

Нас коварство англичан

Вовсе не задело.

«Менн тенкс!» — «Мерси боку!» —

«Можем обещаться,

Что английский наш Баку
Будет защищаться!>
Гулимджан! Гулимджан!
Знаем свое дело:
Мы Баку вам за ларжан
Уступаем смело!
Независимый Тифлис
Тут нам объявлялся.
Мы кричали: браво! бис!
И назад гулялся!
Гулимджан! Гулимджан!
Знаем свое дело:
Весь Кавказ мы за ларжан
Продаем умело!

Исполнители *Церетели* и
Чхеидзе.
Записал *Демьян Бедный*.

1920

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Былых господ прогнавши взащей,
Мы знаем: есть страшнее враг, —
Мы по пути к победе нашей
Смершнян только первый шаг.

Страшнее барской шайки дикой
Нас изнурившая нужда.
Вперед же, воины великой
Единой армии труда!

Отбив рукой вооруженной
Всю злую вражескую гнусь,
Спасем работой напряженной
Коммунистическую Русь.

Работать все станки заставим,
Исправим всё и пустим в ход —
И от смертельных мук избавим
Нуждой измаянный народ.

Мы деревушкам скажем черным:
«Довольно жутких, темных зим!
Себя трудом, трудом упорным,
Мы к светлой жизни воскресим!»

Есть на Руси один хозяин —
Народ свободный, трудовой.
С рабочим пахарь кровно спаян
Одною спайкой боевой:

В одном строю — герой с героем —
Шли в бой, опасности деля.
Вперед же, братья, бодрым строем!
Свои заводы мы откроем,
Свои запашем мы поля.

Свои богатства мы умножим
И возрастим свои плоды,
У общих фабрик горы сложим
Из торфа, угля и руды.

Жизнь забурлит живым потоком,
Не зная вражеских запруд, —
И мы, в спокойствии глубоком,
Окинув Русь хозяйским оком,
Благословим наш общий труд!

1920

ЖЕСТКИЙ СРОК

Разжигатель неученный —
Я кочую по фронтам.
Мой вагон — дырявый, темный,
Нынче здесь, а завтра там.

Плут или трус — моя добыча:
Опозорю, засмею.
Я, повсюду нос свой тыча,
Зря похвал не раздаю.

Рожи лодырей малюя,
Их леплю на все углы.
Но когда кого хвалю я,
Значит, стоит он хвалы.

Шляхта подлая, тупая
Понапрасну нос дерет.
Отступая, наступая,
Мы идем вперед, вперед.

Путь известен: до Варшавы.
Видел место я вчера,
Где наводят переправы
Наши чудо-мастера.

Красным штабом самый точный
Обозначен им урок:
«Нужен мост на диво прочный
В срок — кратчайший. Жесткий срок».

Молотки стучат задорно.
Топоры звенят-поют.
Средь высоких свай проворно
Чудо-техники снуют.

Через Неман на Варшаву
«Шьют» стальную колею.
Всем путейцам нашим славу
Я охотно пропою.

Не напрасно путь здесь лежит.
Красный фронт наш дал зарок:
Чванной шляхте он покажет,
Что такое «жесткий срок».

1920

Западный фронт

ПЕЧАЛЬ

Дрожит вагон. Стучат колеса.
Мелькают серые столбы.
Вагон, сожженный у откоса,
Один, другой... Следы борьбы.
Остановившись. Полустанок.
Какой? Не все ли мне равно.
На двух оборванных цыганок
Гляжу сквозь мокрое окно.
Одна — вот эта, что моложе, —
Так хороша, в глазах — огонь.
Красноармеец — рваный тоже —
Пред нею вытянул ладонь.
Гадалки речь вперед знакома:
Письмо, известье, дальний путь...
А парень грустен. Где-то дома
Остался, верно, кто-нибудь.

Колеса снова застучали.
Куда-то дальше я качу.
Моей несказанной печали
Делить ни с кем я не хочу.
К чему? Я сросся с бодрой маской.
И прав, кто скажет мне в укор,
Что я сплошную красной краской
Пишу в небе и забор.
Души неясная тревога
И скорбных мыслей смутный рой...
В окраске их моя дорога
Мне жуткой кажется порой!
О, если б я в такую пору,
Отдавшись власти черных дум,
В стихи оправил без разбору
Все, что идет тогда на ум!
Какой посторг, какие ласки
Мне расточал бы вражий стан,

Все, кто исполнен злой опаски,
В чьем сердце — траурные краски,
Кому все светлое — обман!

Не избалован я судьбою.
Жизнь жестоко меня трясла.
Все ж не умножил я собою
Печальных нитков числа.
Но — полустанок захоластный...
Гадалки эти... ложь и тьма...
Красноармеец этот грустный
Все у меня нейдет с ума!
Дождем осенним плачут окна.
Дрожит расхлябанный вагон.
Свинцово-серых туч волокна
Застлали серый небосклон.
Сквозь тучи солнце светит скудно.
Уходит лес в глухую даль.
И так на этот раз мне трудно
Укрыть от всех мою печаль!

Полесье, 13 сентября 1920 г.

МАНИФЕСТ БАРОНА ФОН ВРАНГЕЛЯ

Ихъ фанге ан¹. Я нашинаю,
Эс нет² для всех советских мест,
Для русский люд из краю в краю
Баронский унзер³ манифест.
Вам мой фамилий всем известный:
Ихъ бин⁴ фон Врангель, герр барон.
Я самый лючший, самый шестный
Есть кандидат на царский трон.
Послушай, красные зольдаты⁵;
Зашем ви бьетесь на меня?
Правительств мой — все демократен,
А не какой-нибудь зиния.
Часы с поломанной пружина —
Есть власть советский такова.
Какой рабочий от машина
Имеет умный голова?
Какой мужик, разлүчийный с полем,
Валяйт не будет дурака?
У них мозги с таким мозодем,
Как их мозолистый рука!
Мнт клейнем⁶, глюпеньким унишком
Всех зо генанитен⁷ простофиль
Иметь за власть?! Пфуй, это слишком!
Ихъ шпрехе: ⁸ пфуй, дас ист цу филь!⁹
Без благородного сословий
Исторный русский — круглый нуль.
Шлехт!¹⁰ Не карош порядки новий!
Вас Ленин ошень обмануль!
Ви должен верить мне, бароку.
Мой слово — твердый есть скала.
Мейн копф¹¹ ждет царскую корону,
Двухглавый адлер¹² — мой орла.
Святая Руссиянд,..¹³ гейлнх орде...¹⁴
Зи лигт им штербен¹⁵, мой земля.

Я с белый конь... фом вейсен пферде...¹⁸
Сойду цум вальтен¹⁹ стен Кремля.

И я скажу всему кнвалъству:
«Мейн фольк¹⁸, не надо грабежи!
Слюжите старому начальству,
Вложите в ножницы ножи!»

Вам будут слезы ошень литься.

«Порядок старый караша!»

Вн в кирхен¹⁹ будете молиться
За мейне руссияше душа.

Вн будет жить благополучно

И целовать мне сапога.

Гут!²⁰

«Подписал собственноручно»

Вильгельма-кайзера слуга,

Барон фон Врангель, бестолковой

Антантой признанный на треть:

«Сдавайтесь, мне на шестный слово.

А там... мы будем посмотреть!!»

Баронскую штучку списал и
опубликовал

Демьян Бедный.

Южный фронт.
5 октября 1920 г.

Пояснение немецких слов: ¹ Я начинаю.
² Это есть. ³ Наш. ⁴ Я есмь. ⁵ Солдаты.
⁶ С маленьким. ⁷ Так называемых. ⁸ Я го-
ворю. ⁹ Это чересчур. ¹⁰ Нехорошо. ¹¹ Моя
голова. ¹² Орел. ¹³ Россия. ¹⁴ Святая зем-
ля. ¹⁵ Она находится при смерти. ¹⁶ С бе-
лого коня. ¹⁷ У старых. ¹⁸ Мой народ.
¹⁹ В церквях. ²⁰ Хорошо.

5 Д. Бедный

ЛАТЫШСКИЕ КРАСНЫЕ БОЙЦЫ

Латыш хорош без аттестации.
Таков он есть, таким он был:
Не надо долгой агитации,
Чтоб в нем зажечь геройский пыл.

Скажи: «барон!» И, словно бешеный,
Латыш дерется, все круша.
Чай, не один барон повешенный
Свидетель мести латыша.

Заслуги латышей отмечены.
Про них, как правило, пиши:
Любые флаги обеспечены,
Когда на флангах — латыши!

Где в бой вступает латдивизия,
Там белых давят, как мышей.
Готовься ж, врагильская физия,
К удару красных латышей!

1920

ВОРОНЬЕ

При свете трепетном луны
Средь спящей смутным сном столицы,
Суровой важности полны,
Стоят кремлевские бойницы, —
Стоят, раздумье затая
О прошлом — страшном и великом.
Густые стан воронья
Тревожат ночь зловещим криком.
Всю ночь горланит до утра
Их черный стан, объятый страхом:
«Кра-кра! Кра-кра! Кра-кра! Кра-кра! —
Пошло все прахом, прахом, прахом!»
О, воплощенье мертвых душ
Былых владык, в Кремле царивших,
Душ, из боярских мертвых туш
В объятья к черту воспаривших!
Кричи, лихое воронье,
Яли отцовскую кручину:
Оплачь детей твоих житье
И их бесславиую кончину!
Кричи, лихое воронье,
Оплачь наследие твое
С его жестоким крахом! Крахом!
Оплачь минувшие года:
Им не вернуться никогда.
Пошло все прахом, прахом, прахом!

1920

ЗАВЯЗЬ

Святое царство правды строится
В родимой стороне.
Незримой много силы кроется
В народной глубине!
Вставайте ж, новые работники,
Рожденные в борьбе!
Поэты, вахари и плотники,
Мы вас зовем к себе!
Встань, рать подвижников суровая,
Грядущего оплот!
Расти и крепи, завязь новая,
И дай нам зрелый плод!

1920

НА ПЕРЕВАЛЕ

Товарищи!

Пускай, прельщая вас неисполнимым чудом,

Враги туманят вам глаза словесным блудом.

Я буду говорить для рыцарей труда.

Перед своим, родным,
перед рабочим людом

Лыстцом я не был никогда.

Я знал: мне верит мой читатель,

Как ни суров я был в моих стихах порой.

Я честно говорил герою: ты — герой!

И трусу говорил: ты — трус и ты — предатель!

И если мне бросал упреки малолет,

Я знал: то меньшевик лукавый, нль эсер,

Нль ошавелый обыватель,

Коль не прямой лакей баронов и князей,

Сам черносотенный ГамзеЯ.

Куда девались трактиршники бывшие,

Охотнорядцы, мясники,

Прохоисты важные, прохоисты рядовые,

Урядники, городовые,

Жандармы явные и тайные шпикн?

Многовековую народную проказу

Не удалось выжечь сразу:

Весь царский старый перегной,

Всю грязь злобонную,

то ту, то эту лужу

Каким ни ограждай кордоном нль стеной,

Она разыщет щель и выползет наружу.

Распространяя смрадный дух

И отравляя всех отравой тлетворной.

Враги не спят:

огонь их ненависти черной

В сердцах их черных не потух.
 То, чем открытые враги еще недавно
 На боевых фронтах нам угрожали явно,
 То тайные враги,
                                 весь разномастный хлам,
 Ковали тайно здесь,
                                 шипя по всем углам.
 Потом, отчаявшись в успехе,
 Они ж, при нашем общем смехе,
 С бесстыдством подлецов
                                 лихую чушь несли,
 Что «гуси Рим спасли»,
 Что именно они, меньшевики, эсеры,
 Весь перекусившийся сброд,
 Всегда «стояли» за народ.
 «Болезни» за него и «обсуждали» меры.
 Но только стонло, как в нынешние дни,
 Почувствовать нам боль
                                 хозяйственной замники,
 Как с новой яростью они
 С «заздравья» перешли
                                 на злобные «поминки».
 И дива в этом нет,
                                 как нет большой беды.
 Когда осилим мы проклятую трясину,
 То кандидаты на осину —
 Все те, кому не скрыть теперь
                                 своей вражды,
 Все те, по чьей вине
                                 погибло столько жизней
 В огне войны, в когтях нужды, —
 Они начнут драть и заметать следы.
 Что ни постигнет их,
                                 не жаль мне этих слезней!
 Но жаль мне подлинных страдальцев —
                                 бедняков,
 Жаль тех, кто,
                                 дрогнувши в тяжелые минуты,
 Сам на себя готов
                                 надеть бывшие путы,
 Сам просит для себя и тюрем и оков,

Былым «хозяевам»

сам подставляет плечи, —

Жаль тех, кто,

слушая предательские речи

И душу отравив безудержной хулой

Врагов, осипнувших от вою,

Стоит с поникшей головою,

Работу бросаешь, раздумчивый и злой.

И если, поутру склонившись

над газетой,

В рабочей хронике прочту я бюллетень,

Что неурядица идет такой-то день

На фабрике на той или этой, —

Мне, братья,

скорбная слеза туманит взор

И слова гневного «позор!»

Я не могу сказать,

судя рабочих строго.

Я говорю: «Друзья,

не слушайте лжецов!

Мы победим в конце концов!

Я знаю: горько вам живется и убого,

Но цель заветная близка, ее видать.

Все силы напряжем —

не будем голодать.

Страдали много мы. Осталось немного

Перетерпеть, перестрадать!»

БРАТСКОЕ ДЕЛО

С весны все лето, ежедневно
По знойным небесам он плыл,
                        сверкая гневно, —
Злой, огнедышащий дракон.
Ничто не помогло: ни свечи у икон,
Ни длиннорылые, колдующие маги,
Ни ходы крестные, ни богомольный вой:
Ожесточилась земля без доброй влаги,
Перекаленные пески сползли в овраги,
Порошине сухой, колючею травой.
    И нивы, вспаханные дважды,
Погибли жертвою неутоленной жажды.
Пришла великая народная беда.

Есть, братья, где-то города:
Раскинув шупальцы, как спруты-исполнны,
Злом дышат Лондоны, Парижи и Берлины.
Туда укрылись бывшие господа,
Мечтающие вновь обратиться нам на спины
И затанцовать одно лишь чувство — Мечь.
О, сколько радостных надежд
несет им весть,
Что солнцем выжжены
приволжские равнины.
Что обезумевший от голода народ,
Избушки бросивши пустые и овины,
Идет неведомо куда, бредет вразброд,
Что голод, барский друг,
«холопскому словью»
Впился когтями в грудь,
срывая мясо с кровью,
И что на этот раз придушит мужика
Его жестокая костяная рука.
А там... ах, только бы скорее!..
Ах, скорее!

И рад уже всер заранее ливрее,
В которой будет он, холуй своих господ.
Стоять навтыжку, храня парадный ход:
Эй, осади, народ!.. Не то чичас по шее!..
Эй, осади, народ!..

Поволжье выжжено. Но есть места иные,
Где не погиб крестьянский труд.
Где, верю, для волжан собратья их родные
Долг братский выполнят

и хлеб им соберут.
Пусть нелегко оно — налоговое бремя.
Но пахарь пахарю откажет ли в нужде?
Мужик ли с мужиком убьют преступно
время

В братоубийственной, корыстной,
злой вражде?
Пусть скардиный аулаа для хлеба яму роет.
Тем яму роя для себя, —

Тот, кто голодному в день черный
дверь откроет,
Об участи его, как о своей, скорбя,
Кто, с целью побороть враждебную стихию,
Даст жертвам голода подмогу

в трудный год,
Тот и себя спасет и весь родной народ.
Спасет народ — спасет Россию!

СВЕРХЛИБЕРАЛ

Недавно я писал о русских либералах,
Помешанных на белых генералах.
Царь Павел был на что
самодержавный зверь,
А либералы ждут: «Такого б нам теперь!»
Я удостоился на выпад свой ответа, —
От бешенства не азвидя света,
Какой-то либерал мне пишет напрямки
(Без подписи и, значит, без обмана):
«Что Павел? Павел — пустяки.
Не Павла жаждем — Тамерлана!»
Так вот он, либерал, к: коа,
когда он гол:
Не крепостник уже, а кочевой монгол!

1921

«ВЛАДИМИРКА»

«Н-но!.. Туда же, брыкаться...

Нвшлась недотрога!»...

Туго врезалась в твердую землю соха.

«Здравствуй, дядя! Гляжу я:

земля не плоха».

«Да крепка. Утоптали. Была ведь дорога.

Слышь, в Сибирь, значит,

гнали по ней в старину...

Эй, ты, н-ну.

Шевелись, сухопарая!»...

Борозда к борозде... Ком ложится на ком...

Кто узнал бы тебя нынче в виде таком,

Роковая путина, «Владимирка старая»?!

Брат мой, пахарь! Погибших бойцов

помяни.

Окруженные серым, суровым конвоем,

Пыльной летней порой —

под мучительным зноем.

Хмурой осенью — в тускло-ненастные дни,

И студенной зимой —

в ночи темные, вьюжные,

Кандалами греми, испитые, недужные,

По «Владимирке старой» шагали они.

Не склоняя голов непокорных,

Не смыкая усталых и скорбных очей.

Мимо жвакких лачуг, покосившихся, черных.

Мимо пышных усадеб своих палачей.

Подло-мстительной царской покараны

карой.

В рудники за бойцом посылавшей бойца,

Шли они — без концев, без конца.

без конца —

По «Владимирке старой»!

Сколько скорбных, невидимых нами теней,
Может быть, в это время проходят по ней
И движется на новые яркие восходы!
Пахары! Празднуя праздник

1921

АЗБУКА

Я не скажу, что нынче вёдро.
Тут правды незначем скрывать.
Но все же я настроен бодро
И не намерен унывать,
Хоть на унынье нынче мода.
Из большевистского прихода,
Хоть человек я и не злой,
Я б гига всех нытиков долой.
Одна любительница позы,
Из крайне-«свежих» героний,
Вчера шептала мне: «Аминь»,
Рисуя мрачные прогнозы.
Я ей сказал: «Шалтай-болтай!
Не хочешь петь, так улетай!»

Осточертел эти бредни,
Что, дескать, «мы уже не те».
Письмо крестьянское намедни
Пришлось прочесть мне в «Бедноте».
Письмо — великого значенья.
Вот образец для поученья!
Мужик стал просо разводить,
Да не умел за ним ходить:
Впервые стал он просо сеять.
Аи, урожай-то вышел плох.
Мужик не хныкал: «ах да ох!» —
Он просо стал усердно веять,
Чтоб приготовить семена.
Лишь из отборного зерна.
Посеял. Вновь — одна кручина.
Мужик слезы не уронил,
Стал разбираться: где причина?
Не так он просо азборонил.
«Блажной!» Жена уж смотрит косо.
Но в третий раз он сест просо.

И получился чудеса:
Вся золотая полоса, —
Согнулись мягкие метелки
Под тучной густостью зерна.
«И ледь земля-то не жирна!»
Пошли по всей деревне толки:
«Да на моей бы полосе...»
Решили просо сеять все!
Все это азбучно, беспорядо,
Но в этой азбуке — урок.
К чему стремится кто упорно,
То он получит в некий срок.
А в срок какой, ответить трудно.
Пороть горячку безрассудно.
Кому медантельность тяжка,
В том, стало быть, тонка книжка
Иль растянулась от натуги, —
Тогда для этаких книшек
Партийный нужен ремешок.
«Эй, подтянитесь, мил-други,
Чтоб близкии, может быть, всполох
Не захвати. бы нас ярасплох!»

СЕМЕНА

(Из моего детства)

Самовар свистал в три свиста.
Торопясь и шая,
Три румяных гимназиста
Уплетали кренделя.

Чай со сливками любовно
Им подсовывала мать.
«Вновь проспали! Десять ровно!
Надо раньше поднимать!

Все поблажкам нет предела!» —
Барин ласково гудел.
Мать на младшего глядела:
«Вася будто похудел...

Нету летнего румянца!..»
Состоя при барчуках,
Тяťка мой три школьных ранца
Уж держал в своих руках,

А за ним пугливо сзади
Я топтался у дверей.
Барин снова:
«Бога ради,
Мать, корми ты их скорей!

Вот! — он к тятке обернулся. —
Сколько нам с детьми хлопот.
Из деревни твой вернулся?
Разве зимних нет работ?

А, с книжонкою мальчишка?!
Велики ль его года?

Покажи-ка, что за книжка?
Подойди ж, дурак, сюда!»

Я стоял как деревянный.
Тятяка подал кингу вмиг.
«М-да... Не-кра-сов...
Выбор странный!..
Проку что с таких-то кинг?!

Ну, стишки!.. Ну, о народе!..
Мальчик твой, по существу,
Мог бы лучше на заводе
Обучаться мастерству!..

Или все мужичьи дети
Рвутся выйти в господа?..
И опять же книги эти...
Сколько скрыто в них вреда!..

Дай лишь доступ в наше время
К их злозредным семенам!!»
Тятяка сиреб смущенно темя:
«Что уж, барин!..
Где уж нам!...»

Я со страху и печали
На ногах стоял едва,
А в ушах моих звучали
Сладкой музыкой слова:

*«Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдится! Что за дело?
Это многих славных путь.*

*На без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезет в Москву.
Будешь в университете —
Сок свершится наяву!*

Там уж полприще широко:
Знай работай, да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!¹

6 декабря 1921 г.

---

¹ Из стихотворения Некрасова «Школьник».

ТРУД И ПОРЯДОК

В нашем государстве мы — партия порядка. Этот порядок достался нам дорогой ценой. И мы обязаны всеми средствами охранять его против всех врагов — и внутренних, и внешних, — которые посягают на него, разрушая то, что добыто с такими усилиями рабочим классом России.

(«П р а в д а». передовая
статья. 9 декабря 1921 г.)

Мы бурю подняли не бурелома ради.
Уничтожая гниль, гремели мы: — Вали!!
— Старью, глухнувшему молодняки,
ни пяди,
Ни пяди отнятой у темных сна земли!
— Долой с родных полей,
со всенародной пашни
Всю чужеродную, ползучую траву!!
И падали дворцы, и рушились башни,
И царские гербы валялись во рву!
Но разрушали мы не разрушенья ради.
Сказавши прошлому: «Умри и не вреди!» —
С цепями ржавыми весь гнет оставив
стади,
Мы видели простор бескрайний впереди,
Простор — для творчества,
простор — для жизни новой,
Простор — для мускулов,
для чувств, для ума!
Мы знали: школою тяжелой и суровой

Добьемся мы, чтоб свет стал
жизненной основой
Для тех, чей ум века окутывала тьма.
И потому-то так трясет их лихорадка.
Всех гадов, коим так мила назад оглядка,
Когда мы говорим: «Всему своя чреда.
Все — к пашням и станкам!

Мы — партия труда

И партия порядка!»

13 декабря 1921 г.

ДАВНО ПОРА

Даль степную застилает
Предвечерний мрак.
По тропинке едет шагом
Удалой казак.

Едет, браво заломивши
Шапку набекрень.
Возле речки — камышовый
Старенький курень.

Сивый дед свои лохмотья
Греет у огня.
«Здравствуй, дед!» — Казак лихого
Осадил коня.

«Здравствуй, милый! Далеко ли
Держишь путь ты, друг?»
«На казацкий круг я еду,
На советский круг».

Дед вздохнул, перекрестился:
«Ох, как с плеч гора!
Уж давно пора б так, детки!
Уж давно пора!»

1921

СОВЕТСКИЙ ЧАСОВОЙ

Баллада

Заткало прижью туманной
Весь левый склон береговой.
По склону поступью чеканной
Советский ходит часовой.

Во мгле туманной берег правый.
За темной лентою Днестра
Припал к винтовке враг лукавый,
В чьем сердце ненависть остра.

Кто он? Захватчик ли румынский?
Иль русский белый офицер?
Иль самостийник украинский?
Или махновский изувер?

Пред ним, дразня его ивпевом
Рабочей песни боевой,
На берегу на том, на левом,
Советский ходит часовой.

Лукавый враг — стрелок искусный,
Послал он пулю, зная куда.
Но не ушел убийца гнусный
От справедливого суда:

В кругу ль убийц, ему подобных,
Наедные ли, все равно,
Под вихрь и чувства, и мыслей злобных
Ему мерещится одно:

Там, над Днестром, во мгле туманной,
Все с той же песнью боевой,
Все той же поступью чеканной
Советский ходит часовой!

1922

ПУГАЛО

*(Надпись на памятнике
Александрѹ III в Ленинградѣ)*

Мой сын и мой отец при жизни казнены,
А я пожал удел посмертного бесславья:
Торчу здесь пугалом чугунным для страны,
Навеки сбросившей ярмо самодержавья.

Предпоследний самодержец
всероссийский Александр III

1922

ЮНОЙ ГВАРДИИ

Время темное, глухое...
И забитость и нужда...
Ой, ты, времечко лихое,
Мои юные года!

Перед кем лишь мне, парнишке,
Не случалось спину гнуть?
К честным людям, к умной книжке
Сам протапывал я путь.

Темь. Не видно: ров нль кочка?
Друг навстречу или гад?
Сиротливый одиночка,
Брел я слепо, наугад.

Вправо шел по бездорожью,
Влево брал наискосок, —
И дрожал пугливой дрожью
Мой незрелый голосок.

Ниче красной молодежи
В дядьки я уже гоюсь.
На ребяческие рожи
Все гляжу — не нагляжусь.

Зашумит ли резвым роем
В светлых залах новых школ,
Иль пройдет военным строем
Предо мною Комсомол.

Я, состарившись наружно,
Юным вновь горю огнем:
«Гей, ребятки! В ногу! Дружно!
Враг силен. Да шут ли в нем?

Враг стоит пред грозной карой,
Мы — пред заревом побед!>
Юной гвардии от старой
Героический привет!

3 сентября 1922 г.

ГЛАВНАЯ УЛИЦА

Поэма

1917—7/XI 1922 г.

Трум-ту-ту-тум!
Трум-ту-ту-тум!
Движутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями ныжутся,
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут
На последний, на главный редут.

Главная Улица в панике бешеной:
Бледный, трясущийся,

словно помешанный.

Страхом смертельным внезапно ужаленный,
Мечется — клубный делец

накрахмаленный.

Плут-ростовщик и банкир продувной,
Мануфактурщик и модный портной,
Туз-меховщик, ювелир патентованный —
Мечется каждый, тревожно-изволнованный
Гулом и криками, издали слышными,
У помещений с витринами пышными,
Средь облигаций меняльной конторы, —
Русский и немец, француз и еврей,
Пробуют петли, сигналы, запоры:
— Эй, опускайте железные шторы!
— Скорей!
— Скорей!
— Скорей!
— Скорей!
— Вот их проучат, проклятых зверей,
Чтоб бунтовать зареклись навеки! —

С грохотом падают тяжкие веки
Окон зеркальных, дубовых дверей.
— Скорей!
— Скорей!
— Что же вы топчетесь, будто на леки?
Или измена тантся и тут!
Духом одним с этой сволочью дышите?
— Слышите?..
— Слышите?..
— Слышите?..
— Слышите?..
— Вот они... Видите? Вот они, тут!..
— Идут!
— Идут!

С силами, зревшими в нем,
необъятными,
С волей единой и сердцем одним,
С общею болью, с кровавыми пятнами
Алых знамен, полыхавших над ним,
Из закоулков,
Из переулков,
Темных, размытых, разрытых,
извилистых,
Гневно, взметнув свои тысячи жилистых,
Черных, корявых, мозолистых рук,
Тысячелетьями связанный, скованный,
Бурым порывом прорвав заколдованный
Каторжный круг,
Из закоптелых фабричных окраин
Вышел на Улицу Новый Хозяин.
Вышел — и все изменилось вдруг:
Дрогнула, замерла Улица Главная,
В смутно-тревожное впав забытье, —
Воля стальная, рабоче-держанная,
Властной угрозой сковала ее:
— Это — мое!!
Улица эта, дворцы и каналы,
Банки, пассажи, витрины, подвалы,
Золото, ткани, и еда, и питье, —
Это — мое!!
Библиотеки, театры, музеи,

Скверы, бульвары, сады и аллеи,
Мрамор и бронзовых статуй литье, —
Это — мое!!

Воем ответила Улица Главная.
Стал богатырь. Загражден ему путь.
Хищных стервятников стая бесславная
Когти вонзила в рабочую грудь.
Вмиг ошестинясь штыками и пиками,
Главная Улица — страх позабыт! —
Вся огласилась воплями дикими,
Гиком и руганью, стонами, криками,
Фырканием конским и дробью копыт.
Прислули злобные пьяные шайки
Из полицейских, жандармских засад:
— Рысью... в атаку!
— Бери их в нагайки!
— Бей их прикладом!
— Гони их назад!
— Шашкою, шашкой, которые с флагами,
Чтобы вперед не сбирались ватагами,
Знали б, ха-ха, свой станок и верстак,
Так их! Так!!
— В мире подобного нет безобразия!
— Темная масса!..
— Татарщина!..
— Азия!..
— Хамы!..
— Мерзавцы!..
— Скоты!..
— Подлецы!..
— Вышла на Главную рожа суконная!
— Выпала им жандармерия конная!
— Славно работали тоже доицы!
— Видели лозунги?
— Да, ядовитые!
— Чернь отступала, замесьте, грозь.
— Правда ль, что есть среди рабочих
убитые?
— Жертвы... Без жертв, моя прелесть,
нельзя!
— Впрок ли пойдут им уроки печальные?

— Что же, дорвутся до горшей беды!
Вновь засверкали витрины зеркальные.
Всюду кровавые смуты следы.
Улицы злого полна ликования,
Залита светом вечерних огней.
Чистая публика всякого звания
Шаркает, чавкает снова на ней,
Чавкает с пошло-тупою беспечностью,
Меряя срок своих чавканий вечностью,
Веруя твердо, что с рабской судьбой
Стерпится, свяжнется «хам огорошенный»
Что не вернется разбитый, отброшенный,
Глухо рокошующий где-то прибой!

Снова...

Снова.

Бьет роковая волна...

Гнется гнилая основа...

Падает грузно стена.

— На!..

— На!..

— Раз-два,

Сильно!..

— Раз-два,

Дружно!..

— Раз-два,

В ход!

Грянул семнадцатый год.

— Кто там?

Кто там

Хнычет испуганно: «Стой!»

— Кто по лихим живоглотам

Выстрел дает холостой?

— Кто там виляет умильно?

К черту господских пролаз!

— Раз-два,

Сильно!..

— Е-ще

Раз!..

— Нам подхалимов не нужно!

Власть — весь рабочий народ!

— Раз-два,
Дружно!..
— Раз-два,
В ход!!
— Кто нас отсюдова тронет?
Снамы не сыщется той!

. . . . .

Главная Улица стонет
Под пролетарской питой!!

Э п и л о г

Петли, узлы — колен исторической...
Пробил — второй или первый? — звонок.
Грозные годы борьбы титанической —
Вот наш победный лавровый венок!

Братья, не верьте баюканью льстивому:
«Вы победители! Падаем ниц».
Хныканью также не верьте трусливому:
«Нашим скитаньям не видно границ!»

Пусть нашу Улицу числят задворками
Рядом с Проспектом врага — Мировым.
Разве не держится он лишь подпорками
И обольщеньем, уже не живым?!

Мы, наступая на нашу, на Главную,
Разве потом не катились вспять?
Но, отступая пред силой неравною,
Мы наступали. Опять и опять.

Красного фронта всемирная линия
Пусть перерывиста, пусть не ровна.
Мы ль разразимся словами уныния?
Разве не крепнет, не крепнет она?

Стойте ж на страже добытого муками,
Зорко следите за стрелкой часов.
Даль сотрясается бодрими звуками,
Гроном живых боевых голосов!

Братья, всмотритесь в огни отдаленные,
Вслушайтесь в дальний рокочущий шум:
Это резервы идут закаленные.
Трум-ту-ту-тум!
Трум-ту-ту-тум!

Двигутся, движутся, движутся,
Двигутся,
В цепи железными звеньями движутся,
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут
На последний всемирный редут!..

1922

ЛЮБИМОМУ

Живые, думаем с волнением о живом
И верим, хоть исход опасности неведом,
Что снова на посту ты станешь боевом,
Чтоб к новым нас вести победам.

В опасности тесней
Завещанное нам тобой храня упорство,
Мы возбужденно ждем победы основной,
Которой кончишь ты, любимый наш,
С недугом злым единоборство!

Апрель 1923 г.

КРОВАВЫЕ ДОЛГИ

Памяти В. В. Воровского

Рать пролетарская знамена преклоннаа,
Семьей редеющей друзья стоят вокруг.
«Еще одна священная могила!»
«Еще один неотомщенный друг!»

Ну что же! Клятвой боевою
Мы честно подтвердим зрявшимися врагам,
Что — не в пример иным долгам —
Долги кровавые мы возместим с лихвою!

1923

ВПЕРЕД И ВЫШЕ

На ниве черной пахарь скромный,
Тяну я свой нехитрый гуж.
Претит мне стих языколомный,
Невразумительный к тому ж.

Держась формы четкой, строгой,
С пародным говором в ладу,
Иду проторенной дорогой,
Речь всем доступную веду.

Прост мой язык, и мысли тоже:
В них нет заумной новизны, —
Как чистый ключ в кремнистом ложе,
Они прозрачны и ясны.

Зато, когда задорным смехом
Вспугну я всех гадюк и сов,
В ответ звучат мне гулким эхом
Миллионы бодрых голосов:

«Да-ешь?!» — «Да-ешь!» —
В движенье массы.
«Свалил?» — «Готово!» — «Будь здоров!»
Как мне смешны тогда гримасы
Литературных маклеров!

Нужна ли Правде позолота?
Мой честный стих, лети стрелой —
Вперед и выше! — от болота
Литературщины гнилой!

1924

СНЕЖНИКИ

Засыпала засериные тропинки
Вчерашняя разгульная метель,
И падают и падают снежинки
На тихую, задумчивую ель.

Заковано тоскою ледяною
Безмолвие убогих деревень.
И снова он встает передо мною —
Смертельною тоской произженный день.

Казалось: земля с пути свернула.
Казалось: весь мир покрыла тьма.
И холодом отчаянья дохнула
Испуганно-суровая зима.

Забуду ли народный плач у Горок¹,
И проводы вождя, и скорбь, и жуть,
И тысячи лаптишек и опорок,
За Лениным утаптывавших путь!

Шли лентою с пригорка до ложбинки,
Со снежного сугроба на сугроб.
И падали и падали снежинки
На ленинский — от сиега белый — гроб.

21 января 1925 г.

---

¹ Горки — подмосковная деревня, где скончался В. И. Ленин.

НЕПОВТОРИМЫЕ

Мы вдале нашн взоры вперед
И, в пламени новых идей
Сгорая, теряем, теряем
Неповторимых людей.

Не стало вождя-рулевого,
И многих не стало бойцов,
И чище среди дела живого
Мы, сдвинувши брови сурово,
Хороним своих мертвецов.

Но с каждою тяжелой утратой,
Теснее смыкая ряды,
Взрываем мы той же лопатой
Нетронутость почвы богатой
Для новой культурной гряды.

24 июня 1926 г.

НА ЛЕНИНСКИЙ МАЯК!

Как волны, дыбятся панели.
Ни дать ни взять, как волк морской.
В морской фуражке и шинели
Плыву я в «Правду» по Тверской.
Здесь — «марсовой» по званию-чину —
Гляжу я пристально во мглу:
Не прозевать бы вражью мину!
Не напороться б на скалу!
Несутся волны, словно горы.
«Левей!» — «Правей!» — «Назад!» —
«Впе-е-е-ред!»

На капитанской рубке споры.
Кого-то оторопь берет.
Слежу спокойно за ответом
Морских испытанных вояк.
А впереди — призывным светом
Сверкает ленинский маяк!

1926

НИКТО НЕ ЗНАЛ...

(«22 апреля 1870 года»)

Был день как день, простой, обычный,
Одетый в серенькую мглу.
Гредел сурово голос зычный
Городового на углу.
Гордяся блеском камлалки,
Служил в соборе протопоп.
И у дверей питейной лавки
Шумел с рассвета пьяный скоп.
На рынке лаялись торговки,
Жужжа, как мухи на меду.
Мещанки, зарясь на обивки,
Метались в ситцевом ряду.
На дверь присутственного места
Глядел мужик, в немой тоске, —
Пред ним обрывок «манifestа»
Желтел на выцветшей доске.
На казанче кружил пожарный,
Как зверь, прикованный к кольцу,
И солдаты под мат угарный
Маршировала на плацу.
К реке вилась обозом лента.
Шли бурлаки в мучной пыли.
Куда-то рваного студента
Чины конвойные вели.
Какой-то выпивший фабричный
Кричал, кого-то разнося:
«Прощай, студентик горемычный!»

Никто не знал, Россия вся
Не знала, крест неся привычный.
Что в этот день, такой обычный,
В России... *Ленин родился!*

22 апреля 1927 г.

ДА, ВСПОМНИТЬ ЕСТЬ О ЧЕМ
НА ПЯТНАДЦАТИЛЕТНЕМ ЮБИЛЕЕ
«ПРАВДЫ»

Полиэссия

Да, вспомнить есть о чем,
и есть чем похвалиться.
В каких превратностях
прошли пятнадцать лет!
Какие крепости успели развалиться!
Каких людей уж больше нет!
И сам я... Грустного сознания,
Увы, ни от себя, ни от других не скрыть:
Не те года, не та уж пруть, —
И мне уж говорят:
«Пиши... воспоминанья!»
Ах, «Правда» милая,
тебе — пятнадцать лет!
Не радоваться как такому юбилею?
Но — запеваля твой,
присяжный твой поэт,
На юбилеях всех обычно я болею.
Воспоминанья острей, и глубока
Печаль о вышедших героях славной были.
На свитках памяти моей — нет, нет!
— пока
Неросло еще, друзья, архивной пыли!

ЧИТАЮТ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО

Во времена, как говорится, в оны
Обычно слышались писательские стоны:
«Лицо читателя... Ах, какой оно!»
Нам было бы теперь стоять смешно,

грешно,
Когда читают нас — культурно и умно —
Не единицы — миллионы!

«Читатель — это сфинкс загадочно-вечной!»
Какая глупая и злая небылица!

Да вот образчик вам прямой:
Живая, свежая портретная страница!
Пять деревенских ходоков,

Здоровых, кражистых советских мужиков,
Которым дом родной —

советская столица.

И угощение, и приют,

И — по утрам — газетка подают!
Пускай враждебная лютует заграница,
Пусть эмигрантская

на нас донесет моль,
Я ей могу сказать с усмешкою:

«Изволь,
Поганая ты моль, взглядеться в эти лица,
Как Проа, Корней, Артем,

Савелий да Пахом,
Завороженные словесною игрою,
Смеются весело, довольные стихом,
В котором я тебя,

моль каверзила, «крою».
«Эй, моль, — без родины,

без денег, без царя!
С десятилетьем... Октября!»

1927

ЧЕРТА С ДВА!

Не та уж кровь. Не те уж годы.
Все ж, не вписавшись в фортуны,
На молодые хороводы
Люблю смотреть... со стороны.

Певец иного поколения,
С немой радостью порой
Гляжу я, полный умиления,
На комсомольский бодрый строй.

Враги хотят нас сжить со 'свету,
А комсомольская братва?!
Глядите, сила какова!
И у меня тревоги нету.
Чтоб уничтожить силу эту?
Н-ну, черта с два!!

28 октября 1928 г.

БАСОВУ-ВЕРХОЯНЦЕВУ

Да, добрый, старший друг мой,
Басов,

Вот мы уже и старики.
Не знали мы с тобой Парнасоз,
А нас везли — взамен Пегасоз —
Коньки, простые скакунки.

Но эти добрые лошадки
Нас довели до Октября,
Врезаясь в какие схватки!
Какие пропасти беря!

Вот мы теперь и прискакали.
И пусть нас судят за дела:
Работа наша — велика ли
Была она или мала?

Пусть тонкоплюйные эстеты
О нас брезгливо говорят:
Мы, дескать, вовсе не поэты,
А так, писакн зауряд.

Но мы-то делу знаем цену!
Что нам лавровые венки!
Не к лаврам тянутся, а к сему
Лихне наши скакунки.

Сегодня мы на сеновале
В беседе вспомним старину,
Лошадки наши — не а опале,
Но все ж нестися вихрем дале
Иному впору скакуну.

Бензин ему милее сена,
Огонь а поздрах его, не пена.

Друг, побеседуем о днях,
Когда — широкая арена! —
Весь мир обскочит наша смена
На электрических конях!

1929

ДИВО-ДИВНОЕ, КОЛЛЕКТИВНОЕ

«Но, но, но, ты, разледащая!
Надорвала жилы все!
Эх, работа распропащая
На аршинной полосе!»

Растрепала баба косоньку,
Разомлела от серпа.
Вышла баба жать полосоньку
И нажала... три снопа!

Рядом пахоть — не аршинная!
Трактор весело гудит.
Чудо-силушка машинная
Пашне явно не вредит.

Урожай диво-дивные!
Не узнать: не та земля!
Вот что значит: коллективные,
Обобщенные поля!!

1930

«ПЕРЕКОПСКАЯ»

Походная песня

*Посвящается Краснознаменной 51-й
Перекопской дивизии.*

Уж как мы под Перекопом
С белым скопом
Бой вели.

Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
С белым скопом бой вели!
Тлю господскую густую
Всю вчистую
Подмели.

Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Всех буржуев подмели!
Нынче снова строят плутни
Злые трутни
И шмели.

Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Заграничные шмели!
Но... скажи нам только: «Хлопцы,
Перекопцы,
Навали!»

Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Где очутятся шмели?!
Воют в страхе чуть живые
Биржевые
Короли.

Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Биржевые короли!
Их машины чь заграники,
Биржи, банки
На мели!

Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Вражье дело на мели!

А у нас нине думы.
     Все в поту мы
     И в пыли.
 Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
 Все в поту мы и в пыли!
 Заводских громадин только
     Эвои сколько
     Возвели!
 Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
 Сколько фабрик возвели!
 Пахнет слаще нам, чем роза,
     Дух навоза
     И земли!
 Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
 Прут колхозы из земли!
 Чтоб свалить судьбу-недолю,
     Всю мы волю
     Напрягли!
 Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
 Всю мы волю напрягли!
 Не собьет нас вражья жалость,
     Чтоб мы малость
     Прилегли.
 Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
 Чтоб всхрапнуть мы прилегли!
 Чтоб враги нас, вялых, шалых,
     Оплошальных,
     Взять могли!
 Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
 Чтоб нас соинных взять могли!
 Вражья жвлость дышит нестью!
     Кто там — с лостью?
     Стаць вдали!
 Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
     Просим чостью
     Стать вдали!
 С богатырской силой дивной,
     Коллективной,
     Не шали!
 Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
 Нынче с нами не шали!
 А не то... Нам скажут: «Хлопцы,

Перекопцы,
Навали!»

Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Где очутятся шмели?!

1931

СМЕЛЕРИ:

Не заражен я глупым чванством,
Покаюсь честно, не солгу:
Перед моей родней, крестьянством,
Я остаюсь в большом долгу.

Мой голос в годы фронтовые
Подобен часто был трубе.
Писал я песни боевые
И призывал народ к борьбе.

**К борьбе с судьбой былой,
  кровяной,**
К борьбе с попом и кулаком.
К борьбе с помещичьей оравой,
С Деникиным и Колчаком.

Вновь баре жить хотели жирно.
Мы им сказали: «Черта с два!»
В борьбе прославилась всемирно
Кавказоумейская братва.

Потом пошли другие годы,
Пора иных забот, хлопот:
Жизнь в иную заводил
Крестьянский и рабочий пот.

Нам было знояно и морозно,
Но — шла работа, как война.
И вот пред вражьей силой грозно
Стоит с деревеню колхозной
Индустриальная страна!

Деревня, жившая так бедно,
Рванулась к свету и красе.

ПОРОГИ

*В день пуска Днепростроя
А. М. Горькому*

Сегодня — день от всех отличный,
Сегодня — праздник символический:
Сегодня утренней порой
В наш боевой рабочий строй
Победно входит «энергичный»
Наш торжествующий герой —
Электросильный Днепрострой.
Как мы мечтали, как гадали,
Как нажимали все педали,
Как торопили дни, часы,
Чтобы скорей миллионнотонной
Мускулатурой бетонной
Он обрастал — кремнисто-донный
Гигант невиданной красы!

Как много пугалиц пищало,
Как много воронок вещало
О «фантастической игре»,
«Затее дикой» на Днепре.
И вот — затея стала фактом,
Игра — великим, смелым актом,
И мир, весь мир, в любой стране,
Мир пролетарский — с теплой лаской,
Мир буржуазный — с злой опаской,
С тоской, понятной нам вполне,
Внимает радиоволне
И ловит радостные хоры,
Рабочий смех, и разговоры,
И — голос будущих судьбы —
Гул торжествующих турбин!
А там, за звуками, картина:
Сталебетонная плотина,

Замкнувши ток днепровских вод,
Дает им новый, точный ход,
Чтоб Украине, «неньке¹ милой»,
Они запели в наши дни
Не то, что пели искони.
Организованою силой
Отныне сделались они!
Вперед днепровские пороги
Не преградят уж им дороги,
Не будет их поворот
Ломать челны, губить народ.
Все вековые заторы,
Ликуя, волны погребли.
В глубоководные просторы
Войдут морские корабли
И станут гордо у плотин,
Где чудо-электротурбины
Дают — неслыханный захват —
Миллиарды слого-киловатт,
Невидимых, но ощутимых
Богатырей неутомимых,
Отважных электросолат,
Всегда готовых вмиг, по знаку,
За поворотом рычага,
Лавиной ринуться в атаку
На старовосного врага,
Который уж не будет боле
Держать в убожестве, в неволе
И чудо-Днепр, и чудо-поле,
И эти чудо-берега!

Ворывая скалы, землю роя,
Водой Днепра пороги края,
Мы на плотины Днепростроя
Свершали подвиг трудовой.
Темп забирая боевой,
Мы до конца его не сдали.
И — среди машин, бетона, стали —
В работе творчески-живой

---

¹ Н е н ь к а (укр.) — мать.

Мы, закаляясь, обрастали
Мускулатурой волевой.
На горе вражеским пророкам,
Их предсказаниям вопреки,
Мы повышали гонку сроков,
Снуя по руслу и протокам
В бетон закованной реки.
Мы сдали творческий экзамен!
Всей зло-пророческой гурьбе
Теперь кричать «амнь» и «амен».
Не нам придется, а себе.

Там, где с порогами в борьбе
Вода, бурля, взметалась пылью,
Где историческою былью
Дышала каждая скала,
Свершались дивные дела:
Над ровной водной пеленою,
Над новоиздвигной глубиной,
Гряды порогов поборов
И к реву их неумолнмы,
Победу празднуя, зажгли мы —
Взамен угаснувших костров —
Гирлянду солнц-прожекторов.
Чтоб больше древние пороги
Не заступали нам дороги
К грядущей, сквозной судьбе,
С водой и скалами в борьбе
Мы не работали — горели!

Пороги есть в одном Днепре ли?
Им в жизни не было числа.
Не позабыть всей тьмы и злв,
Всей тяготы непереносной
Минувшей жизни старомосной:
Она «порожнista» была.
Не только взрослые — и дети —
В пучине жизни заодно,
Разбившись о пороги эти,
Метались горестно, бедно,
В тоске — израненно-смертельно —
Метались брошенно, бездельно

И опускались «на дно».
О, сколько жизней, сил, талантов,
Народных творческих гигантов,
Топя тоску свою в вине,
Тоску по жизни светлой, новой,
С разумной, творческой основой,
Страдало, корчилося «на дне»!
Их всех, чьи гибли дух и тело
«На дне» погибельно-гнилом,
Их сердце Горького узрело,
И пожалело, и согрело
Сердечно-ласковым теплом,
И перед всем раскрыло светом:
Кто погибал «на дне» на этом,
Кого забросила сюда,
Кого измяла, сокрушила,
Услады жизненной лишила,
Лишила радостей труда
Порогов жизненных грида.

Работы горьковской итоги
Росли пред нами вглубь и вширь.
Он рвал проклятые пороги,
Передовой наш богатырь, —
В боях с ним вражеская стая
Не мало понесла потерь, —
Он шел, ряды врагов сменяя,
Как он считает их теперь.
Ему, грозе дворцов, чертогов
При старом строе, при царе,
Ему, «взрывателю порогов»,
Тех, что мы рвали в Октябре,
Ему, певцу иной культуры,
Культуры нашей, трудовой,
Ее стальной мускулатуры,
Ее закалки волевой,
Ему, чье знамя бурное
Пред нами реет столько лет,
Моим «*Стихом о Днепрострое*»,
О нашем энергочере, —
Я энергичный шлю привет!

1932

ЕЖ

Где объявился еж, змея уж там не место.
«Вот черт щетинистый!

Вот проклятуший бес-то!

Ну, погоди, ужю: долг красен платежом!»
Змея задумала расправиться с ежом,
Но, силы собственной на это не имея,
Она пустилася вправлять мозги зверьку,

Хорьку:

«Приятель, погляди,

что принасла к змея я:

Какого крупного ежа!

Вот закусить кем можно плотно!

Одначе, дружбою с тобою дорожа,
Я это лакомство дарю тебе охотно.
Попробуешь, хорек, ежиного мяса,

Всёк не захочешь есть иного!»

Хорьку заманчиво и ново

Ежа испробовать. Быет у хорька слюна:

«С какого взять его конца?»

«Бери с любого!

Бери с любого! —

Советует змея. — С любого, годубок!

Зубами можешь ты ему вцепиться в бок

Иль распороть ему брюшину,

Лишь не зевай!»

Но еж свернулся уж в клубок.

Хорь, изогнувши нервно спину,

От хищной радости дрожа,

Прыжком метнулся на ежа

И напоролся... на щетину,

Змея шипит: «Дави! Дави его! Дави!..

Да что ты пятнишься? Ополоумел, что ли?!»

А у хорька темно в глазах от боли

И морда вся в крови.

«Дави сама его — сказал змея он злобно. —

И ешь сама... без дележа.
Что до меня, то блюдо из ежа.
Мне кажется, не так-то уж съедобно!»

Мораль: враги б давно воизли
в нас клыки.
Когда б от хищников,
грозящих нам войною,
Не ограждали нас щетиною стальною
Красноармейские штыки.

16 мая 1933 г.

ПЧЕЛА

В саду зеленом и густом
Пчела под розовым кустом
Заботливо и радостно жужжала.

А под кустом змея лежала.
«Ах, пчелка, почему, скажи, судьба твоя
Счастливее гораздо, чем моя? —

Сказала так пчеле змея. —
В одной чести с тобой
мне быть бы надлежало.

Людей мое пугает жало,
Но почему ж тогда тебе такая честь
И ты среди людей летаешь так привольно?
И у тебя ведь жало есть,

Которым жалишь ты,
и жалишь очень больно!»
«Скажу. Ты главного, я вижу, не учла, —

Змея ответила пчела, —
Что мы по-разному с тобою знамениты,
Что разное с тобой у нас житье-бытье,
Что ты пускаешь в ход оружие свое
Для нападения, а ж —

только для защиты».

16 мая 1933 г.

НАША РОДИНА

Дворяне, банкиры, попы и купечество,
В поход обряжая Тимох и Ерем,
Вопили: «За веру, царя и отечество
Умрем!»

«Умрем!»

«Умрем!»

И умерли гады неожиданно-негаданно,
Став жертвой прозревших Ерем и Тимох.
Их трупы, отпетые нами безладанно;
Покрыли могильная плесень и мох.
«За веру!» —

Мы свергли дурман человечества.

«Царя!» —

И с царем мы расчеты свели.

«Отечество!» —

Вместо бывшего отечества

Дворян и банкиров, попов и купечества —
Рабоче-крестьянское мы обрели.

Бетоном и сталью сменивши колодины,
Мы строим великое царство Труда.
И этой — родной нам по-новому — родины
У нас не отбить никому никогда!

1934

ОБОРОНЯТЬСЯ — ЗНАЧИТ БИТЬ!

Разбойники с открытым забралом

«Фелькншер беобахтер»
снова — в статье от 15 фев-
раля — выступает с програм-
мой германо-польских за-
хватов на Востоке.

«Правда», 18 февраля
1935 г.

Мой стол — вот весь мой наркомат.
Я — не присяжный дипломат,
Я — не ответственный полтник,
Я — не философ-аналитик.
И с той и с этой стороны
Мои познания равны.
Чему равны — иное дело,
Но мной желанье овладело:
Склонись к бумажному листу,
Поговорить начистоту
О том, о чем молчат обычно
Иль пишут так «заковычно»,
Дипломатично,
Политично,
Владею тонким ремеслом
Не называть осла ослом
И дурачиной дурачину,
А величать его по чину
И выражать в конце письма
Надежды мирные весьма.
Я фельстон пишу — не ноту.
Поэт, как там ни толковать,
Я мог бы все ж претендовать
На «поэтическую» льготу:

Поэт — известно-де давно —
Из трезвых трезвый, все равно,
В тисках казенного пакета
Всегда собьется с этикета
И даст фантазии простор, —
Неоспорима-де примета:
Нет без фантазии поэта.
Так утверждалось до сих пор.
Вступать на эту тему в спор
Нет у меня большой охоты
(Спор далеко б меня заалек).
Такова уж стиль моей работы:
Я не стремлюсь добиться льготы
Под этот старый пекселек.
Но к озорству меня, не скрою,
Влечет несказанно порою,
Поговорить на «свой» манер
О... Розенберге, например.
Вот фантазер фашистской марки!
Пусть с ним сравнится кто другой.
Когда, «соседке дорогой»
Суля «восточные подарки»,
Он сочиняет без помарки:
«Я докажу вам в двух строках...
Подарки вот... почти в руках...
Вот это — нам, вот это — Польше...
Коль мало вам, берите больше...
Вести ль нам спор о пустынях?
Не то что, скажем, полозину —
Всю забирайте Украину.
А мы Прибалтикой парад
Промаршируем в Ленинград.
Плацдарм устроим эйн-цвай-дрейно
От Ленинграда и до Рейна.
Мы, так сказать, за рыбный лов,
Араки, скажем так, а раки...
Ну мало ль есть еще голоа,
Антисоветской ждущих драки
На всем давящем материке!
Я докажу в одной строке...»
Состряпан из Европ и Азий
Невероятный внешнегет,

Фашистский выявил полпред
(Полпред для всяческих «оказий»)
Вид политических фантазий,
Переходящих в дикий бред.
То, что «у всякого барона
Своя фантазия, увы,
Не миновало головы
Сверхфантазера и патрона
Фашистских горе-молодцов,
И Розенберг в конце концов
С неподражаемым экстазом
Плещет, стряпая статью,
Соседку милую свою
Чужого бреда пересказом.
Придет — она не за горой —
Пора, когда советский строй,
Преодолевши вражья козни,
Сменив истории рычаг,
Последний сокрушит очаг
Национальной лютой розни, —
Не за горюю та пора,
Когда по школам детвора,
Слив голоса в волне эфирной,
Петь будет гимны всеземной,
Всечеловечески родной,
Единой родни — всемирной, —
Когда из книжечки любой,
Как факт понятный сам собой
Из первой строчки предисловья,
Узнает розовый юнец,
Что мир покончил наконец
С периодом средневековья,
Что рухнуло, прогнано дотла,
Его отравленная масса
И что фашистскою была
Его последняя гримаса.

Фашизм не пробует юлить
И заявляет откровенно,
Что он готовится свалить,
Поработить и разделить
Страну Советов непременно.

Бред?.. Мы должны иметь в виду:
Фашисты бредят — не в бреду,
Не средь друзей пододеяльных,
Патологически-скандальных,
Нет, наяву, а не во сне
Они готовятся к войне,
Ища союзников реальных,
Точа вполне реальный нож,
Нож для спины реальной тож.
Одно лишь в толк им не дается,
Что им, затейщикам войны,
В бою вот этой-то спины
Никак увидеть не придется, —
Что на любом мы рубеже
И день и ночь настороже
И, чтоб не знать в борьбе урону,
Так понимаем оборону:
Обороняться — не трубить,
Не хвастаться, не петушиться,
Обороняться — значит бить,
Тык бить, чтоб с корнем истребить
Тех, кто напасть на нас решится,
Тех, кто, званьеся деля
Заводы наши и поля,
Залить их мыслит нашей кровью,
Тех, кто в борьбе с советской новью
Захочет преградить ей путь,
Чтоб мир, весь мир, опять вернуть
К звериному средневековью
И путь к культуре — отрубить.
Обороняться — значит бить!
И мы — в ответ на вражьи ковы, —
Не скрою, к этому готовы!

ЖИВОЕ ЗВЕНО

Смерть. С ней мирится ум,
но сердце не мирится,
Болезненно сжимаясь каждый раз.
Не верится, что нет бойца, что он — угас:
Улыбкою лицо его не озарится,
Морщинки ласково не набегут у глаз.
Внезапным катком смертельного недуга
Боец сражен. Помякла голова.
... Последний путь. Прощальные слова.
С останками испытанного друга
Простилась скорбила Москва.
Прощай, Барбюс! Ты — мертв.
Но образ твой — он вечен,
Как вечно то, чему так честно ты служил.
На Родине своей ты будешь встречен
Железным строем тех,
чьей славой ты отмечен,
Чьей героической борьбой дышал и жил.
Нас разлучат с тобой леса, долины, реки,
Но ты для нас в краю своем родном
С друзьями нашими останешься навеки
Живым и творческим звеном.

1935

КОГО МЫ БИЛИ

Корнилов

Вот Корнилов, гнус отборный,
Был Советам враг упорный.
Поднял бунт пред Октябрем:
«Все Советы уберем!
Все Советы уберем,
Зажнаем опять с царем!»
Ждал погодки, встретил мяюгу.
В Октябре подался к югу.
Объявившись на Дону,
Против нас повел войну.
Полузил за это плату:
В лоб советскую гранату.

Краснов

Как громили мы *Краснова!*
Разгромив, громили снова
И добились до конца, —
Не догнали подлеца.
Убежав в чужие страны,
Нынче он строчит романы,
Как жилось ему в былом
«Под двуглавым...»
Под Орлом.
Настрочив кусок романа,
Плачет он у чемодана:
«Съеда мошь му-у-ундир...
шта-ны-ы-ы-ы,
Потускнели галуны-ы-ы-ы».

Деникин

Вот Деникин — тоже номер!
Он, слышать, еще не помер,

Но, слышать, у старика
И досель трещат бока.
То-то был ретив не в меру.
«За отечество, за веру
И за батюшку-царя»
До Орла кричал: «Ур-р-ря!»
Докричался до отказу.
За Орлом охрип он сразу
И всю назад подул,
Захрипевши: «Кар-ра-ул!»
Дорвался почти до Тулы.
Получив, однако, в скулы,
После многих жарких бань
Откатился на Кубань,
Где, хвативши также горя,
Без оглядки мчал до моря.
На кораблике — удал! —
За границу тягу дал.

Шкуро

Слыл Шкуро — по зверству —
волком,

Но, удрав от нас пешком,
Торговал с немалым толком
Где-то выкраденным шелком
И солдатским табаком.
Нынче ездит «по Европам»
С небольшим казацким скопом
Ряди скачки верховой
На арене... цирковой.

Мамонтов

Это Мамонтов-воинка,
Слава чья была двойка,
Такова и до сих пор:
Генерал и вместе — вор!
«Ой да, ой да... Ой да, эй да!» —
Пел он весело до «рейда»,
После рейда ж только «ой» —
Кое-как ушел живой;

Вдруг скапнулся он сразу,
Получивши то ль заразу,
То ль в стакане тайный яд.
По Денкини приказу
Был отравлен, говорят,
Из-за зависти ль, дележки
Протянул внезапно ножки.

Колчак

Адмирал Колчак, гляди-ко,
Как он выпятился дико.
Было радостью врагу
Видеть трупы на снегу
Средь сибирского пространства:
Трупы бедного крестьянства
И рабочих сверхбойцов.
Но за этих мертвецов
Получил Колчак награду:
Мы ему, лихому гаду,
В снежный сбил его сугроб,
Тож догнала пулю в лоб.

Аниенков

Сел восставших усмиритель,
Душегуб и разоритель,
Искривившись, всом глядит
Борька Аниенков, бандит.
Заял себя он атаманом,
Разговаривал нагином;
Офицерской злобой пьян,
Не щадя, губил крестьян,
Убивал их и тиранил,
Их невест и жен поганил.
Много сделано вреда,
Где прошла его орда.
Из Сибири дал он тягу.
Всё ж накрыли мы беднягу.
Дали суд по всей вине
И — поставили к стене.

Семенов

Вот Семенов, атаман,
Тоже помнил свой кармав.
Крепко грабил Забайкалье.
Удалось бежать каналье.
Утвердился он в правах
На японских островах.
Став отпетым самураем,
Заменял «ура» «банзаем»
И, как истый самурай,
Глаз косит на русский край.
Ход сыскал к японцам в штабы:
«Эх, война бы! Ух, война бы!
Ай, ур! Ур... зай! Банзай!
Поскорее налезай!»
Заявления. Письма. Встречи.
Соблазнительные речи!
«Ай, хорош советский мед!»
Видит око — зуб неймет!

Хорват

Хорват — страшный, длинный,
старый —
Был палач в Сибирь ярый
И в Приморье лютый зверь.
Получивши по кубышке,
Эта заваль — понаслышке —
«Объяпонилась» теперь.

Юденич

Генерал Юденич braveй
Тоже был палач кровавый,
Прорывался в Ленинград,
Чтоб устроить там парад:
Не скупиться на эффекты,
Разукрасить все проспекты,
На оплечья фонарей
Понавесить бунтарей.
Получил под поясницу,

И Юденич за границу
Без оглядки тож подрал,
Где тринадцать лет хаорал
И намерил помер в Ницце —
В венерической больнице
Под военно-белый плач:
«Помер истинный палач!»

Миллер

Злой в Архангельске палач.
Миллер ждал в борьбе удач,
Шел с «антантовской» подмогой
На Москву прямой дорогой:
«Раз! Два! Раз! Два!
Вир марширен нах Москва!»
Сколько было шмерцу герцу,
Иль, по-русски, — боли сердцу:
Не попал в Москву милоч!
Получил от нас он перцу,
Еле ноги уволок!

Махно

Был Махно — бандит такой.
Со святыми упокой!
В нашей стройке грандиозной
Был он выброшенным пнем.
Так чудно в стране колхозной
Вспоминать теперь о нем!

Врангель

Герр барон фон Врангель.
Тоже —
Видно аспид по роже —
Был, хоть «русская душа»,
Человек не караша!
Говорил по-русски скверно
И санрепствовал безмерно.
Мы, зажав его в Крыму,
Крепко асыпали ему.

Бросив фронт под Перекопом,
Он подрал от нас галопом.
Убежал баронский гнус,
За советским за кордоном
Это б нынешним баронам
Намотать себе на ус!
Мы с улыбкою презренья
Вспоминаем ряд имен,
Чьих поверженных знамен
После жаркой с нами схватки
Перетлевшие остатки
Уж ничто не обновит:
Жалок их позорный вид,
Как жалка, гнусна порода
Догнивающего сброда,
Что гинет от нас вдали,
Точно рыба на мели.
Вид полезный в высшей мере
Тем, кто — с тягой к злой афере,
Злобно выпалил бедки,
Против нас острит клыки.

1933—1935

ПЕРВОЕ СЛОВО

*Пленуму Союза советских
писателей, назначенному в
Минске и посвященному со-
ветской поэзии.*

Через Минск шли части фронтовые,
На панов шли красные бойцы.
Я тогда увидел вас впервые,
Белорусские певцы.
Не забыть мне кипы книжных связок
Белорусского письма.
От легенд от ввших и от сказок
Я тогда сходил с ума.

Нынче жизнь все сказки перекрывает.
Бодрый гул идет со всех концов.
И летит — звонка и быстрокрыла —
В красный Минск семья родных певцов
Из Москвы, из Киева, из Казани,
Из Тбилиси, из Бвку,
Сходных столь по духу их писаний,
Разных столь по языку.

Речь пойдет о мастерстве, о новом,
О певцах о всех и о себе,
Но средь слов пусть будет
первым словом

Ваше слово о борьбе,
О борьбе, которой нету краше,
О борьбе, которой нет грозней,
О борьбе, в которой знамя наше
Возвестит конец фашистских дней;
О борьбе великой, неизбежной,
Мировой, решающей борьбе,

В коей мы призыв к семье мятежной,
Боевой, рабоче-зарубежной,
Позабыв на срок о флейте нежной,
Протрубим на боевой трубе!

1936

ХУДОЖНИК, БОЕЦ, ДРУГ

Художник удивительной судьбы,
Боец несокрушимейшей удачи,
Друг класса, сбившего дворянские гербы,
И буревестник классовой борьбы...
Дать верный лик его — труднее нет задачи.
Отдавший жизнь свою великой цели, он,
Чей путь был боевым и мудро-человечным,
Войдет в советский пантеон
Художником, бойцом
и нашим другом вечным!

1936

А ТАКИЕ ТИПЫ ЕСТЬ!

На редактора-тетерю
Взглянешь — как его забыть!
Вот гляжу и сам не верю,
Что такие могут быть.

Он, как муха из опары,
Лезет, вырезки гребя.
Ничего, напялив фары
Из очков (четыре пары!),
Он не видит вокруг себя.

Вкруг него живая сказка,
Жизнь кипит, бурлит, гудит,
Но очкастая двуглазка
Только в вырезки глядит.

Что там жизненная сказка,
Гул заводов и полей!
У него своя закваска:
Лишь газет была бы связка,
Были б ножницы да клей!

Прет он текст неутомимо
Из газет, календарей.
Жизнь проходит мимо, мимо
Запертых его дверей.

Попрошайкою безвестной
Постучаться в дверь боясь,
Умирает с жизнью местной
Органическая связь.

О работе ли похвальной,
О работе ли провальной,
Что цветет и что гинет

Рядом — в близости квартальной, —
Из газеты из центральной
Лжередактор узнает.

Больше вырезкой одною,
Вот и все. И ту — в петит!
К местной жизни став спиною,
Под газетной пеленою
Он воды не замутит.

Что! *Отчет о местной...* «Херю!
В наши дебри неча лезть».
Вот пишу и сам не верю...
А такие типы есть!

1936

АНКА-ПАРТИЗАНКА

Белорусская песня

Любовались люди Анкой:
Нет девчоночки бывлой,
Стала Анка партизанкой,
Комсомолкой удалой.

Вот она — сидит на танке.
Вражий танк. Ее трофей.
Шлем, ружье на партизанке,
А румянец — до бровей.

«Ай, да девка!» — «На приметку!» —
Разговор про Анку был.
Анка вызвалась в разведку
И пошла во вражий тыл.

Не сплоскать — одна забота.
Шла сторожко, как лиса,
Через топкие болота,
Через темные леса.

Край родной! Он весь ей ледом.
Тонок слух. Глаза горят.
Через день за Анкой следом
Партизанский шел отряд.

Подошел к фашистам с тыла,
Захватил врагов врасплох.
У фашистов кровь застыла,
Был конец злодеев плох.

«Анка, глянь, летит в танкетке!
Бьет по танку!» — «Уй-ю-ю!»

«Удала была в разведке,
Удалей того — в бою!»

Жестока была расплата
Слааной дедушки-бойца
За расстрелянного брата,
За сожженного отца.

За народ, за трудовую
Разоренную семью,
За страну свою родную,
Белоруссию свою.

1941

ГИТЛЕР И СМЕРТЬ

Сля самых мерзостных подручный,
Шагает Гитлер-людоед.
С ним рядом спутник неразлучный
Свой оставляет мертаый след.
Они пройдут по ниве тучной,
И нивы тучной больше нет.

Сады лишаются в мгновение
Своей красы, своих плодов.
Зловещей пары появление
Под гул оружия всех родов
Уничтожает население
Цветущих сел и городов.

Но, полный пьяного угару,
Как натиск вражеский ни яр,
Враги узнают нашу кару
В тот час, когда — и млад и стар —
Обрушим мы на ату пару
Наш сокрушительный удар!

1941

СЧАСТЛИВЫЯ БЕНИТО

С фронта русского Бенито
Шлет невесте письмецо.
Он воюет знаменито.
Результаты — налицо.

«Что за люди, миа Бьянка,
В этой чертовой стране:
Здесь крестьянин и крестьянка —
Партизан иль партизанка, —
Все участвуют в войне!

Надо быть всегда на страже:
Люди скрытны и хитры,
Здесь приходится нам даже
Опасаться детворы.

Случай был — один из многих:
Пред избушкою одной
Три подростка босоногих
В пляс пустились озорной.

Мы смеялись, чужестранцы —
Немцы, венгры, итальянцы, —
Ухватившись за бока.
Есть ли где на свете танцы
Удалее гопака?!

Но когда мы все, солдаты,
Закричали: «Молодцы!» —
Полетели в нас гранаты!
Вот они какие хваты,
Украинские мальцы!

Грохот, вопли, стоны, охи...
Той порой мальчишки — фить!

«Плясунов» среди суматохи
Было некому ловить.

Три советских пионера
Нам сплясали мастерски:
От красавца офицера
Лишь остался куски.

Десять с ним солдат убито,
Вдвое — раненых; среди них
Я, удачливый Бенито,
Твой возлюбленный жених.

Сохранен святою девой,
Счастлива я. Тебе привет
Я пишу рукою... девой,
Потому что — правой нет!»

1941

ЯРОСТЬ

В работе яростно-кипучей
Юг, запад, север и восток.
Все полноводней, все могучей
Соревновательный поток.

Пласты глубокие взрывая,
В народных недрах открывая
Ключи энергии живой,
Вступила ярость трудовая
В соревнованье — с боевой.

В строю и молодость и старость.
Все — в напряжение, все — в бою.
Страшней нет ярости, чем ярость
В борьбе за родину свою!

1942

САЛЮТ ПОБЕДИТЕЛЯМ

О русской славе незаходной
Отрадно петь ее певцам.
Привычкой стало всенародной
Салютовать своим бойцам.

Вчера — победа в Приазовье,
Взят Мариуполь, взят Бердянск,
Сегодня пушек славословье —
Салют бойцам, вернувшим Брянск.

И вот сейчас, сию минуту,
Родной народ по всей стране
Внимает новому салюту:
Стал наш — Чернигов на Десне!

Все напряженнее и строже
Взгляд у бойцов. Вперед! Вперед!
Отрадно видеть до чего же,
Что наша сила верх берет,

Что не сегодня-завтра грянет
Победоносное «ура»:
То Киев к жизни вновь воспрянет
И руки братски к нам протянет
С крутого берега Днепра!

1943

ОСВОБОДИТЕЛЯМ

Уж немцы здесь бывали ране,
У вод чудских, среди псковских нив,
Но — смерть прошла во вражьем стане:
Торжествовали псковитяе,
Всех псов немецких разгромя.

Преданья озера Чудского,
Великий подвиг старины
Освободителям Пскова
Сегодня вновь воскрешены!

Бойцы стремительным ударом,
Напомяни прадедов дела,
Врагов, засевших в Пскове старом,
Разбили в прах, смели дотла!

Смотри: среди гари и обломков,
У древних стен, в лучах зари
Встречают доблестных потомков
Их прадеды-богатыри,

Псков ликующим их встречает,
Блюдя обычай древний свой,
И славой их Москва венчает
За новый подвиг боевой!

1944

ЛЕНИН — С НАМИ!

Высоких гениев творенья
Не для одной живут поры:
Из поколений в поколения
Они несут свои дары.

Наследье гениев былого —
Источник вечного добра.
Живое ленинское слово
Звучит сегодня, как вчера.

Трудясь, мы знаем: *Ленин — с нами!*
И мы отважно под огнем
Несем в боях сквозь дым и пламя
Венчанное победой знамя
С портретом *Ленина* на нем!

21 января 1944 г.

ПРО ЗЕМЛЮ,
ПРО ВОЛЮ,
ПРО РАБОЧУЮ ДОЛЮ

(Повесть)

Часть первая
ЦАРСКАЯ ВОЙНА

Запись

Ну-тка, милые мои!
Сладко свищут соловьи
По весне в зеленой роще.
Наша песенка попроше.
Где уж нам да сладко петь!
Нам бы горе дотерпеть,
Вековое наше горе.
Не забросить горя в море,
Не спалить его в огне.
По родимой стороне
Горе знай себе гуляет —
Счастье ж где-то ковыляет.
«Эх ты, — мается народ, —
Кабы все наоборот!
Кабы то вот нам да это,
Чтоб зимою было лето,
Чтобы жить нам без хлопот,
Нужды-горюшка не ведать, —
Чтобы сел мужик обедать,
Глядь, само все лезет в рот!»
Только кто про что ни грезит,
В рот само ничто не лезет.
Что тут делать? Как тут быть?
С горя волком, что ль, звать?
И завоем, — вот как воем! —
Да запьем, — и пьем запоем,
Растерявши все концы.
Вот какие молодцы!
Легче силнуть нам от вою,
Чем раскинуть головою:
Кто — примерить аккурат —

В нашем горе виноват?
Не схватиться ли нам с горем?
Может, мы его поборем,
Скинем лихо с наших плеч,
Ежли дружно приналечь
Да тряхнуть, что станет снам,
Всех, кто тает наши жилы,
Норовя наш век звесть?
«Тут загвоздка пси и есть!»

Ой вы, братцы, тетки, дяди,
Я пишу не шутки ради,
Не для смеху, не для слез,
Потолкуемте всерьез:
Где болит? На что мы ронщем?
На совете нашем общем,
Ум прибавивши к уму,
Подберемся кой к чему;
Подберемся, разберемся,
Друг на друга обопремся,
Словим горе в перемет
И посмотрим — чья возьмет:
Горе ль нам порвет все снасти,
Мы ль в его широкой пасти, —
Люд рабочий, батраки, —
Все повморошни клыки?!

Облегчивши душу, сразу
Перейду теперь к рассказу.
С правдой-истиной в ладу
Речь простую поведаю.
Не за страх пишу — за совесть
Быль доводливую, повесть,
Где нам в ровном ходе строк
Жизнь сама дает урок,
Где событие к событию
Жизнь пришила крепкой нитью,
Дав канву всему и связь.
«Ну, начнем, благословясь!»

Июль 1917 г.

На деревне тихо-тихо,
 По деревне бродит лихо,
 Со двора бредет во двор,
 Объявил, аишь, царь набор,
 Объявил набор досрочный.
 У царя расчет был точный:
 Как, мол, немец ни мудри,
 Как в бою он ни хитри,
 С ним нам справиться нелегко,
 Наше царство многолюдно.
 Все войска как соберем
 Да всей силой как напред,—
 Не спасут тут немца пушки,
 Не война, сказать, — игрушки!
 Напредай да напредай,
 В день полцарства отбирай! —
 А что головы кто сложит,
 То царя не так тревожит!
 Миллион голов аль два, —
 Не своя ведь голова!
 На деревне тихо-тихо,
 По деревне бродит лихо.
 Чей там голос? Кто зовет?
 Кто-то плачет аль поет?

Песни народные

Не кукушечка во сыром бору куковала,
 Не соловушка в зеленом саду
 громко саищет, —
 Добрый молодец,
 во неволюшке сидя, плачет,
 Обливается добрый молодец
 горячими слезами:
 «Как берут меня, добра молодца,
 во неволю,
 Уж как вяжут мне, добру молодцу,
 белы руки.

Что куют-куют добру молодцу скоры ноги.
Что везут-везут добра молодца,
                                везут в город.
Отдают меня, добра молодца,
                                а царску службу,
Что во ту ль, во ту службу царскую —
                                во солдаты.
Уж никто по мне, добром молодце,
                                не потужит;
Только тужит лишь одна матушка,
                                мать родная,
А еще по мне, добром молодце,
                                красна девица.
Как все девушки про молодчика
                                вспоминают,
Род и племя все меня,
                                молодца, провожают:
«Послужи-ка ты, добрый молодец,
                                асрой-правдой,
Положи за нас свою буйную ты голову!»
«Не шумите-ка вы, ах, да ветры буйные,
Не бушуйте вы, ах, да леса темные,
Ты не плачь, не плачь,
                                душа красна девица!»
«Не сама-то я плачу, плачут очи асные,
Поневолюшке из глаз слезы катятся,
Поневолюшке да все по милому дружке,
Что везут-то ль,
                                отдают дружка во солдатуськи,
В молодые ли его, ах, да во некрутики!
Снаражу ль я,
                                снаражу дружка хорошихонько,
Провожу ль я,
                                провожу дружка далекихонько,
Я до городу его, городу Владимиру,
Я до матушкин ль его каменной Москвы,
Среди-то ли Москвы да мы стаявалися,
Со милым ли со дружкой
                                да мы распрощалися.
Господа-то ли купцы на нас дивилися:
Уж и кто же это с кем,
                                кто с кем распрощается?

Или муж с женой, или это брат с сестрой?
Добрый молодец
с душой красной девицей!»

II

Горько Маша убивалась,
Как с Ванюшею прощалась.
Ваня — красный, что кумач. —
Утешал ее: «Не плачь!
Так по мне ты слезы ронишь,
Слоано загоди хоронишь.
Даст бог, справимся с войной,
Будешь, Маша, мне женой.
Коль вернут домой калеку —
Не губи со мною веку,
А погибну на войне —
Помолись обо мне».

III

Солнце весело светило.
Землю дождиком прибило.
Пар валил с осенних нив.
Лихо шапки заломил,
Залаяв горе брагой,
Парни шумною ватагой
Паяс вели последний день.
— Трень-брень!
Трень-брень!
Ты сыграй-ка,
Балалайка,
А мы песенку споем:
Завтра всем нам на прием!

Ой ах, немцы-супостаты,
Из-за вас идем я солдаты,
Из-за вас у нас печаль:
Покидать девчонок жаль!
Как посадят нас в лагоны,
То-то будут плач да стоны.

Все вагоны — грох да грох,
Все девчонки — ох да ох!

Вы, сударушки-сударки,
Выносите-ка подарки,
Чтоб, отправясь в дальний путь,
Было чем вас помянуть.
Нам подарок ваши любви:
Щечки алые да губы!

Ты играй-играй, гармошка,
Ты спляши-пляши, Тиношка!

П л я с о в а я

Отчего не поплясать?
— Поплясать.
Дома нечего кусать.
— Что кусать?
Кабы мне да калачи,
— Калачи,
Я лежал бы на печи,
— На печи.
Кабы мне да сапоги,
— Сапоги,
Я б ударил в три ноги,
— В три ноги.
Кабы мне стакан винца,
— Да винца,
Я плясал бы без конца,
— Без конца.
О каблук да каблуком!
— Каблуком,
Слезы б вытер кулаком,
— Кулаком.
Неча, братцы, горевать,
— Горевать.
Царь велит нам восвать,
— Восвать.
Царь земель нас наградит,
— Наградит.

Нам земля не вредит,
— Не вредит!
Ай, люли, люли, люли!
— Ай, люли!
Уж добьемся мы земли!
— Всей земли!
Прощай, горе-маета!
— Маета!
Запирует беднота!
— Беднота!

Ай, Тимошка, молодчина,
Разошлася вся кручина,
Разошлася вся тоска,
Подковыривай с носка!

Эхма!
Друг Кузьма!
Парень с подковыркой.
Денег, думашь, сума, —
Аи карман-то с дыркой!

Ах дыра — не дыра;
Плакали монетки!
Раздарил я всё вчера
Девкам на конфетки!

У старушки деньги есть.
Стоит только к ней подлезть,
Поцелуешь — гривна.
Очень уж противна!

Тра-ра-рам!
Хи-хи-хи!
Ахти, срам!
Ох, грехи!
Сидит баба, хмурится.
Чем она не курица!
Иха-хо! Иха-ха!
Полюбила петуха.
Петушок хорошенький,
Звать его Тимошенькой!

Эх, скачи-скачи-окачи:
На нас смотрят богачи!

Фу-ты, черт! Хоть одному бы
Хорошо заехать в зубы!

Эх, судьбинушка-судьба!
Загуляла голытьба!
Парни малость захмелели,
А в хмелю чего не пели!
Долго шел веселый пляс.
Разбрелися в поздний час.
А на завтра, пред дорогой,
Поп им в церковке убогой
Всем напутствие сказал,
Окропил и наказал,
Чтоб веля себе примерно,
Да царю служили верно,
И сумели бы в бою
Стать за родину свою.

IV

Что творилось с деревней!
От мальчика до бабки древней
Были все до хрипоты,
Надрывная животы.

Ох, война ли, не война ли —
Всех работничков угнали!
На приеме, говорят,
Забирали всех подряд.
В деревушку от приезда
Прискакала один Ерема.
Был отпущен он домой,
Потому: глухонемой.
Всех, кого не сбраковали,
Сразу в части рассовали
Для муштровки боевой —
В помощь силе войсковой.
Агафон попал в минеры,
Тришка с Кузькою — в саперы,

Пров с Тимошкою — во флот,
В артиллерию — Федот,
Ване выпало — в пехоту,
В Курский полк, в седьмую роту.

V

«Ать! — Два! — Ать! — Два!
В ногу, дурия голова!
Ать, два, три, четыре!
Шире шаг, Михеев! Шире!
Смир-рно! Что там за галдеж?
Соловьев, ты что что ж?
Столкнулся по аресте? —
Левой! Правой! Шаг на месте!
Стой! Оправься!.. Ну, народ:
Чертн! Стадо, а не взвод!»
Чертыхался унтер взводный.
Вечерел денек холодный,
И ученье на плацу
Подходило уж к концу.
Унтер снова взвод построил,
Все ряды сравнял и сдвинул.
Раз, другой солдат ругнул
И к казармам повернул.
«Марш! Равнение направо!
Ну, гляди, ребята, bravo!
Никакой беды не знай.
Запевала, начинай!»

П е с н я

(Солдатская)

У ворот мамзель стоит,
На солдатика глядит.
Ах, калина, ах, малина,
На солдатика глядит.

— Ты, солдатик милый мой,
Приходи ко мне домой.

Ах, калина, ах малина,
Приходи ко мне домой!

Приходи да не скучай,
Будем пить с вареньем чай.
Ах, калина, ах, малина,
Будем пить с вареньем чай.

Ежли будешь молодцом,
Угощу тебя вином.
Ах, калина, ах, малина,
Угощу тебя вином.

Ты скажи мне, что не прочь
Провести со мною ночь.
Ах, калина, ах, малина,
Провести со мною ночь.

Ах, любовь, любовь — игра,
Поиграем до утра!
Ах, калина, ах, малина,
Поиграем до утра!

Отвечает тут солдат:
— Хоть я холост — не женат,
Ах, калина, ах, малина,
Хоть я холост — не женат,

Берегу свою я честь:
У меня невеста есть!
Ах, калина, ах, малина,
У меня невеста есть!

Как в казарму я приду,
В сундуке патрет найду.
Ах, калина, ах, малина,
В сундуке патрет найду.

И патретики, и кольцо:
Пошлю милые письмецо.

Ах, калина, ах, малина,
Пошлю милке письмецо.

Навишу я ей, любя:
«Чижало, мне без тебя!»
Ах, калина, ах, малина,
Чижало мне без тебя.

В полковой свернувши двор.
Сразу смолк солдатский хор.

VI

Тяжело пришлось Ване.
Был он словно как в тумане.
Все смешалось в голове.
На плацу недели две
Новобранцев муштровали,
Передышки не давали:
Целый полк, что было сил,
Грязь на площади месил,
По всей площади по длинной
Шел походкой журавлиной.
На ходу на все лады
Перестраивал ряды.
Заставляли раз по двести
Повторять отданье чести,
Но ружья в полку зато
Не держал в руках никто.
Перед самым уж походом
Пронесли ружье по взводам,
Показали, как держать
И откуда заряжать,
Как управиться с прицелом.
Штука мудрая! Но в целом —
Вышел полк, как все полки:
Безоружные стрелки!
О стрельбе им рассказали,
Все приемы показали,
Суть сноровки боевой
При атаке штыковой.
Может, шло б ученье дольше,

Но и в Пруссии и в Польше
Убывал в боях народ.
Курский полк пошел в поход.
Дней с пяток еще в Сувалях
Обучался он на палках
И, обученный вполне,
Через неделю был в огне.
Ружья выдали... пред боем,
Хоть не всем, того не скроем,
И с патронами ж опять —
Хоть у немца признаться.
Шли стрелков живые стены
На ружьишко по три смены!
И палили во всю ночь:
Пять патронов за всю ночь!

VII

Левой! Правой! Левой! Правой!
Был наш Ваня под Варшавой,
Был под Краковом и был...
Где, уж я и позабыл.
Очутнашися за Львовом,
На Карпаты лез... Ну, словом,
Выбиваясь из сил,
Много мест исколесил.
За две раны храбрый воин
Двух крестов был удостоен.
Чуть оправившись от ран,
Снова в полк рвался Иван.
Много раз он стыл на стуже,
Пух от голоду, но хуже
Переня горя не знавал,
Как в Карпатах зимовал.
Ох, Карпаты, вы, Карпаты,
Будут помнить нас солдаты!
Не забудут никогда,
Где настгла их беда, —
Как пришлось им с врагами
Биться голыми руками,
Как по чьей-то злой вине
Войско гибло в западне!

VIII

Начиная повесть нашу,
Помню уж я про Машу,
Как, предчувствий злых полна,
Над дружком своим она
Убивалась пред разлукой.
Стала жизнь сплошною мукой
Для Машутки с той поры,
Как рыданиями дворы
Огласнялся и хаты,
Как вели парней в солдаты
И как шел с тоской в груди
Друг Ванюша вперед.
Ей допреж того не в сладость,
И не в сладость, и не в радость,
Жизнь убогая была
Без родимого угла:
Маша с детства в горькой доле,
Что былинка в диком поле,
Средь чужих людей росла,
Службу черную несла.
Над несчастною сироткой,
Безобидною и кроткой,
Измывался, кто хотел:
Сироты таков удел.

IX

Но неожиданно бедной Маше
Дни пришли — не надо краше,
Ей вздохнулося вольней.
Не забыть ей этих дней,
Промелькнувших светлой сказкой,
Дней, когда с любовью, с лаской
Подошел Ванюша к ней.
Не забыть ей этих дней!
Ах, недолго счастье длилось!
Горе страшное свалилось:
Распроклятая война.
Вновь осталась одна,

Не вдова и не молодка, —
Горемычная сиротка.
Счастье было. Счастья нет.
«Ваня, где ты? Дай ответ!»
Но прошло четыре лета,
Все от Вани нет привета.
Маша день и ночь скорбит:
«Иль в пашну, или убит!»

X

Время шло, не шло — тремало,
Натерпелась немало
В эти годы сирота.
Воевала беднота,
Гибла в битвах, как солома,
Разорялась крепко дома:
Шло хозяйство все вразброд, —
С каждым днем нишал народ.
Но проклятым лиходеем,
Мироедам-богатеям
Каждый лишний день войны
Был находкой для мошны.
Богачи народ прижали,
Как в клещах его держали
И сгибали в три дуги:
«С нами спорить не могли!»
Как с войной пошла вся каша,
У попа служила Маша.
За несчастные гроши
Как прикажут, так пляши.

XI

Маша день-деньской в работе.
Попадья сидит в капоте,
Объедается, скулит
Да работницу пилит:
«Что ты мечешься, кобыла?
За детьми убрать забыла,
Не dokonчено шитье,
Время браться за мытье,

Опоздаешь вновь с обедом.
За тобой ходи все следом.
Подоила ль ты коров?
Наколола ли ты дров?
Аль самой полоть мне грядки?
Вот они — пошли порядки:
Плату любишь, жрешь как — во!
А работать не тово!»

XII

Поп ныне любит шутки:
Трется около Машутки,
Вслед за нею со смешком
Скачет батя петушком,
Стронт масляные глазки
Да рассказывает сказки,
Пакость всякую несет,
Бороденкою трясет...
Маша бате не сдавалась,
Вырывалась, отбивалась.
Незадачливый отец
Обозлился под конец,
Объявил расчет до срока:
«Нет с тебя, я вижу, прока.
Тож, подумаешь, княжна!
Ты мне больше не нужна!»

XIII

Пров Кузьмич — хозяин новый —
Был мужик весьма суровый.
Но с Машуткой хмурый Пров
Тож не слишком был суров.
У него своя припевка:
«Фу ты, дьявол!..
Козырь-девка!
За красу твою... тово!..
Мне не жалко ничего!..
Нынче все торгуют честью».
Пров не силой брал, так лестию.

Хлопал Машу по плечу:
«Я тебя озолочу!»
Так пришлось Маше снова
Бросить службу н у Прова.

XIV

Стойте, братья.

Долог путь.
Дайте малость отдохнуть.
Чай, никто не мчит вдогонку?
На часок свернем в сторонку
И оглянемся назад:
Далеко ли Петроград?
Петербургом был он ране.
В черной копоти, в тумане,
Возлежал среди болот
Моши царственной оплот,
Всероссийский обирала.
Здесь томилась, вымирала,
Набивая чердаки,
Голь людская,

бедняки.

Здесь, в подвалах

темных, душных,

Для маляток золотушных
Из-за копоти и туч
Не сверкала весенний луч.
Здесь, под сводами заводов,
Среди громадных дымоходов,
Рос могучий дух борьбы
Пролетарской голытьбы.
И не раз уж эта сила
Воли-выхода просила, —
Разметавши тьму препон,
Колебала царский трон.
Перед страшною войною
Снова грозною стеною
Стал подыматься бурный вал:
Люд рабочий

бунтовал.

XV

Добрый царь а досаде лютой
 Зашушукался с Малютой,
 Самым главным палачом:
 Порешить, мол, им на чем,
 Как им быть с фабричным людом?
 Не окончился бы худом
 Бунт проклятой голытьбы, —
 Мол, от уличной борьбы,
 От всеобщего шатанья
 До открытого восстанья
 Остается только шаг.
 С каждым днем нагнет арак.
 Пред опасностью подобной
 И царю и шайке злобной
 Всех приспешников его
 Не осталось ничего,
 Как — все это уж заране
 Палачи держали а плане,
 Животы свои храня, —
 Чтоб спастись от огня,
 Прыгать а полымя. Милую
 Сбить нетрудно было с толку:
 Отродясь уж он таков —
 Был на редкость бестолков.
 Дуралей поверил сдуру,
 Что свою спасет он шкуру,
 Застрахуется вполне,
 Отыгравшись на войне.

XVI

Вот война пошла откуда.
 Для трудящегося люда
 Жизнь настала — чистый ад.
 Застонал и стар и млад.
 С фабрик, с каждого завода
 Обобрали тьму народа, —
 Торопились поскорей
 Изничтожить бунтарей,

Гнали их в огонь, под пули.
Туго петлю натянули
И не ждали, гады, дней,
Как забьются сами в ней.
Больше года шли сраженья.
Где добыть нам снаряженья?
Немец лез на нас да лез,
А у нас всего в обрез.

XVII

Втапоры — не без причины —
Царь извелся от кручины
И, дрожа за ход войны,
Каждый час менял штаны,
Со штанами — мысли тоже.
Драл царя мороз по коже,
Затрещал пустой чердак:
«Зиварил я кавардак».
Шло кругом столпотворенье,
Царь не прочь на замиренье.
Но, ожегшись на войне,
Мира трусил он вдвойне:
«Мир позорный, без победы,
Принесет такие беды.
Что мне вряд ли сдобровать.
Нет, уж лучше воевать».

XVIII

Богачи тому и рады:
Вновь посыпались подряды.
Поваяла доход сплошной, —
Знай потряхивай мошной.
Порох, пушки да винтовки,
Нитендантству заготовки...
Расторопные тузы,
Русь «спасая» от грозы,
Собирались в комитеты
Да прикидывали сметы.
Сметы очень хороши:
Всё сплошные барыши.

Наживаться — не повиника,
Но случилась тут заминка:
Все, кажись, идет под стать.
Да рабочих не достать;
С фронта брать чертей обратно
То ж не очень-то приятно:
«Очень вредный элемент»,
Замутят народ в момент,
Перенакосят все стадо.
Хоть опять же думать надо:
Из ребяток боевых
Половины нет в живых.

XIX

Так и сяк тузы гадали,
В комитетах заседали,
Порешили все на том, —
Брать на фабрики гуртом,
Без особого разбору:
До разбору ль в эту пору?
Девоч, баб и детвору,
Все, мол, будет ко двору.
Невелик, мол, курс науки.
Где ж нужны мужские руки,
Знание, опыт, верный глаз,
Где военный есть заказ, —
Там придется поневоле
Уж не брать рабочих боле
В пополнение полков
От вагранок и станков,
А держать их «на учете»,
Не ахти в каком почете:
Стал рабочий призывной
Настоящий крепостной, —
Больше дела, меньше платы,
Забунтуй — сошлют в солдаты.

XX

Слух дошел до деревень:
Дескать, всем, кому не лень,

На заводах есть работа.
У кого к тому ж охота
Подкопнуть себе денжат, —
Под рукой они лежат.
Плата — во! И харч отличный.
Обрядишься в шелк столичный,
Сразу в баре попадешь.
В ресторацию зайдешь —
Пей чайшко под шарманку.
Кто польстился на приманку, —
Многих горькая нужда
Потянула в города,
В том числе Машутку нашу,
Там испить лихую чашу.
Снарядившись к покрову,
Маша двинулась в Москву.
Здесь, на фабрике на ткацкой,
После жизни злой батрацкой,
Как-никак, но с первых дней
Ея вздохнулося вольней.

XXI

Жизнь фабричная — не шутка.
Осмотрелась Машутка:
Шум-содом стоит вокруг,
Новых тысяча подруг.
На миру, как говорится,
Смерть красна и труд спорится.
Одинокая душа,
Общей радостью дыша
И деля со всеми горе,
Растворилась каплей в море.
Капли! Жизнью их полна,
Понесет их всех волна
К берегам, нам всем известным,
К цели — подвигам совместным!

XXII

А в деревне той порой
Шел у Прова пир горой.

Пров прощался с сыновьями,
Целовался с зятьями,
Самогонку чашкой дул:
«Кузька, пей!.. Ну, что, Федул?»
Вы б ценили, эфиопы,
Что везу вас... не в окопы!
Вот он, промысл-то отцов:
Берегу вас, поддесцов.
Два зятя да три сыночка,
Всем, глядишь ты, есть отсрочка,
Все попали «на учет»,
Ваша кровь не потечет!
Кум Горденч, молодчина,
Рассудительный купчина,
Как узнал мою беду,
«Я ее, грит, отведу:
Саой завод на днях открою,
Всех войк твоих пристрою,
На себя ответ возьму.
Понимю крестника, Кузьму, —
Препотешный был мальчишка.
Поезжай и жди письмишка»,
Вот письмо: «Все на мази, —
Молодцов своих вези!»

XXIII

Пятерых своих героев
«На учет» в Москве пристроил,
Сразу понял Пров Кузьмич,
Что война — не божий бич,
А источник благодати:
Были б только деньги кстатн,
Чтоб пусквть их в оборот,
Все само полезет в рот.
Разоренные солдатки
Все последние достатки
Продвют, несут в заклад.
Есть молодки — мармелад:
И лицом тебе, и станом!
Ходит Пров Кузьмич султаном.

Всем, кто сир и кто убог,
Мироед — и царь и бог!

XXIV

Втершись в земскую управу,
По заслугам и по праву,
У господ Кузьмич в чести.
Стал кулак дела вести:
На свой риск зерна закупит,
С интендантства втрое слупит,
С интендантами в тиши
Вместе делит барыши.
Пров нигде не даст промашки,
Муслит пальцами бумажки,
Счет им бережно ведет
Да в бумажничек кладет.
«Как делишки?»

«Расчудесно!»

Стало Прову дома тесно,
Опостылел старый двор.
Тянет Прова на простор.
В ход пустивши все уменье,
Стал соседнее именье
Приторговывать мужик.
А именье — просто шик!

XXV

За пять верст от деревушки,
Под горою у речушки
Приютился барский дом
С парком, садом и прудом.
Пашни, лес и луг поемный...
Пров Кузьмич, как туча, темный,
Едет мимо, весь дрожит:
«Вот он, клад где мой лежит!...»
Клад все в руки не давался.
Пров на части разрывался,
Торговался — сам не свой —
С генеральскою вдовой.

Генеральша ничего бы:
К ней у Прова мало злобы,
Баба — что уж за делец! —
Управляющий — подлец.
Вот кто дело все изгадил:
Как с цепою одно заладил,
Так не спустит ни гроша,
Распроклятая душа!

XXVI

За наборами — набори.
Все хозяйство — без опоры.
Позабрали молодцов, —
Добралися до отцов.
Бабы сохнут от заботы,
От заботы, от работы.
Стало жить непомогуту.
Сжало горе бедноту.
Нужда скачет, нужда паяшет,
Там полоски не допшет,
Там полоски не дожнет,
Пред богатым спину гнет:
«Пров Кузьмич, займи десятку!»
«Пров Кузьмич, возьми лошадку!»
«Пров Кузьмич, продай зерна!»
Прова линия верна:
Даст взаймы, лошадку купит,
Меру-две зерна уступит,
Купит даром, а продаст...
Маху жох-мужик не даст!

XXVII

Всю опуташи округу,
Пров и недругу н другу —
Речь зайдет лишь про войну —
Танет песенку одну:
«По еде — свиные отрыжка.
Немцу скоро будет крышка.
Погодите, дайте срок:
Уж получит он урок!»

Как завидит Пров солдата —
Федьку, Тришку иль Филатя, —
Рот в улыбочку кривит,
Сам в сторонку норовит.
Федька смотрит мертвым глазом,
Тришка — весь отравлен газом,
А Филатка — без руки.
Прежде были батники,
Нынче — летом и зимою —
Бродят с нищенской сумою.

XXVIII

Как-то Прова Кузьмича
Крепким словом сгорячи
Обложил у церкви Тришка:
«Так кому, ты баишь, крышка?
Сам ты, что ль, поступишь в строй,
Чтоб сквитаться с немчурой?
Аль сынков возьмешь с завода
Для военного похода?
Много ты добра принес,
Забрехался, старый пес!»
«Ты, брат, видно, помешался!» —
Пров ответить покушался,
Но, взглянувши на народ,
Вдруг воды набрал он в рот
И — айда домой вприпрыжку.
«Ладно! Вспомню я вам Тришку!
Распросукиных сынов,
Всех оставлю без штанов!»

Часть вторая

ПЕТРОГРАД

I

Чуден Питер, град-столица!
В нем живут какие лица:

Царь с царицею, чины.
Круглый год у них блины,
Что ни день — то шампансе,
Что ни вечер — то затея;
И театры и балы.
Ведь доходы не малы:
Протранжирить их умело —
Тоже, знаете ли, дело!
Как по улице Морской
Шум-движение день-деньской,
Мчат моторы и кареты...
Пешеходы разодеты, —
Им мороз трескучий люб:
Не проймет он барских шуб,
Дорогих пушных салонов.
То ли дело среди окопов!
Тут морозцу путь наскрозь.
Знай солдатиков морозы!

II

В ночь глухую после смены —
Печь, облупленные стены,
Так бы к ним вот и прирос!
Проклятый злой мороз,
Посинелые, как трупы,
Позабиялись в халупы
Утомленные бойцы.
Отогрелись молодцы,
Подкреплялись чем попало,
И как горя не бывало:
Вынув сахарный песок,
Налегают на чашек.
Кто вприкуску, кто внакладку,
Кто-то, глядь, пошел вприсядку
Под охрипшую гармонию.
А в печи трещит огонь,
Всем разостлана солома,
Разместились, «словно дома»,
И, забыв о всем дневном,
Балагурят перед сном.

Вся изба до слез хохочет!
 Распотешил Фролка Кочет
 Всех побаскою смешной
 «Про Луку с его женой,
 Про измену бабы мужу,
 И как вышло все наружу, —
 Как Лука был плоховат:
 Сам остался виноват!»
 «Правда, братцы, очень колка,
 Не сердчайте! — хитрый Фролка
 Подзадоривал солдат. —
 Может, кто из вас женат.
 Доложу сердчать охочим:
 Сам женат я, между прочим.
 Да. Так случай был какой
 С мужиком одним, с Лукой:
 Помолитись утром богу,
 Собрался мужик в дорогу.
 «Все ль я взял? Прощай пока, —
 Говорил жене Лука, —
 Надо двигаться к соседу.
 В город нынче с ним поеду.
 Эх, пустила уж слезу!
 Я гостинца привезу.
 Завтра жди меня к обеду».
 На прощанье муж с женой
 Лобызнулись тоскратно.
 Только, глядь: Лука домой
 Через час бежит обратно.
 «Мавра! деньги позабыл».
 Мавры дома след простыл.
 «Знать, с тряпьем пошла на речку
 Ах куда неподалечку!»
 Но, услыша у дверей
 Частый топот, поскорей
 Наш хозяин шмыг за печку!
 Двери хлоп. Вошла жена,
 Да вошла-то не одна:
 Привела с собою кума,
 Бакалейщика Наума.

«Эх, разлапушка, адвоєм
Славно ж ночку проведем!»
Кум к Мавруше скоком-скоком,
Мавра жметса боком-боком,
Обхватила, обвинла...
Заварилнся дела!
«Стойте, черти! Стойте, гады!» —
Не стерпевши, из засады
Зверем ринулся Лука.
От лнхого тумакa
Кум, хрипя, свалился на пол.
«Стой!» — Лука Маврушу сцапал. —
Я ж те дам!» Но, словно уж,
Выетса баба: «Ай да муж!»
«Аль не муж!» — Лука опешнл.
«Лешнй! Дьявол! Ну, хорош:
Женке веры ни на грош.
Неча молвить — разутешнл!
Как не стыдно быть вралем?
В город нынче, дескать, еду,
Как не стыдно быть вралем?
«Завтра жди меня к обеду»,
Сам за печку лег кулем.
Как не стыдно быть вралем?!»

Бабья совесть в три обхвата,
С бабой спорить — слову трата,
С бабой лаяться — беда!
Баба, братцы, инкогда
И ни а чем не виновата!»

IV

«Постыднлся бы ты, Фрол.
Сколько чуши напорол! —
Молвил тут солдат степенный,
Бородач — Корней Ячменный. —
Что смешно, так то смешно.
Зря ж болтать про баб грешно.
Есть, брат, асыкне. Но чаще:
Горько нам, и ни не слаще, —

В суете да в кутерьме,
 С нами век в одном яме.
 И спроси еще: чьей шес
 То яме потяжелее.
 Всех спроси — один ответ:
 Без хозяйки дому нет.
 Все — одна, за всех горюю...
 Ах неправду говорю я?»
 «Прада, брат!»
 «Чего верней!»
 «Славный ты мужик, Корней! —
 Отвечали все тут хором. —
 Только зря ты тож... с укором.
 Нас за смех не обессудь.
 Нам забыться б как-нибудь,
 Затушить в груди тревогу...
 Натерпелись, слава богу!
 То в походе, то в огне,
 В трижды проклятой войне.
 Знаешь сам ведь, как горюем.
 Хоть бы знать, за что воюем?
 Ах цари да короли
 Столковаться не могли
 Без убийств и без пожаров?»
 «Эх, чужак же ты, товарищ! —
 Рассмеялся с этих слов
 Ротный слесарь, Клим Козлов
 (До войны служил он вроде
 На Путиловском заводе). —
 Пусть бы путал кто другой,
 Ну, а ты ведь, Фрол, с мозгой.
 С повсесветного разбою,
 Что ж, прибыток нам с тобою?
 А не нам, так и война,
 Стало быть, не нам нужна.
 Вот башкой ты и распутай:
 Кто ж повинен в войне лютой?
 Получил я два письма,
 Примечательных весьма.
 В этих письмах говорится,
 Что там в Питере творится.

Молвить истину: содом!
Очутились под судом
От рабочих депутаты:
Очень, дескать, виноваты.
Что ж вменили им в вину?
Их призыв: долой войну!
На суде чуть не пытали.
Всех, конечно, закатали
В те погиблые места,
Где равнинушка чиста,
В снеговом весь год в уборе,
Ледовитое где море,
Где полгода — ночь и мгла.
Вот какие, брат, дела!»
Натянув шинель на плечи,
Ваня слушал эти речи,
А потом не спал всю ночь:
Не отгонншь мыслей прочь!
День пришел — и днем все то же.
Стал задумчивей и строже
Наш Вацюша. Заскучал.
Но — крепился и молялся,

У

Шли дела меж тем все хуже:
Петля стигивалась туже.
У врага — от пушек гром,
А у наших: за бугром
Батареи — для парада:
На пять пушек два снаряда.
Раз-другой, коль что, пальни,
Но уж больше — извини.
Где ж тут «доблестно» сражаться?
Впору б только удержаться.
Наши части под огнем
Убивали с каждым днем;
Отбиваясь штыками,
Гибли целыми полками,
Каждый час со всех сторон
Налосился им урон.
Не давала смерть пощады:

Днем восили их снаряды,
А среди ночной поры —
Ядовитые пары.
Гибло войско безответно.
Но вой-где уже заметно
Падать стал «военный дух»,
И уже роптали вслух.

Б а р а б а н

Какой-то барабан — хороший аль плохой,
Вам скажет кто-нибудь другой:
Аз, грешный, мало смыслю в коже
И в барабанном бое тоже.
Но суть не в этом. Барабан,
Замест того чтоб тлеть
среди всякой лишней рвани,
При сборах брошенный случайно
в шарабан,
С обозом полковым попал на поле брани.
И хоть обоз стоял, как водится, а тылу,
Но в боевом пылу
Наш барабан решил, что, в анде
исключенья,
Попал он на войну по воле providенья, —
Что «совершит» аль «оглушит»,
Но некий подвиг он, конечно, совершит.
И вот, когда пехота,
За ротой рота,
Рассыпав осторожно строй,
В глубокой тишине шла в бой под кровом
ночи,
Забарабанил наш герой
Что было ночью!
Взметнулся бедный полк!..
Нет, я умолк!
Про полк прочтете все вы в боевых
анналах, —
Про барабан — скажу, что, к нашему
стыду,

Его хрипящий бой в ту пору был в ходу...
Во всех газетах и журналах!!

VI

Были дни: возьмешь газету,
Дочитать терпенья нету.
Не узнать совсем писак:
Не перо у них — тесак.
Так и рубят, душегубы.
Затрубили во все трубы,
Барабанил что есть сил,
Словно шмель их укусил.
Вдруг на всякие манеры
Про амыские примеры
Дисциплины боевой, —
Поднимают лютый вой;
Наканная злые беды
Против тех, кто ждет победы
Не царских воевод,
Не помещиков-господ,
А победы асенародной
Рати нищей и голодной
Над оравой палачей,
Злых властей и богачей.
И статьи тебе и оды
Про блестящие походы,
Про геройские дела,
Про двуглавого орла,
Про царьградский щит Олега:
Как, мол, русская телега
Через тысячи преград
Мчит прянехонько... в Царьград!
То-то будет шум в Европах!
Ждут-пождут газет в окнах,
Как желаннейших гостей:
Нет ли, мол, каких вестей —
Хоть строки! — о мире скором.
Но газеты общин хорон:
Тру-ру-ру да тра-ра-ра!
Что ни слово, то — «ура!».

«Что строчат, лихие галы!»
«Ну, чему они так рады?»
«Мало радости, кажись:
Ведь дела — хоть в гроб ложись».
«Аль они там все ослепли?»

Средь окопов слухи крепили,
Что газеты — не таё:
Подрядились на враньё!
Может, Правда где и бродит,
Да к окопам не доходит,
В письмах тож ей не пройти:
Гибнут письма на пути
От цензуры постоянной, —
Чтоб ей лопнуть, окаянной! —

Шло меж тем из уст в уста,
Что, мол, штука не чиста, —
Прибежал кой-кто из плена,
Говорят: у нас — измена!

VII

В деревушке поутру
Было дело на смотре.
Брови сдвинувши сурово,
Командир сказал: «Здорово!»
Гаркнул полк по всей статье:
«Здра... жла... ва... ско... бро... ди... е!!»
«Молодцы! Видать, что хваты!
Почему ж у нас, солдаты,
Что ни ступим, то беда?
Знайте все: из-за жиди!
Подлый жид-христопродавец
С немцем снюхался, мерзавец!
Жид — потомственный шпион.
Мой приказ — для вас закон:
Для жиди и для жиловки
Не жалели чтоб веревки;
Нет веревки — не урон:
Разряди тогда патрон!»

Ох, не скрыть! «Наука» эта
Много душ свела со света,

Злой росток дало зерно:
Много рух обогрено
Чистой кровью жертв невинных!
Не исчислить списков длинных,
Списков горестных имен
Всех, кто зверски был казнен.

Скоро поняли солдаты:
Не «жиды» тут виноваты!
Что «жиды» — один отвод,
Чтобы с толку сбить иврод.
Что измена — где-то выше,
Что огонь — на своей крыше,
И давно разнюхать след:
В чем же корень наших бед?

VIII

Все в стихах выходит гладко,
А на деле — ой, не сладко!
Не пирог был на меду! —
Жизнь в пятнадцатом году.
Но к чему — скажу я честно —
Повторять, что всем известно:
Быль худую повторить,
Злые раны ковырять?

Не вернуть Карпат нам снова,
Не видать нам больше Львова.
Что в чужое изор вперять?
Своего б не растерять.
А потеряно немало.
Наше войско отступало
Из залитых кровью мест.
Сдали Люблин, Холм и Брест, —
Уничтожили переправы,
Отошли из-под Варшавы;
Потеряли Осовец;
Сдали Ковно под конец.
Фронт прорвали нам под Вильно,
Потрепал нас немец сильно,
Выбивал нас, как мышей,
Из болот и из траншей, —

Искалеченных, недужных,
Тощих, рваных, безоружных,
Виноватых без вины,
Гнал до самой до Двины.

От дальнейшего отхода
Нас спасла лишь непогода,
Дождь осенний проливной.
Вот как шли дела с войной!

IX

Всюду — слухи, всюду — толки,
Как у нашего Микошки,
Православного царя,
Мозгу, правду говори...

Нету мозгу, есть замашки —
Больше все насчет рюмашки.
Царь допреж того гулял,
Дядь ж фронтом управлял,
До Двины ж когда допраивал,
Царь от дел его отставил
И — ликуй Расей вся! —
Фронтом править сам азиялся
(Кой-кого пред тем повесил).

В столоке царь и пьил и весел,
А царина той порой
Занялась другой игрой:
Хоть в мешке не спрятать шила,
Но досель она грешила,
Как-никак — исподтишка,
Завела себе дружка.

Про Распутна про Гришку
Написал уж кто-то книжку,
Раскопал всю грязь до дна, —
Срамота, скажу, одна.

Царь, доверившись супруге,
Сам души не чаял в «друге»,
Был царев о Гришке суд:
Гришка — божий-де сосуд!

А когда, себе на горе,
Царь в доинственном задоре,

Дома бросивши жену,
Снарядился на войну,
Гришка с царскою женою
Грозно правил всей страпою.

У Гришуки круглый год
Мироносиц хороеод,
Раздушеяных, оголенных,
Блудной страстью воспалинных,
Стая целая графинь,
Дам придворных да княгинь
За «божественным сосудом»
Бродит псюду, как за чудом,
Ждет божественных утех,
А царица — пуще всех!

Х

Государственная дума
Коротала век без шума,
Зашумела лишь тогда,
Как надвинулась беда.
Дума выла-голосила,
Царя-батюшку просила:
«Государь ты наш, отец,
Пожалей нас наконец!
Нам немногого и надо:
Собери лишь наше стадо
(То бишь думских главарей!)
На совет большой скорей
Пред разрухой, нам грозящей.
Для твоей для славы вящей
Напряжем охотно мы
Наши мудрые умы:
Пусть стране родной привычно
Горе мыкать горемычно, —
Ея лихую тяготу
Больше несть невоготу.
Объяви своим указом,
Что твоим мы будем глазом,
Что пред нами на правёж
Ты поставишь всех вельмож.

В ограждение от напасти
Нам не нужно вовсе власти,
Весь наш лозунг и пароль:
Лишь контроль! Один контроль!¹
Царь — к женс. Жена — за Гришку.
Гришка — Штюрмера¹ под мышку.
«Вот шта, милый: так и так.
Сам смекаешь: не дурак!»

Бюрократ
Говорит:
«Оч-чень рад!
Говорит,
Дума... что ж!..
Говорит,
Отчего ж!..
Говорит,
Нам она,
Говорит,
Не страшна,
Говорит,
На нее,
Говорит,
Мы... таё...
Говорит,
Есть клещи,
Говорит,
Не изыщи,
Говорит,
Тишь да гладь?
Говорит,
Будем ждать!
Говорит,
Если ж бунт,
Говорит,
Мы а секунт,
Говорит,

---

¹ Б. В. Штюрмер в 1916 г. был председателем Совета министров.

Теремок,
Говорит,
На замок!
Говорит,
Не впервой,
Говорит,
Будет вой?
Говорит,
Ну, так что-с?
Говорит,
Все равно-с! —
Говорит.

XI

Штюрмер Думу полонил,
Штюрмер Думу опьянил
Нежно-сладкими словами:
«Мы да вы! Да мы-ста с вами!»
Врал, оскаливши зубок,
Что лиса на колобок.

«К о л о б о к»¹

Помнил колобок ниую пору,
Когда шли дела его в гору,
Когда был он буйным да веселым,
Когда по городам и селам
Только про колобок и было разговору:
Уж и такой-то он и такой,
Что не взять его голой рукой,
Не погнать на чужих вожжах:
Не на таких колобок заквашен дрожжах,
Не на таком, дескать, заквашен тесте!
Да не удержался колобок
на прежнем месте —

---

¹ Здесь: «К о л о б о к» — Государственная дума.

Сорвался вниз, покатился,
Невесть где очутился:
В луже — не в луже,
Может, где и похуже.
А колобку и такое место любо!
«Авось тут никто не пихнет меня грубо,
Укреплюсь в этом месте я прочно!»
Аи глядь, как нарочно,
Валит из колобок персона
Деланного фасона:
«Здравствуй, — говорит, — колобок!
Здравствуй, голубок!
Да какой же ты хорошенькой!
Да какой же ты пригоженькой!
Пригожей тебя и на свете нет!»
Колобок на то персоне в ответ:
«Я по селам скребеи,
По городам метеи,
На циркулярах мешви
Да на разъяснениях пряжен,
А в Питере стужен.
Я от Столыпина ушел,
Я от Коковцева ушел,
Я от Горемыкина ушел
Без особого членовредительства,
А от вашего высокопревосходительства
Уйду цел и подавно!»
«И до чего ж поешь ты,

колобок, славно! —

Сказало его высокопревосходительство. —
Возьму я тебя под свое покровительство!
Лежи только тихо да чинно,
Не кипятись беспричинно,
Не путвайся зря под ногами.
С чего нам тогда быть врагами?»
Пришел колобок в восхищенье:
«Вот это, — говорит, — обращение!
Такую речь приятно и слушать:
Не то чтоб сразу — схватить и скушать.
Вот это — другой режим.
Мы... полежим!
Рады стараться.

ваше высокопревосходительство!..
Как вы есть настоящее правительство!..»
И лежал колобок в саду Тиврическом,
Весь блестя при свете электрическом:
Чистенький, боленький —
под снежной порошей, —
Только дух от него был
не больно хороший!

XII

Старый год, такой-сякой,
Отбыл в вечность на покой,
И ему, седому хрену,
Новый год пришел на смену.
— Год шестнадцатый идет,
Мир с собой уже ведет! —
Но весна прошла и лето —
Мира нет, заспався где-то,
То ли чихнет взаперти.
Тут мозгами поверти!
На Руси пошла работа:
Гнали всех в четыре пота,
Все станки пустили в ход.
Надрывается народ,
Точит пушки да снаряды.
Богачи берут подряды
И довольны тем вполне,
Что конца все нет войне!

XIII

Хорошо стоять в резерве
Не на пакостном консерве,
А на каше да на щах
И иных таких вещах, —
Смывши с воршью всю чесотку,
Заглядеться на красоту,
А при случае... тово...
Ну, да мало ли чего!

Не для всякого, конечно.
Вот наш Ваня: хмурен вечно,
Ничему, видать, не рад,
Отвечает невпопад,
Из него не выжать слова,
Больше держится Козлова,
Все шушукается с ним.
Да мудрен, сказать, и Клим.
Переписку с кем-то водит,
Как-то все к нему доходит,
Через руки, что ль, бог весть,
Все следы сумел замести.
Сам замазал рот замазкой,
Скажет слово, так с опаской:
«На чужой, — ворчит, — роток
Не накинешь-де платок:
Разболтает всякой чуши,
У начальства ж тоже уши.
Так ли можно угодить!
За примером не ходить».
А примеров было много,
Слежка впрямь велася строго,
Хоть не редкий следопыт
Оставался без копыт.
От солдат такие гады
Не могли уж ждать пощады!
Кто просыпался — пропал:
На тот свет в один запал!

XIV

Бабка старая ворчлива.
Осень поздняя дождливая.
От утра и до утра
Хлещет, словно из ведра.
Черт ли рад такой погоде,
Да особенно в походе!
Ванни извод ночной порой
Занимал окоп сырой.
Враг палил без промежутка.
Ночь прошла довольно жутко, —

Лишь от сердца отлегло,
Как немного рассвело.
«Ой, ребята, чья работа?»
«Где?» — «Листы подкинул кто-то!»
Поразинули все рты:
«Впрямь, подметные листы!»
«Ловко как!» — «Чего уж чище!»
«Прячь скорей за голенище!»
«Слышь, оро что там?» —
«Про царей».
«Хоть бы смена поскорей!»

XV

Вечер выдался хороший.
Поле выстлало порошей,
И под оерым холодком
Затянуло грязь ледком.
Друг за дружкой, с оглядкой,
Целый взвод, никак, украдкой
Пробрался в пустой сарай.
«Фреда, черт, не напирай!»
«Экий, братцы, нам подарок!»
«У кого-то был огарок!»
На вот, целая свеча!»
«Ну, Козлов, руби сплеча!»
Клим, склонившись над листовкой,
Тихо, внятно, с расстановкой
Стал читать о том, каков
Смысл войны для мужиков,
Льющих кровь свою в угоду
Тем, кто злейший враг народу;
Что «командующий класс» —
Все помещики у нас
И что царь наш православный
Есть помещик самый главный,
Потому не мудрено,
Что он с ними заодно:
За порубку аль потрапу
Шлет войска чинить расораву;
Кто там что ни говори,
Все помещики — цари,

Кто — помешан, кто — побеле,
Сельский люд в их полной воле.
Размешав муку водой,
Приправляет лебедой,
Терпит голод, холод, муки,
Для господ мозолит руки,
Век работает на них,
На грабителей своих,
Жизнь их хлеб и возит клади;
Барышей их подлых радн —
В стуже, в сырости, в огне —
Погибает на войне!..

XVI

Полковому командиру —
Вызов срочный в штаб-квартиру.

В это утро полковой
Был с похмельной головой.
«Эх, ты, — муслил он бумагу, —
Не вылететь бы в передрагу!»
И влетел. Чуть сунул нос,
Как нарвался на разнос
И обруган был площадно.
«Покараю всех нещадно,
Как доселе не карал! —
Выл сворепо генерал. —
Полюбуйтесь: мертвый ахнет!
Чем такая штука пахнет?
Что сулит она для нас?»
«Про... кла... марня!» — «Она-с!
И заплачем и заплашем!»
«В чем полку?» —

«Представьте... в нашем!»
«Винovat!.. Какой позор!»
«За солдатом плох надзор!
В первый раз нам и в последний,
Чтоб солдат от гнусных бредней
Вы изволили беречь!
А чтоб их предостеречь,
То бишь зао чтоб вырвать с корнем,
Грамотеев пару задернем!»

XVII

«Ну, пришел и мой черед,
Знал я это наперед! —
Говорил Козлов Ивану. —
Петли ждать я тож не стану:
Волка ноги берегут.
Псы уж по следу бегут.
Следопыты всюду рыщут.
Пусть их ветра в поле нищут.
А поймают —

не печаль.

Вас, ребятушки, мне жаль.
Способ есть один, милости,
Выйти вам из передраги.
Через три-четыре дня
Всё валите на меня:
Дескать, я листки, паскуда,
Раздобыл невесть откуда;
Что читал, вам неведомек,
А теперь, мол, взял — утек!»

XVIII

Скоро все прочли я приказе
О проникшей в полк заразе, —
Что добыл подметный лист
Клим Козлов, социалист,
Что под суд он отдается
И что следствие ведется
Обо всех его шагах,
Но преступник сам — в бегах.
Где он — точно неизвестно,
Будет розыск повсеместно.
И дано на сей предмет
«Описание примет».
Расписали всё чин чинном:
Нос — прямой,
Борода — клином.
Росту — среднего, брюнет,
А примет особых нет.

XIX

Грустно Ване без Козлова.
Повидать бы Клина снова
Так хотелось ему!
Поспросить бы: что к чему?
Есть такое средство, нет ли,
Чтоб спасти от мертвой петли
Всю родимую страну?
Как избыть скорей войну?
Где засели злые воры,
Что чинят нам всё заторы?
И нельзя ль, как сор метлой,
Всех повместить долой, —
Всех, кто кровью нашей гладок,
Кто лихой ведет порядок, —
Нечисть подаую смести
Да порядок свой ввести,
Трудовой, простонародный,
Чтоб вздохнул народ свободный
И — без плаки идь собой —
Правил сам своей судьбой.

XX

Не знал Ванюша страху:
Хоть под пытку, хоть на плаху,
К черту в лапы — все равно!
Ване дорого одно,
Одному лишь сердце радо:
Знать, за что схватиться надо,
Где все силы приложить,
Чтоб народу послужить,
Потрудиться с добрым жаром, —
Коль погибнуть, так недаром!
Но не раз от злой тоски
Он сжимал себе виски:
«Без науки что я стою
С деревенской тьмотою?
Эх, дорваться бы до книг!
Все бы я тогда постиг:

Что откуда происходит,
Кто и что всем верховодит,
Почему для бедноты
Все дороги закрыты?
Почему — один царюет,
А миллион кругом горюет,
И не время ль голытьбе
Уж подумать о себе?»

XXI

Сразу ахнуло, рвануло,
Весь окоп перевернуло.
Все бойцы погребены.
Страшный вид... со стороны.
Смерть бойцам сказала: «Вольно!»
Им не страшно и не больно,
Тьма — не тьма и свет — не свет,
Кто убит, того уж нет, —
Нет и равно не бывало.
Человек так стоит мало!
Три убито, новых пять
Место их спешат занять.
Через день, купив газетку,
Будут все читать заметку:
Где и сколько взято в плен,
Что «у нас без перемен».

XXII

«Фрол, скорей за санитаром!»
«Всех убило... Звать задаром...»
«Фрол, послушай, приложись...
Ваня жив еще, кажись».
«Дышит! дышит, право слово!»
Под обстрелом, чуть живого,
Фрол Ванюшу вынес в тыл,
Там повозку раздобыл,
Подложил в нее соломки
И, хоть ночь была — потемки,
В путь отправился. Чуть свет
Прибыл с Ваней в лазарет.

«Дело очень серьезно! —
 Пред сестрой дежурной слезно
 Фрол взмолился: — Паренек
 Как бы кровью не истек,
 Перевязку, ради бога...»
 «Ты, — сестра сказала строго, —
 Тут, милейший, не кричи.
 Рано. Спят еще врачи».
 «Что ж, я парня так покину? —
 Фрол, забывши дисциплину,
 Матом взвыл: — Вы тут для ча?
 Подавайте мне врача!
 Мы в бою не разбираем:
 Днем ли, ночью ль умираем!
 Помираем... за кого?!»
 Фрол добился своего:
 Ваня был врачу показан,
 Весь обмыт и перевязан.
 И хоть Фрола врач потом
 Обозвал в сердцах скотом,
 Фрол не тем был растроган:
 «Ваня как? Не безнадежен?»
 «Нет, — утешила сестра, —
 Можно жить и без ребра».

XXIII

Здесь в тылу — но не в глубоком,
 И у фронта все ж под боком,
 Разместился лазарет.
 Что за жизнь в нем — не секрет.
 Где-то там людей увечат,
 Здесь их свозят, но не лечат,
 А, подправив как-нибудь,
 Отправляют в дальний путь —
 На вокзал или в могилу,
 Что солдатику под силу:
 Жив — положат на гробу,
 Помер — вынесут в гробу.
 Будет в книгах лишний номер
 Да отметка: «выбыл», «помер»...

Вот и все! — к чему худа? —
Тут у всех свои дела:
Доктора торгуют спиртом,
Сестры спят и бредят флиртом,
Господа офицера
(Флирт — коварная игра!)
Лечат раны злого свойства:
Плод амурного геройства.
Что поделаешь! Амур —
Все же милый бедокур:
В царстве злобы, скорби, плача
У него своя задача.
Смерть чинит нам сколько бед!
Но Амур за нею вслед.
Обрядясь в свои доспехи,
Быстро штопает прорехи!

XXIV

Чрез неделю поутру
Ваня стал молить сестру:
«Увезить нас будут скоро...
Я слышал из разговора...
Доктор тут сказал вчера...
Будь, сестрица, так добра...
Путевых там сколько антер?..
Мне б хотелось очень... в Питер».
«Питер», «Питер»! — ночью, днем
Бредил Ваня лишь о нем.
Меньше думал он о ране.
Объявили скоро Ване:
Будет так, как он просил.
Питер Ваню воскресил.

XXV

Питер — город, вправду, чуден,
И богат и многолюден.
От заставы до дворца
Красоты в нем без конца.

Хоть, положим, в каждой части
Красота различной масти:
Тут — дворец, а там — завод,
Тут — цари, а там — народ.
Красоту толкуют всяко.
Мне милей всего, однако,
«Трудовая сторона»,
Чтится «Выборгской» она:
«Большевистская столица»!

У Невы тут есть больница.
Вместе с Ваней сам я в ней
Пролежал немало дней.
Я был начисто уволен,
Ваня ж был ниним доволен:
В Петербурге вписан он
Был в запасный батальон, —
У волищея нес работу:
Ладил маршевую роту,
Без ругни и толкачей
Обучал бородачей.

XXVI

Православная царица
На народ на свой явится
И, начхав ему в лицо,
Пишет немцам письмецо:
«На Руси я все устрою
По берлинскому крою,
Англичанин да француз
Русский выкусят арбуз.
Англичанс сильно гадит:
Конституцию нам ладят,
А французы — бунтари,
Леший всех их поберн.
Ни английских конституций,
Ни французских революций
Нам не хочется с царем:
Самодержцами умрем.
Чтоб сберечь свое наследство,
Мы одно лишь видим средство:

Под Вильгельмовой рукой
Обрести себе покой,
Помириться с ним, а надежде,
Что поможет нам, как прежде,
Подтянуть российских шельм
Унзер гроссе фрёйнд Вильгельм».
Подписалась: Алиса.
Приоткрылась ли кулиса,
То ли трещину дала, —
Тайна царская всплыла.
Разговор пошел повсюду:
Что цари готовят люду,
На какой идут прием,
Чтобы слопать нас живьем!

XXVII

«Поздравляю! Вы слышали?»
«Что?» — «Она сама жива ли!»
«Кто?» — «Да, вправду, вы... того...
Не слышали ничего?
Уж трезвонит вся столица:
Овдовела ведь царица!
Гришка-то, пассаж какой:
Со святыми упокой!»
«Почему ж молчат газеты?»
«А наморднички-с надеты!»

По столице слухи шли.
А през день уже могли
Все прочесть в любой газете
«О скандале в высшем свете»:
Как с Распутиным друзья,
Высочайшие князья,
Учинили злую шутку:
Заманив к себе Гришутку,
С ним пропьянствовали ночь,
А затем «убрали прочь», —
Заведя с ним спор и драку,
«Пристрелили, как собаку».

XXVIII

У князей на мужика
Поднялась легко рука.
Гришка — плут и проходимец,
Знатной сволочи любимец,
Но ему, признаться, я —
Снисходительный судья.
Все же сделал он работу:
Снял с царей всю позолоту,
Растоптал их образа,
Заплевал им все глаза!
И князья, чиня расправу,
За свою стояли славу,
Отгоняли злую тень.
Поздно! — Близок был уж день.
День, когда народ проснется,
Ужаснется, вострепнется
И, налегши силой всей,
Расчехлостит всех князей!

Часть третья .

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

I

«Ах вы, Сашки, канашки мон,
Разменяйте вы бумажки мон!
А бумажки всё новенькие,
Двадцатипятирублевенькие».

Отчего — и не понять! —
Трудно денюжки менять?
Всё бумажки да бумажки,
Ни одной нигде медяшки,
А серебряных монет
Уж давно в помине нет.
Золотые тож исчезли, —
В чей-то, знать, карман полезли.
Люд простой не знает — в чей,
Знает царский казначей.

II

Царь снаряды льет да пушки,
Обирает деревушки,
Тащит все из черных хат,
Да не трогает палат.
Богачи — опора трона,
Ими держится корона,
И готовятся кнуты
Для голодной бедноты.
Богачам одна забота:
Выгнать с бедных больше пота,
И война им не страшна —
Пухла б только их мошна.

III

Царь печатает плакаты,
Что дела, мол, плоховаты,
Обищала-де казна,
Сила ж вражья все грозна.
Так без помощи народа
С ней не справиться в три года,
И повинен-де народ
Дать денегжток на расход.
Пусть поможет, кто чем может.
Люд несчастный кости гложет,
Но, поддавшись на обман,
Лезет горестно в карман.

IV

Помогли царю поборы,
У царя снарядов горы,
А в строю, само собой,
Тыя народу... на убой.
«Ну, теперь нас, немцы, троньте!»
Укрепились мы на фронте, —
(Словно турок на колу!)
Глядь: расхлябались а тылу.

У

В деревне

У Прокофьевны в избушке
 Дух — пробить не влору пушке,
 А народ все прет да прет,
 Любопытство всех берет, —
 Слух прошел, вишь, в околотке:
 Зять приехал в гости к тетке.
 Васька — парень с головой,
 Он в трактире — половой.
 А трактирчик-то столичный,
 Ходит люд туда различный;
 Тот словечко, этот пять,
 Всех послушать — все узнать,
 Станешь уминым без науки.
 Ваське, стало, карты в руки.
 Окружил его народ,
 Смотрит Ваське жадно в рот.
 «Что, брат, дается на свете?»
 «Кто грешит и кто в ответе?»
 «Скоро ль кончится война?»
 «Все выкладывай сполна!»
 Обтерев о скатерть ложку,
 Закрутивши козыю ножку
 И спросивши прикурить,
 Стал Васюха говорить:
 «Есть чем, братцы, похвалиться,
 Есть чем с вами поделиться.
 Как припомню, словно сон,
 Был на днях я средь персон,
 Милость чья нам столь потребна:
 После царского молебна
 Сам святой митрополит
 Речь сказал, как бог велит, —
 Про врагов и супостатов,
 Про зловердных демократов,
 То бишь всяких бунтарей
 Против бога и царей.
 Несть бо власти, аще... аще...
 За царя молитесь чаще!

После, выйдя на амвон
И отвесив всем поклон,
Стал держать министр судейский
Речь про замысел злодейский:
Вновь-де стал крамольный сброд
Трудовой смущать народ,
Соблазнять мною долей,
Подстрекать земель и волей...»
«Ты скажи нам... о себе! —
Поднялся тут шум в зале. —
От земли ты, что ж, отрекся?!»
Тут Васюха сразу спекся,
Поперкнулся и умолк,
Озираючись, как волк.
Видит: сват глядит не сватом,
Теща прет к нему с ухватом:
«Ну-тка, скажь нам, мил зятек,
Что про землю ты ответил?!»
Васька живо дело сметил:
В дверя шмыг — и наутек!
Через рытвины, ухабы
Улепетывал от бабы
Наш Васюха во весь дух,
Приговаривая вслух:
«Ой, вы, ноги, мои ноги,
Не споткнитесь средь дороги.
Замети, метель, следы,
Чтоб уйти мне от беды!»

Вася в питерской харчевне
Всем трезвоил о деревне:
«Ок, уж эти мужики!
Ок, и что за чудак!
В гости звали, принимали,
Прижимали-обнимали,
Все бока мне обломали,
Угощали так, что вот
По сей день болит живот.
Как поедете, ребятаки,
Вы к родне своей на святки,
Дай вам бог, чтоб вас родня
Так встречала... как меня!»

Разоренные

Воробушек воробушку:
«Чирик, чирик, чирик!»
Один был первогодочек,
Другой уже старик.
Сел старый, пригорюнившись,
Все перышки сложив,
А малый расфуфырился:
«Жив-жив, жив-жив, жив-жив!»
«Жив? Много ль жить осталось?» —
Промолвил старина.
«Да как же! Баят, дедушка,
Вот кончится война!»
«Ох, кончится — не кончится,
А все разорено...
От холоду да голоду
Подохнеч все равно».

VI

На столичном рынке

Бог знает что творится
Средь рыночной толпы:
«Сижу без дров, сестрица!»
«Ни фунтика крупы!»
«Заплачешь, хоть не плакса!»
«Грабидонка!» — «Обман!»
«Какая ж это такса?»
«Поход на наш карман!»
«Но кто ж того не знает,
Что таксу издает
Не тот, кто покупает,
А тот, кто продает!»
«Бери-ка чыном выше».
«Гнетут со всех сторон!»
«Порядки!» — «Тише, тише!»
«Чего-й так?» — «Фараон!»¹

---

¹ Насмешливое название полицейских.

«Эй, р-рас-хо-дись, оравы!»
«Родимые! Берут!»
«Брысь! Не имеешь права!»
«В участке разберут!»

Кочующие дармоеды

Басня

Бывают случаи — не ахать нарочно.

На станции глухой,
А именно какой, не помню точно,
Две мухи встретились с блохой.
Ну, разговор пошел, понятно.
Знакомство новое в пути всегда приятно.
«Положим, — скажут, — не всегда!»
Выяснет разное. Спорить неча.
Но в этом случае была, однако, встреча
Как астреча.

Шел разговор простой:

откуда кто? куда?
Как и про что идут на свете слухи?
Как, мол, здоровье и дела?
Блоха, аншь ты,

в Москву скакала из села.
Обратно, из Москвы в село,

детей мухи.
«Ох, мушки, — плакалась блоха, —
Еще ли ваша жизнь

в Москве была плоха?
Пивали сладко мы и сытно там едали.
Что ж мы в деревне не видали?
Ведь я, поди, сама бегу не от добра.
Дни нынче сытые в деревне стали редки.
Такая выдвлась пора —
Чуть не подохла напоследки.
Авось поправляюсь я в Москве!»
«Подправнишься, — вздохнули мухи, —
Держи карман. Да мы-то две,
Мы от чего бежим, скажи!.. От голодухи!»

Что город, что село —
 Повсюду стало тяжело.
 Не жаль мне мух и блох,
 клопов и таракашек,
 Беду их за беду большую я б не счел,
 Но жалко мне рабочих пчел
 И трудовых мурашек;
 Их жребий особенно крут,
 Когда у них последнее берут!

vii

Голод! — голод! — голод! — голод! —
 Был по трону тяжкий молот.
 Трон шатался и трещал.
 Шла война. Народ нищел.
 Богатей наживались,
 Кровью нашей упивались;
 Умножая свой доход,
 Бедный грабили народ;
 На пирах и на обедах
 Сладко пели о победах, —
 Чьих? Над кем? Секрет простой —
 Богачей над беднотой!

Богачи! — чужие, наши —
У одной разделись каши.
Та ли, эта ль сторона —
Голытьба везде одна.
Но, разбив ее на части,
Богачи сидят у власти,
С голытьбой на борьбу
Посылают... голытьбу!

VII

Из зачумленных кварталов,
Из гнилых, сырых подвалов
Люд измученный, больной
Хлынул яростной волной
На широкие панели.
Затрещали-звонели

Телефоны у властей:
«Вызвать войско всех частей!»
Фараонам — ведра водки,
Сыр, колбасы и селедки,
Сахар, масло, калачи...
Угощайтесь, палачи!
Вам дадут уже работу:
На чердак по пулемету.
В люд голодный — знай пали!
Старых, малых — всех вали!
Половину выбить, чтобы
Остальных загнать в трущобы.
Псы, старайтесь, вам на хвост
Даст по сотенной сатрап —
Генерал дикой, Хабалов!

Из гнилых, сырых подвалов
Люд измученный, больной
Хлынул яростной волной
На широкие панели:
«Мы — не ели!»

IX

У царницы сердце мрет,
В страхе злом она орет,
Протопопова торопит,
Пусть он бунт в крови потопит, —
Чтобы часу не терял
Да скорей усмирят.
Новый «друг» по залам бродит,
Бродит, места не находит,
Проклинает свой удел:
«Лучше б дома я сидел!»

X

Протопоповым-министром
Для царя в порядке быстром
В ставку послан был доклад,
Что в столице суший ад;

Если царь прибудет лично,
Может, все пойдет отлично.

Царь министру повелел,
Чтоб патронов не жалел,
Если ж очень нужно будет,
Царь в столицу сам прибудет —
Милость царскую явить,
Бунт голодный подавить.

По цареву по указу
Усмирять пустились сразу.
Не помог царев указ.
Сорвалось на этот раз!

XI

Ваня вышел с полукзводом
Воевать с родным народом.
Перед тем как выходить,
Велел ружья разрядить.
«Братцы милые, по людям
Все равно стрелять не будем!»

Вышел весь Волынский полк,
С усмиреньем тот же толк.
Роты улицами ходят,
Да порядку не наводят,
Повстречаючи москвичей,
Столковались без речей.
«Мы, ребята, не замасм...»
Был ответ им: «Поинимаем!»

XII

Во дворцах переполох:
В войске дух заметно плох,
Усмирять народ — охоты
Нету вовсе у пехоты.
Войско мрачное стоит,
На душе свое таит.

Недовольный ратью пешей,
Царь приказ дает депешей:
«Пехотницы — подлецы,
Пусть работают донцы!»

«А казак — собака, что ли?
Подлый враг народной доли
И царю слуга слепой?!»
Мирно встретившись с толпой,
Повернул казак лошадку,
Не навел казак порядку.
Едет — никак шевелит.
Драться — совесть не велит!

Разобрали фараоны
Пулеметные патроны.
Фараонам был приказ:
«Вся надежда лишь на вас!»
Постарались живоглоты:
Затрещали пулеметы.
Царь наш добрым был отцом:
Накормил народ... свинцом!

XIII

Царь читает донесенье:
«Усмирили в воскресенье».
«Усмирили? Очень рад!
Живо поезд в Петроград!»
Ехал поезд, да не шибко.
Приключилась ошибка.
Царь в тревоге. Ночь: Темно.
«Питер?» — «Нет». — «А что же?» —
«Дно».

«Ехать дальше!» — «Нет нам хода.
Петроград в руках народа!»
«Двинуть фронт на эту тварь!»
«Фронт с народом, государы!»

XIV

Человек живет не вечно,
И помрем мы все, конечно.
Плут последний и герой —
Будем все в земле сырой.
Уничтожит трупы тленье,
Имена сотрет забвенье.
Марья, Дарья, Кани, Пахом —
Заращем все лопухом!

Но не все забыто будет:
К новым подвигам возбудит,
У души простой не риз
Слезы вызовет из глаз,
Не одну разбудит совесть
О делах о наших повесть
И о днях... Но наши дни —
Не прошли еще они.
За желанную свободу,
Может быть, еще народу
Суждено лихой судьбой
Самый страшный вынести бой.
Враг, лежавший на лопатке,
Не добытый в первой схватке,
Кровожаден и свиреп,
Вновь воспрянул и окреп!
Нет царя в царской дворни,
Но остались злые корни,
Кем держался старый строй:
Богачей шмелиный рой!

XV

На деревню (всё — к порядку!)
Надо сделать нам оглядку.

Шустрый лавочник Назар
Ездил в город на базар.
Как вернулся — все к Назару!
Не раскрыл Назар товару,

А кругом ни стать ни сесть.
«Был на почте?»

«Письма есть?»

«Есть. Постой, куда ты прешься!
Сразу тут не разберешься!
Сто печатей на письме!
Вот: Прохвастову Кузьме...
Тетке Дарье... Деду Климу...
Стой ты!.. Мельнику Касиму...
Селифантьевна, бери:
Для тебя тут сразу три.
Вот тебе, кума Маланья,
Исполнения желанья!
Ты все плакалась, кума,
Что не пишет твой Фома!»

XVI

Ни одна еще раздача
Не окончилась без плача,
Каждый раз одно и то же:
Что ни весть, то в сердце нож,
Ну, а тут, как по заказу:
Всем Назар подсыпал сразу.
Поднялся в лавчонке вой:
Фекла сделалась вдовой,
Влас читает ей уныло,
Где и как там дело было,
Ни жива и ни мертва,
Горемычная вдова
Слову каждому внимает,
Ничего не понимает.
Поняла. И, не дыша,
Оброннаши малыша,
С тяжким стоном повалилась.
Рядом Дарьюшка забилась, —
У нее беда своя:
Сын единственный, Илья,
Не вернулся из разведки.
Клим согнулся весь. У дедки
Отвечался, пишут, ввух:

Есть «георгий», нету — руки!
Деда еле держат ноги.
«Вот... дождался мы... подмоги!...»
Фрол в письме корит жену:
«Очень тяжело мне в плену.
Ты ж, как стало мне известно,
Повела себя нечестно».
Бьет молодушку озноб:
«Фрол придет — загонит в гроб!»

XVII

«Гады! Псы, едят их мухи!»
«Кто?»

«Известно! Ходят слухи:
Предстоит опять набор!»
«До каких же это пор?»
«Что ж, Ерема? Снарядься.
Тетка Дарья, не пужайся,
Ты ведь то уразумей, —
Встретит сына Еремей.
Паренек пропал без вестн,
Вдруг — нашелся. Будут вместе.
Рядом, значит — сын с отцом!»
С затуманенным лицом,
Всех окинув смутным взором,
Еремей Босой с укором
Власу молвил: «Не шутя,
Скоро, что ль, на сбор идти?»
«Неизвестно, братец, точно.
Слышно, списки пишут срочно:
Всех — не знаю, врут аль нет —
До пятидесяти лет».

XVIII

Вновь катит Назар с базару,
Но — без писем и товару.
Что, про что, подлец, орет,
Леший сам не разберет:

«Пресвятая мать-царица!
Что в уезде-то творится!
Ходит тучами народ.
Как попал в водоворот,
Еле вылез я оттуда!»
«Что ты мечешься, паскуда!
Сядь. Без толку не ори.
В чем там дело, говори, —
Бунт большой в уезде, что ли?»
«Бунт! Кричат: земли и воли!
Смерть царям! Долой войну!
Флаги красные!» — «Да ну?!
Что ж полница?» — «Подя ты!
Фараоны перебиты».
«Вот так штука. Врешь ты, брат.
Ну, а как... насчет солдат?
По народу не стреляют?»
«Где там! С флагами гуляют,
В трубы жарят, а бубны бьют,
Песни вольные поют!»
«Слушай, нет ли манифеста?»
«Не сойти мне, братцы, с места.
Бают — правду или зря, —
Будто коннули царя,
Всех министров заковали, —
Поначалу бунтовали
На заводах — не впервой.
За народ мастеровой,
И заводский и фабричный,
Гарнизон весь стал столичный;
Фронт туда же потянул,
Новой аласти присягнул!»

XIX

У Назаровой у лаваки
Не продрать руки средь давки.
Разговоры, споры, шум,
«Стой! — кричит кузнец Наум. —
Надоть нам без проводочки,
Чтоб разседать асе до точки,

Чепухи ж не городить.
Верхового снарядить.
Пусть немедля в город лунит
Да газет для нас накупит.
Будет всем тогда видней:
Дождались каких мы дней?
Впрямь пришел конец несчастью?
И... под чьей теперь мы властью?»

XX

Спать ложились вечером.
Утром, глядь, — всё кувырком!

Дума ахнуть не успела, —
Революция приспела.
Царской Думы нет следа:
Разбежались кто куда
«Представители народа».
Барам новая погода —
Не погода, — костолом.
Баре плачут о былом:
«Незабвенная утрата!
Доживем ли... до возврата?!»

XXI

В бывшей Думе — толчея.
Сразу видно — сила чья.
Люд рабочий да солдаты.
Тут от них ведь депутаты.
Целый, стало быть, Совет.
Есть Совет, да толку нет.
Тянут в нем — подумать здорово! —
Кто налево, кто направо,
Кто вперед, а кто назад, —
Норовят на всякий лад
Смастерить основу власти.
Меньшевик казенной масти
Да хозяйственный эсер —
Ладит всяк на свой манер.

Но в одном их хор согласен:
Большевик для них опасен!
Сладу нет с большевиком,
Стал им в горле, словно ком,
Хоть бы час провел в покое.
«Тут ведь времечко какое:
Богачей прижали в лоск, —
Богачи — как мягкий доск;
По-хорошему, без спору,
Столковаться б с ними в спору,
Вожжи в руки им отдать
Да порядков новых ждать.
Богачи — народ толковый:
Нам они порядок новый,
Буржуазный — вот какой —
Утвердят живой рукой.
Нам много ждать раненько.
Сразу прыгнуть в рай трудненько.
На крутой переворот
Не созрел еще народ.
Мужики — темны да серы
И ни в чем не знают меры, —
Без укажи, без узды
Натворят еще беды!
Припусти их к полной доле,
Так не сладись с ними боле:
Всё разделят-разберут,
Богачей с земли сотрут.
И пойдет такая свалка...»
«Нет, нужна народу налка!»
Так эсер с меньшевиком
Промышляли мужиком.
А мужик не знал — не ведал,
Что его уж кто-то предал!

XXII

Получна неожиданно власть,
Богачи довольны — страсть!
Богачи странною правят,
Богачи опять нас давят,

Нашу кровь, как прежде, пьют,
Кандалы для нас куют,
Тюрьмы новые готовят
Да свободу славословят.
Их свободу. Больше — чью?!

Нет свободы мужичью!
Ни свободы, ни земляцы,
Ведь земля — не рукавцы:
Взял да сразу и надел.
«Надо сделать так раздел,
Никому чтоб не обидно! —
Богачи дудят солидно. —
Уж с земелькой... подождем!
Все законно проведем
С нашим, дескать,
асем стараньем —
Учредительным собраньем.
А пока, мол, ни-ни-ни!
Лямку старую таяни!»

Песня о земле

Ой вы, головы, головушки кручинные,
Не пускайтесь на дела на самочинные,
Самочинные дела да беззаконные:
Отбирать свои полосыньки исконные.
На помещичье добро уж не зарыться,
А в соку своем, в поту,
как прежде, парьтесь,
Да, как стадо, уж как стадо безголовое,
Все надейтесь на правительство на новое:
Оно скрутит, оно свяжет вашу силушку,
Оно землю, даст вам землю...
на могилушку.

Бабушка Ненила

(В хвосте за хлебом)

Крепко бабушка Ненила
Революцию бранила.

— Батюшки!
«Вот свобода так свобода,
Нету хлеба у народа!»

— Матушки!
«Что ты, бабушка? В уме ли?
Ведь царь весь хлеб объел».

— Батюшки!
Как по шучьему приказу,
Не родится хлебец сразу.

— Матушки!
Вот с землей добьемся ладу, —
Поработаем в усладу.

— Батюшки!
Новый хлеб заколосится —
Шелк наденешь вместо ситца.

— Матушки!
Весь ты век жила убого, —
Потерпи ж еще немного.

— Батюшки!
За свободную-то долю
Полируем, бабка, вволю».

— Матушки!

XXIII

«Скоро ль жизнь пойдет спокойней?
Не пора ль кончать нам с бойней,
С трижды проклятой войной?!» —
Стон стоит над всей страной.
Богачи дрожат, как воры:
«Но у нас же договоры!
Англичанин да француз —
С ними ведь у нас союз:
Подводить их нам негоже,
Честь для нас всего дороже.
Уж мы с миром... подождем.
Речь о мире поведем
Мы на первом заседании...
В Учредительном собрание.
А пока, мол... послужи.
Дезь, ребятки, на ножи!»

Его Величество Капитал

Изобретательны на доводы
Лихие «рыцари ножа»,
Нужны «законные» им поводы
Для оправдания грабежа!
Не важно поводов количество,
Один бы «право грабить» дал.
«Да здравствует его Величество
Венчанный кровью Капитал!»

XXIV

Новый строй рождался в муках.
Богачи на разных штуках
Норовили нас поддеть,
Чтоб, как прежде, всем владеть.
«Все залечим вам болячки.
Не порите лишь горячки.
Разрешит любой нам спор
Учредительный Собор.
Так без лишнего напора
Потерпите... до Собора!»
А когда Собора ждать? —
Надо надвое гадать!

По бабушку

Басня

Дед Мокша со снохой трудился
на покосе.
Сноха ж была давно на сносе.
Вот ополдни молодка — ох да ой!
Забился, как муха в тесте.
То видя, Мокша-дед задержался на месте:
«Постой, кричит, постой!
Для ча такая спешка?
«Елешка, а Елешка!
Слышь, погоди родить:
Дай мне по бабушку сходить!»

XXV

Богачи «со всем стараньем»
 Учредительным собраньем
 Козыряли, как могли.
 Ведь оно еще вдали!
 А пока там суд да дело —
 Знай, орудовали смело
 И, втирая всем очки,
 Не играли в дурачки,
 А вели игру иную:
 Посадили одесную
 Демократов пять аль шесть
 (Тоже ведь «ручные» есть!),
 Не брала чтоб нас обида,
 С ними стрипали для вида
 Деловую колею, —
 Гиули ж линию свою!
 Ставить начали заторы,
 Заводить везде раздоры
 Да натравливать народ:
 Деревушку — на завод,
 На рабочего — солдата,
 Чтоб пошел, все брат на брата
 И, устроив Вавилон,
 К богачам пришли в полон!

Р а б о т н и е — с о л д а т а м

Солдаты!

Вы — наша кровь и наша плоть.
 И тот, кто хочет нас преступно расколоть,
 Кто сеет злую рознь
 среди трудового люда,
 Тот истинный Иуда!

Солдаты!

На смену хищникам,
 державшимся за трон,
 Новые хищники спешат со всех сторон,

Мешая закрепит, восставшему народу
Отбитую свободу.

Солдаты!

Пройдет война и с ней солдатская страда,
И снова станете вы все детьми труда,
И всех спаяет нас — от фабрики до поля —
Одна судьба и воля.

Солдаты!

Не отделяйте же от нас своей судьбы,
Не покидайте нас

в тяжелый час борьбы.

Да не падут на нас народные проклятья,
Солдаты наши братья!

XXVI

Пролетарская газета
«Правда» — вестница рассвета;
Чистый блеск ее лучей
Нестерпим для богачей.
Богачам она отравя, —
Беспошадная расправа
Богачами с давних дней
Учинялася над ней.
И едва лишь пир кровавый
Чуть стал орел двуглавый,
«Правда» первая была
Жертвой хищного орла.
Но когда пришло нам время
Вековое сбросить бремя
Гадов, пьющих нашу кровь,
Возродилась «Правда» вновь,
Взвывши пламенем из пепла,
Возродилась и окрепла.

Под знамя «Правды»

Семья рабочая — одна.
В ее руках — ее судьба.
Нет и не будет господина,
Где нет покорного раба!

Напрасны будут вражьи козни:
Не одолеют вас враги.
Одним путем, не зная розни,
Направьте верные шаги.

Чтоб враг лукавыми словами
Не обманул вас ни на час,
Вы знать должны, что —
кто не с вами,
Тот — против вас! Тот —
против вас!

Возврата нет к былым оковам.
Ваш путь один — идти вперед!
Своих вождей узнать легко вам
По вою злобному «господ»!

Чтоб отстоять свой труд и волю
От покушений злой орды,
Вокруг бойцов за вашу долю
Сомкните стройные ряды!

Украсьте, братья, знамя ваше.
Примером став для всех времен.
Пусть это знамя будет краше
Всех затемненных им знамен!

Одно в сердцах рабочих пламя!
Одни порыв в одной груди!
Пусть ваша «Правда», наше знамя,
Свободно реет впереди!!

XXVII

Кривда «Правду» не замечает, —
«Правда» кривду всюду видит,
В час тревожный бьет в набат, —
«Правда» скажет, кто горбат.

Мироедам «Правда» — плаха.
Им мерещится со страха:

Ленин пишет не пером,
А и вправду топором:
Отрубил примерно строчку —
Снял с миллионщика сорочку!

«Б у к а»

(Буржуазно-колыбельная песенка)

Спи, дитя мое, усни,
Мне с тобою мука.]
К «Правде» ручек не тяни:
«Правда» — это бука!

Спи под песенки мои,
Спи, моя услада:
В «Правде» Ленина статьи
Хуже злого яда.

Что ни слово — то беда,
Что ни строчка — пытка:
Не видать нам никогда
Прежнего прибытка!

Дни льготные пришли
Всей рабочей шпанке.
Будем, детка, без земли
И без денег в банке!

«Караул! Грабеж! Разбой!» —
Поднялся буржуйный вой.
Зашипели злые гады,
Растерзать бы «Правду» рады.
Но за ней — большевики:
Всё народные полки.
«Правду» тронь неосторожно —
Напороться так можно.
Надо бить наверняка.]
Надо с ней борьбу пока
По иному ладить плану:
Напустить сперва туману,

Взбаламутить так народ,
Чтоб пошел он весь вразброд.
Богачам тогда свободно
Делать все, что им угодно!

XXVIII

Всюду — сходки, споры, шум.
Питер ждал районных дум.
Выбирали новых гласных.
От плакатов — белых, красных,
Синих, всяких — рябь в глазах.
Шел раскол большой в низах:
Краснобайству давши веру,
Льнули многие к эсеру;
Меньшевик весьма хитер,
Тож очки местами итер.
Большевик спокойно к бою
Вел рабочих за собою.
Богачей кидало в дрожь:
«Нам поможет только ложь!»

«Как у питерских господ...»

(Предвыборная песня)

Как у питерских господ
Превеликий, братцы, сход.
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Превеликий, братцы, сход.

Хлещут вина богачи,
Едят сладки калачи.
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Едят сладки калачи.

И едят они и пьют,
На салфетки слезы льют.

То ли, се ли,
Нынче, что ли,
На салфетки слезы льют.

Ни на выборы идти,
А дела-то не ахти!
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Их дела-то не ахти.

Густо улица пылит —
Трудовой народ валит.
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Трудовой народ валит.

Люд фабричный, батрски
Да солдатские полки.
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Всё народные полки.

Трудовой народ валит,
Богачей повсю калит.
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Богачей повсю калит:

«Ой вы, барс-господа,
Мироедская орда.
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Мироедская орда!

Мироедская орда,
Не пройдешь ты никуда!
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Не пройдешь ты никуда!»

Стал народ везде в хвосты,
На руках у всех ласты.

То ли, се ли,
Нынче, что ли,
На руках у всех листы.

А в какой ни глянешь лист —
Все стоит: «социалист».

То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Большевик-социалист!

Люд голодный, не спасуй:
Подружнее голосуй!

То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Подружнее голосуй!

Чтобы сытым богачам
Худо спалось по ночам.

То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Худо спалось по ночам.

Чтобы видели они,
Что пришли другие дни.

То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Да пришли другие дни.

Что у вольной голытьбы
Силы станет для борьбы.

То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Силы станет для борьбы.

Сил у каждого борца —
Чтоб бороться до конца.

То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Будем биться до конца!

Часть четвертая
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ
НАДУВАТЕЛЬСТВО

I

«Кто посеял, кто пожил» —
Я про это речь держал.
Шел народ на баррикады.
А пролезли к власти — глady.
Взяв народ в лихой зажим,
Объявили свой «режим»:
Буржуазные порядки.
Подставляй хребет, ребята!
Мироедам послужи,
Животы за них ложи!
Ждет деревня лучшей доли,
Ждет земли и вольной воли.
Распорядков новых ждет:
Вот бумага-де придет,
Все раскишет и укажет,
По губам медком помажет:
«Наступил твой час, Фаддей.
Все твоё. Бери — владей!»
Что-то делается где-то,
За весной проходит лето,
Вот уж осень у ворот.
Суматошится народ:
«Что же это, братцы, значит?
Власть нас новая колпачит!
Перемены не видать.
До каких же пор нам ждать?»

II

«Что вы! Что вы! Что вы!
Что вы!
Бунтовать, никак, готовы?
Власть вам новая куда?
Власть, ей-богу, хоть куда!

Ей, несчастной, столько дела,
Не до вашего раздела.
Вот управимся с войной,
Все пойдет на лад иной!»
Так измученному люду
Языком плескали всюду
Разбитные господа.
Этой сволочи тогда
Расплодилось без меры.
Все, извольте, эсеры!
Бьет себя, рыдая, в грудь
Землемер какой-нибудь,
Иль учитель-математик,
Иль паршивый адвокатик:
«Братцы! Я, да вы, да мы!
Погодите до зимы!

III

Будет вам земля и воля,
Но помещичьего поля
Вы не трогайте пока.
Будет все у мужика!
Дайте срок — создать законы,
Вас ведь, братцы, миллионы,
А земельный-то запас
Не ахти какой у нас.
Так, сплеча, рубить негоже,
Раскумекать надо тоже,
Где земля и чья земля.
Посмотреть на векселя,
На расписки, закладываеме,
И окажется, родиме,
Что помещик — только звук,
Землю выронил из рук,
А владелец настоящий —
Тот крестьянин работающий,
Что поля и барский дом
Приобрел своим... трудом.
Тут не место хваткой лапе,
«Отобрал — и дело в шляпе».

Надо толком разобрать,
Где оставить, где забрать.

IV

Отобрав неосторожно,
Повредить лишь делу можно!
Есть именья — сущий рай:
Что конюшня, что сарай,
Что машина, что скотина, —
Образцовая картина!
На научный всё манер,
Всем хозяевам пример,
Как хозяйство надо строить,
Чтоб доходы все устроить.
Взять помещика: иной —
Скот разводит племенной,
Улучшает то и это,
Сам в работе зиму-лето,
Эконом и агроном, —
Все стоит на нем одном!
Рассудите-ка толково,
Коль помещика такого
Из именья мы путем,
Далеко ли мы шагнем?
Не напортим ли мы вдвое,
Разорив гнездо такое?
И не лучше ли всего
Не касаться нам его?
Не касаться, не кусаться,
На чужое не бросаться,
А учиться да глядеть,
Как добром своим владеть?

V

Есть еще задержка — в сметах.
Пусть в земельных комитетах
Подведут всему итог,
Чтобы вам, помилуй бог,
Не обидеть земледельца —
Пусть и крупного владельца.

Это ж, братцы, не закон:
Взять за шиворот и — вон!
Отбирай, но не бесплатно,
Надо совесть знать, понятно:
Где — надбавить, где — скостить,
Но убытки возместить,
Чтоб помещиков ослабить,
Но... помещиков не грабить!
Выкуп вместо грабежа
Да рассрочка платежа, —
И придумать лучше трудно!
До чего все выйдет чудно!
Без обиды, без вражды!
Ни корысти, ни нужды!

VI

Вот мы партия какая!
В жизнь крестьянскую вникая,
В трудовой лесь обиход,
Мы — страдальцы за нивод,
Мы за вас душой болеем.
Мы себя не пожалеем.
Ежли что, — в тяжелый час
Мы сумеем стать за вас!
В Учредительном собрание —
Мы заверены в избрание! —
Мы такое учредим!
Вновь порядок утвердим,
Всех устроим, все уладим!
Обкорнаем и спровадим
Без особенных чинов
Городских всех крикунов.
Вот — программа на листочке,
Разберитесь в каждой строчке.
Вся тут правда — без прикрас,
Угодит вам в самый раз.
Рассудите, обсудите
Да в эсеры все идите!
По полтине членский взнос.
Кум Фаддей повесил нос,

Кум Фаддей в затылке чешет:
«Чтой-то барин будто брешет,
Брешет — глазом не мигнет,
И куда он, нррд, гнет?»

VII

Пров Кузьмич, как пьяный вроде,
Ходит козырем на сходе,
По-эсеровски поет,
Все подписочку сует.
«Тит, записывайся, что ли,
На предмет земли и поли!
Еремей, Фаддей, Наум,
Взяться всем пора за ум.
По полтиннику, ребята,
Не ахти какая плата.
Записался — и шабаш!
Просто все, как «Отче наш».
Неча, братцы, опасаться.
Наше дело записаться.
А эсеры в добрый час
Все обтипают за нас!»
Крикинул Тит с лукавой миной:
«Эх, риску-ка, что ль, полтиной!
Погляжу на их дела».
Записалось полсела,
Список быстро был составлен,
В город с нарочным отправлен.
Пров разглаживал чело:
«Фу! Как будто отлегло!
Ехать завтра к генеральше
Или ждать, что будет дальше?»

VIII

Поп Ипат, хлебнув винца
В честь «небесного отца»,
В спасов день обедню тянет,
Вправо, влево оком глянет.

«П-сс! — зовет пономаря. —
 Помяну-ка, что ль, царя?»
 Пономарь глаза таращит:
 «Бес тебя, должно быть, тащит
 За язык, отец Ипат.
 Церковь, глянь, полям солдат.
 Зададут такого звона:
 Стащут за косы с амвона!
 Помяни царя, не лгу. —
 Я из церкви убегу!»
 У него засохло горло:
 «Впрямь их, иродов, наперло.
 Фронт поди-кась обнажен.
 Ну, сидели б возле жён,
 Возле Марьи да Натальи, —
 Нет, народ мутят, канальи!
 Речи их, чертей, слышал?»
 Поп отчаянно вздыхал.
 Не молился, что-то вякал,
 Службу кое-как отбрыкал
 И айда скорей домой:
 «Ну и время, бож-же мой!»

IX

Загорелы, бородаты,
 Фронтной народ — солдаты
 Вдоль по улице идут,
 Речи разные ведут.
 Мужикам те речи в диво.
 «Очень, братцы, уж правдиво!»
 «Говорят: газетам верь.
 Как же верить им теперь?
 Что про ленинцев трубили?
 Будто немцы их купили.
 А вот унтер Мышаков
 Хвалит как большевиков!»
 «Вот что, милые, обидно:
 Ведь конца войны не видно».
 «Дисциплину тож в частях
 При теперешних властях

Укрепляют так, что любо:
Встал не так, ответил грубо
Или косо посмотрел,
Сразу — «Сволочы! Под расстрел!»,
Гонят силой в наступление,
Отказаться — преступление,
Барам что? Не их берут,
Пусть за них другие мрут!
За спиною нашей храбры!»
«Взять их, гадов, всех под жабры!»
«Обломать их хохряки!»
«Мы-то, мы-то, дураки,
Растерявши сразу мысли,
Пред эсером как раскисли!
Как он ловко всех поддел!
Рази ж он за нас радел?!»
«Пропaday моя полтина!
Пров Кузьмич, все ты, скотина,
Вместе жулил, старый пес!
Возвращай мне членский взнос!»

Х

Богачам одно спасенье:
Будет пусть землетрясенье,
Голод, мор, потоп, война,
Только б нищая страна,
Не стерпев дальнейшей муки,
Отдалась сама им в руки.
Богачам один лишь путь:
Петлю ту же нам стянуть.
Снова трубы затрубили:
«Ежли б немцев мы побиял,
Показали им кулак...
Все б тогда пошло не так:
Сразу б немцы спали с тону,
Запросили бы пARDону!» —
И пошла-пошла писать
Под ту дудочку плясать
Меньшевик пошел с эсером,
Словно дама с кавалером.

ХІ

Фронту отдан был приказ:
Подтянуть чтоб всех зараз,
Чтоб с врагами не брататься,
А сначала поквитаться.
Мы-де хоть не за грабеж,
Не захватчики, а все ж...
Мир для мира — это враки.
Мир бывает после драки,
Как похмелье — по пиру.
«Лезьте, братцы, на уру!»

Б а р ы н я

(Околная)

Ай, люли-люли-люли,
Как мы песню завели:
— Барыня, барыня,
Ты моя сударыня!

Пишет, братцы, мне жена —
Скоро ль кончится война?
— Скоро ли то, барыня,
Скоро ли, сударыня?

Скоро ль кончится война?
Истомилась я одна.
— Эх ты, горе, барыня,
Как тут быть, сударыня?

Истомилась, нестрадалась,
Век с тобою не видалась.
— Ох, барыня, барыня,
Как тут быть, сударыня?

Стала жизнь мне — сущий ад:
Ничего нейдет на лад.
— Нету ладу, барыня,
Все трещит, сударыня.

Без тебя пошло все врозь,
Все хозяйство распалзлось.
— Расползлось, барыня,
По всем швам, сударыня.

Опустел сарай и хлев,
Хлеба только на обсев.
— Ох, барыня, барыня,
На обсев, сударыня.

А казенный нам пашк —
Холостой хлебать чашк.
— Да, барыня, барыня,
Холостой, сударыня.

Дождался мы времен,
Дорогой ты мой Семен.
— А каких же, барыня?
Да каких, сударыня?

Нет у нас царя уж боле,
Весь народ на вольной воле.
— Любо ль тебе, барыня?
Любо ли, сударыня?

Всех чертей прогнали вайшей,
Что кормилась кровью нашей.
— Кровью нашей, барыня,
Кровушкой, сударыня.

Все помещики в округе
Разбежались в испуге.
— Разбежались, барыня,
Пусть бегут, сударыня!

А мы слез не стали лить,
Землю их давай делить.
— Хорошо ли, барыня?
Хорошо, сударыня!

Вот как у нас дела:
Революция была!

— Чем же худо, барыня?
А ничем, сударыня.

Отпущи скорей ответ:
Жив, голубчик, ты аль нет?
— Жив, моя ты барыня,
Жив пока, сударыня.

Долго ль с немцем воевать?
Долго ль нам тут горевать?
— Долго ли нам, барыня,
Горевать, сударыня?

Шлю с детьми тебе поклон,
Дорогой мой муж Семен.
— Эх, барыня, барыня,
Шевелись, сударыня!

А я дело, братцы, считал,
А я женошке ответил.
— Что ответил, барыня?
Что, скажи, сударыня?

Не горюй, не плачь, жена:
С немцем кончится война:
— Право слово, барыня,
Ей же бог, сударыня.

С немцем кончится война:
Надоела нам она.
— Надоела, барыня,
Ну ее, сударыня.

Бойня пачата не нами,
А царями да панами.
— Верно ль это, барыня?
Верно ли, сударыня?

За чужие ж дележи
Неча лезть нам на ножи!
— Ни к чему нам, барыня,
Ни к чему, сударыня!

Неча лезть нам на ножи,
Так ты всем и расскажи.
— Рассуди-тка, барыня,
Обмозгуй, сударыня!

А у немцев, чаем, тоже
Выйдет дело, с нашим схоже.
— С нашим схоже, барыня,
В самый раз, сударыня!

Ходят к нам их ходокн,
Люд фабричный, батраки.
— Люд фабричный, барыня,
Батраки, сударыня.

Мы к ним с братскими словами:
Дело, дескать, все за вами!
— Будет дело, барыня,
Первый сорт, сударыня!

Сообща, ребятки, дружно
Мироедов гнать нам нужно.
— Мироедов, барыня,
Богачей, сударыня.

Отвечают немцы: «Гут!»
Надо думать, не солгут.
— Надо думать, барыня,
Не солгут, сударыня.

Заварухе дай начаться,
Дай лишь немцу раскататься.
— Раскататься, барыня,
Разойтись, сударыня.

Рассчитать все наперед:
Оч-чень правильный народ!
— Башковитый, барыня,
Деловой, сударыня.

Дело сделают не скоро,
Да зато уж выйдет споро.

— Вот как споро, барыня,
Начисто, сударыня!

Дело немцы доведут, —
Тут войско-то и капут.
— И айда-те, барыня,
По домам, сударыня.

Как вернемся ж мы домой,
Что-то будет, боже мой?
— Что-то будет, барыня?
Знаешь, чай, сударыня.

Коль затеют баре спор,
Мы сумеем дать отпор!
— Наше дело, барыня,
Верное, сударыня!

Постоним за нашу долю,
За земельку да за волю!
— Постоним уж, барыня,
Отстоним, сударыня!

Так-то, жenuшка-жена,
Скоро будешь не одна.
— Не одна, слышь, барыня,
С муженьком, сударыня.

Как не летом, так зимой
Жди хозяйниа домой.
— То-то, моя барыня,
Заживем, сударыня!

Остаюсь жив-здоров,
Рядовой Семен Петров.
— Эх, барыня, барыня,
Шевелись, сударыня!

Нашей песне тут конец.
А кто пел, тот молодец!
— Размолодчик, барыня,
Удалец, сударыня!

Приказано,
да правды не сказано

(Солдатская песня)

Нам в бой идти приказано:
«За землю станьте честно!»
За землю! Чья? Не сказано.
Помещичья, известно!

Нам в бой идти приказано:
«Да здравствует свобода!»
Свобода! Чья? Не сказано.
А только — не народа.

Нам в бой идти приказано —
«Союзных ради наций».
А главного не сказано:
Чьих ради ассигнаций?

Кому война — заплатушки,
Кому — миллион прибытку.
Доколе ж нам, ребятушки,
Терпеть лихую пытку?

XII

«Лезьте, братцы, на уру!
А чтоб гнусную игру
Большевик не смог разладить,
Решено его спровадить —
Хоть и со света! Не грех!
Только чем разбить орех?
Камень где сыскать удобный?»
Был тут план придуман злобный:
«Кто ведет войну с войной?»
«Большевик, не кто иной».
«Немцам в руку?» — «Ну, понятно!»
«И, должно быть, не бесплатно».

«Большевик-де, ходит слух,
Где-то в бинке, даже в двух,
Брал немские червонцы!»

Так боролись оборонцы
С политическим врагом, —
Замутила все кругом
Разолгавшаяся слора.

Вор кричит: «Держите вора!»
С честным видом подлецы
Прячут так свои концы.

XIII

Все читая без разбору
Да прислушиваясь к спору,
Что все партии велит,
Ваня бился на мели.
За эсеров подав голос,
Все ж потом, как в поле колос,
Гнулся он — туда, сюда.
Гнулся — сам не знал — куда.
«Как узнать прямого друга?
Что причиной перепуга
Тех, кто тучей злых листков
Травит так большевиков?
В чем тут, собственно, опасность?
Привести бы это в ясность.
Клим... Куда девался Клим?
Побеседовать бы с ним.
С кем теперь идет он в ногу?»

Так, нося в груди тревогу,
Ваня скоро впал в хандру.
Не читал он поутру
С прежней жадностью газеток.
Глаз мужичий все же меток.
Все читать — Ванюше лень,
«Правду» ж брал он каждый день.
«Вот поди ж ты... пишет верно.
Что ж бранят ее так скверно?!
Пусть ми- скажет кто другой:
Чем не прав Яким Нагой?»

Письмо Якина Науго

(помещенное в № 79 «Правды»
24 июня 1917 г.)

Вы, братцы, дурги милые,
Родимые ребятушки,
Народные солдатушки
Да люд мастеровой!
Пишу я вам послание,
Пишу-то неумеючи,
Нескладно да неграмотно,
А только — от души.
Душа ж моя — мужицкая,
Мужицкая — крестьянская,
Совсем она измаялась,
Измаялась-измучилась,
Кажинный день болеючи
От горестных вестей.
Приходят к нам те вестушки,
Те вестушки столичные,
В деревни наши бедные,
В медвежьи уголки,
Приходят безо времени
Да без желанной радости.
Уж мы-то ждем их, ждем,
В тоске великой маемся,
Надёжою пытаемся
На наших на заступничков,
Родных своих ребятушек,
Ребятущек-солдатушек,
На люд мастеровой:
Они-де нас ученее,
Они-де нас смысленее,
У них-де крепче головы,
Им все так: больше ведомо:
Что? Как? И почему?
У них-де хватит силушки,
У них-де станет смелости,
Что смелости-умелости
Стать крепко на своем:
Не выдать люда бедного,

Рабочего-крестьянского,
Извечным нашим врагам,
Мирским всем захребетникам, —
Не выдать нипочем!
Но вести все приходят к нам
Такие ль безотрадные,
Такие ль безутешные,
Что верить им не хочется.
Да статочное дело ли,
Да может ли то быть,
Чтоб вы так с толку сбились,
Так потеряли головы,
Так разошлись с совестью,
Что у попов, чиновников,
Министров и сановников,
Разъевшихся помещиков,
Купцов расторговавшихся,
Банкиров-миллионщиков,
У подлых их прислужников,
Угодников-ласкателей,
У подхалимской сволочи
Пошли на поводу?!
Да разве ж это мыслимо,
Чтоб речи их неправые,
Неправые-лукавые
Пришлись всем вам по сердцу;
Чтоб шипы их змеиные
За песни соловьиные
Казаться стали вам?!
Вы, братцы, други милые,
Родимые ребятушки,
Народные солдатушки
Да люд мастеровой!
Очинитесь, одумайтесь
Да к совести прислушайтесь,
Раскиньте головой:
Кому вы так доверялись,
На чьи слова туманные,
Туманные-обманные
Огульно положились?
Кто совесть вашу вывихнул?
Кто ум вам замутил?

Забыли вы пословицу
Хорошую, народную:
Ковать железо надобно,
Покамест горячо.
Раз время потеряете —
А вы терять уж начали. —
То напоследки сидем мы,
Как раки на мели.
Доверившись обманщикам,
Господским потаковщикам,
Объевшись посулами,
Тех песенок заслушавшись,
Что власти завели,
Мы под конец останемся
Всё теми ж остолопами,
Господскими холопами —
Без воли, без земли.
Того ли вам хотелось,
К тому ли вы стремились,
Когда в порыве радостном
Царя осточертелого
С его лихой опричниной
В единый дух смели?
А иныче та опричнина,
Приняв личину новую,
Втирая вам очки,
Уж поднимает голову,
Смелее озирается,
Бойчее огрызается,
Братается с нагвйками
И тянется к хлысту.
Покамест вы толкуете,
Как, дескать, по-хорошему,
Без лишнего стеснения, —
Не дай господь — ивсилня! —
По чистой справедливости
С крестьянами — помещиков,
С рабочими — заводчиков
Как-либо примирить,
Так, чтоб одним досталось
И у других осталось,
Чтоб нареканий не было

От черни околаченной,
Найпаче ж от господ, —
Пока вы так стараетесь,
Пока вы распинаетесь,
Попы, купцы, господчики,
Помещики, заводчики,
Все нроды, кому,
По божью попущению,
Верней — по нашей глупости,
Покорной нашей тупости,
Досель жилося весело,
Вольготно на Руси,
Они не ждут — готовятся,
Они не останавливаются,
Хо-хо, ни перед чем!
За то, что не умели вы,
За то, что не хотели вы
Напрячь свои все силушки
Да так на богатеев всех
Налечь, прижать их так,
Чтоб им дыхания не было,
Чтоб затрещали косточки,
Чтоб жирная да толстая
Кишка их сразу лопнула,
Чтоб больше им, кабальщикам,
Захватчикам, нахвальщикам,
Податься было некуда,
Чтоб был им тут капут;
За то, что сплеховали вы,
За то, что дело начали,
Да дела не доделали.
Его, по нашей милости,
Опять собравшись с силами,
Оставшись воротилами,
Как были, миллионщики
Доделают по-своему:
Еще, вишь, ими кровушки
Народной мало пролито
В проклятой, злыми гадами
Для их несметных прибылей
Затеиной войне;
Еще, вишь, недостаточно

Чужих полей засеяно
Крестами надмогильными;
Еще, вишь, мало пущено
По белу свету маяться
Калек и вдов-сирот;
Еще им, вишь ты, кажется,
Что мало ими нажито,
Что мало мы обобраны,
Не все еще лишились
Последних животных;
Душа у них тревожится.
Им, аспидам, неможется,
Им непременно хочется
Дорваться до последнего,
Чтоб опосля войны,
Пустивши всех нас по миру,
Им было бы удобнее,
Голодных, обессиленных,
Прибрать нас всех к рукам.
Солдатушки-ребятушки,
Три года восвали вы,
Три года вас мытарили,
Гоняли на убой, —
Но, видно, мало прежнего:
Еще вы повоюете,
Еще вы погорюете,
Еще беды потерпитесь,
На смерть пойдете верную —
Во здравие захватчиков,
Во славу их машины!
Вы, братцы, други милые,
Родимые ребятушки,
Народные солдатушки
Да люд мастеровой,
Очнитесь, одумайтесь
Да к совести прислушайтесь,
Раскиньте головой!
Очнитесь, опомнитесь,
Не выдайте, голубчики,
Себя и нас не выдайте
Извечным нашим врагам,
Грабителям-насильникам,

Мирским всем захребетникам.
Сестер и братьев вспомните,
Старуху мать родиную
И старого отца!
Единым горем вскорилены,
Единой волей спаяны,
Своею силой гордые,
В своем решении твердые,
Ряды сомкнувши стройные,
Железные, спокойные,
За наше дело общее,
За наше дело правое,
За долю всеивродиную
Постойте до конца!

Писал сие послание —
Подтянутой губернии,
Уезда Тернигорска,
Пустоворожней волости, *
А той деревни Босовой
Мужик Яким Нагой

XIV

Богачи везде шныряли,
Даром часу не теряли, —
Разослав своих послов,
Не жалели сладких слов.
На Дону от них посольство
Бьет челом за хлебосольство:
«Ой вы, brave донцы,
Боевые молодцы!
Окажите вы нам дружбу,
Сослужите вы нам службу,
Помогите сбить рога
У проклятого врага,
У немойтой черной голи,
Что кричит: земли и воли!
День упустим — не вернем.
Голь наглее с каждым днем.
Не поставьте ей преграды, —
Сами ж будете не рады!»

Отвечала старшина:
«Ваша голь хотя страшна
Нам своя страшнее вдвое.
Но правленье войсковое
Все ж в руках у нас пока.
Ладно: будут вам войска!»

Атаманская нагайка

Басня

Товарищ дорогой,
Согнись дугой,
Подставь покорно спину:
Так подобает «гражданину»,
Стоящему за «временную власть»,
Хлебнув свободы всласть.
Остепенись маленько:
Освобожденье ты отпраздновал раненько.
Нет, милый, нам с тобой свобода
не с руки.
Обидно — не обидно,
А по всему, брат, видно,
Что путь для нас один:
в казачьи батраки.

Теперь смекай-ка:
Жила-была нагайка,
Не говоря про старину,
Совсем недавно
Нагайка славно
Стегала спину не одну.
На царский зов она всегда неслась
охотно,
Чтоб вольный дух унять
в народных бунтарях,
Зато самой при всех царях
Жилось ей весьма вольготно,
Не то чтоб, скажем,
там какому батраку
Аль мужику.

Спадающему с тела
 У своего куринного надела.
 Но вот мы дожили до радостной зари:
 Верх взяли бунтари!
 Свалив грабительскую шайку.
 Почал народ судьбу устранивать свою
 И голытьбу сзывать в единую семью.
 Да позабыл, вишь... про нагайку!
 Нагайка ж исстари «вольная»,
 И волю понимать способна лишь она.
 Свободой новой ей мозгов не затуманить,
 И вправе потому она «дуван дуванить»,
 Судить нас, бедных, и рядить,
 То бишь — «порядок наводить».
 Что ж? Это дело ей не внове!
 Но... все ль нагайки наготове,
 Чтоб двинуться в поход,
 На трудовой народ?
 Не атаман ли тут толкует с атаманом,
 Как войско с толку сбить
 предательским обманом,
 «Казацкой вольностью» и мусором
 «свобод»?

Казаки, грустная моя побаска эта
 Ужель останется без братского ответа?
 Казаки, вам пора, пора глаза открыть:
 Кто подбивает вас на Кайнову прыть?
 Родимые братья наши,
 Вы не разделите с богатым общей чаши.
 У трудового казака
 Вск не поднимется на бедный люд рука.

XV

«Что нам в пользу — то и гоже.
 А попы ведь сила тоже! —
 Порешили богачи. —
 Две пудовые свечи,
 Аналойчик, да икона,
 Да да духовная персона...

«От Матфея» там «глава»...
Про смиренне слова...
Раз писанье — значит, свято,
Люди ж верили когда-то...
Так попробуем теперь...»
Богачи стучатся в дверь
К архипастырю Андрею,
Из Уфы архиерею:
«Архиерей наш, архиерей,
Спаси нас, грешных, от бунтарей.

Трещит Расей!
Прошло блаженство,
Одна надея
На духовенство,
На дым кадильный из алтарей,
Спаси нас, грешных, отец Андрей!

Нам без лазейки
Спасенья нету,
Две-три статейки
Дай нам в газету,
Чтоб в назиданье простой толпы
Могли читать их в церквах попы!»

«В оковах пастырь...
В разброде стадо...
Целебный пластырь
Сыскать нам надо,
Чтоб злую рану закрыть скорей», —
Рек, прослезившись, отец Андрей.

И, ощутивши
Прилив отваги,
Скорей схвативши
Кусок бумаги,
Стал он «Биржевке» строчить статью,
В высоком стиле галантатю:

«Не надо злобы!
К чему бунтарство?

Нам надо, чтобы
Окрепло царство,
Борьбы знамена в архивы сдать,
Да осенит нас тишь-благодать,

Без отречения,
Без примиренья,
Без подчиненья
И без смиренья
Не избежать нам лихой беды! —
Твердил епископ на все лады.

Кори сноровку
Социалистов,
Стриг «под Биржевку»
Евангелистов.
Ведь это ж, отец, простой обман?!
Опять с амвонов пускать туман?

Чтоб люд наш темный
Опять толпами
На зов погромный
Шел за попами?!
Скажи все ясно, святой отец,
Твоих статеек какой конец?

XVI

Клевета — большое дело.
Клевету весьма умело
Богачи пустили в ход,
Чтобы с толку сбить народ.
Всюду шиырили оралы
Ловких сбытчиков отравы.
Подрядились в «языки»
Все заштатные шпики.

«Контразведчики»

«Вечор девки, вечор девки
Пиво вариали».

Два шлика у Малой Невки

Разговаривали:

Шлик 1-й. «Ты скажи,
скажи, бродяга.

Где ты маешься
И каким ты, ярая, делом
Занимаешься?»

Шлик 2-й. «А я, братко,
живу гладко

Да не маюся,
А я прежним нашим делом
Занимаюся!»

Шлик 1-й. «Царь небесный!
Пресвятая

Богородица!
Новый строй ужель шпиками
Обзаводится?»

Шлик 2-й. «Ну, шпиками —
не шпиками.

Шлик шельмуется.
То же дело по-иному
Именуется.

По-иному наше дело
Привечается.

С похвалой в газетах многих
Отмечается.

В буржуазную газету
Лишь заявишься,

Сразу, братец мой, в почетный
Угол ставишься.

Тая и льнут к тебе дисаки,
«Куш» подсовывают,

В десять перьев твои враки
Разрисовывают.

Битый час проищешь им, точно
Неприкаянный.

Прешь про ленинца нарочно
Брех отчаянный.

Тут они глаза закатят
Умилительно!

Как за все потом заплатят, —
Удивительно!»

Два шпика пошли, обнявшись,
Вдоль над Невкою.
Вот вся песня, — остановка
За припевкою.
А припевки после спеты
Были разные.
Затянули все газеты
Буржуазные:
«Миру, вишь ты, «Правда» рада
Показательно!»
«Разгромить всю «Правду» надо
Обязательно!»

XVII

Воры, сыщики, громилы,
Биржевые крокодилы,
Толстосумы-живоглоты,
Мироеды-патриоты —
Все, кто был царям оплотом,
Кто кормился кровью-потом
Обездоленного люда...
Вот пошел поход отсюда!
Вот кто, брызжа злою пеной,
«Правду» стал корить... «изменой»!

Черносотенная рать
Стала шибко напирать,
Сам эсер, кряхтя до срока,
Лишь подмигивал ей сбоку.
К черной банде наярямки
Лез в объятья меньшевник.
Связь погромная готова.
Разгромили «Правду» снова!
Был приказ властей таков:
«Не щадить большевиков!
Уничтожить всех их сразу,
Как зловредную заразу.
Главарей арестовать,
Чтоб не смели бунтовать!»
Написать приказ не штука!
Да искать попробуй ну-ка!

«Как тут быть?» —

«Хватай гуртом,
Разберемся уж потом!»

XVIII

Меньшевик, эсер, ликуя,
Ловит за'полы буржуя:
«Счет сведя с большевиком,
Заживем теперь ладком.
Съезд в Москве устроить нужно,
Чтоб потом работать дружно,
Петь под общий камертон.
Заказать нам, что ль, вагон?
Завтра, что ли-ча, поедем?»
Но буржуй рычит медведем:
«Человек я, что ж — прямой:
Камертон-то будет мой!»
«Ваша светлость! Что вы, что вы!
Мы ж для вас на все готовы.
Вместе будем отвечать.
Не извольте лишь сердчать!»

XIX

Съезд в Москве прошел на диво!
Богачи весьма ретиво
Повели свои дела.
Вот комедия была!
Перед их враждебным станом
Распинались Либер с Даном,
Меньшевистские «ложды» —
От козла удою жди!..
Видно птицу по полету.
Буржуазному помету,
Лебедя и так и сяк,
Тож поклонится не всяк.
И эсеров брали корчи,
Но, как зуб от давней порчи,
Стыд у них пропал давно:
Пели с Даном заодно!

«Л и б е р д а н»

(Подхалимский танец)

Пред военным барабаном,
Мастера на штучки,
Танцевали Либер с Даном,
Взявшись за ручки.
«Либердан!» — «Либердан!»
Счёту нет коленцам.
Если стыд кому н даи,
То не отидеидам!
Милюков кричал им браво
И свистел на флейте:
«Жарьте вправо, вправо, вправо!
Пяток не жалейте!»
«Либердан!» — «Либердан!»
Рассуждая здраво,
Самый лучший будет план:
Танцевать направо!

На Москве устроив танцы
Сообща с прагмат,
До упаду либерданцы
Дрыгали ногами.
«Либердан!» — «Либердан!»
Что же вы, ребятки?
Баре сели в шарабан.
Живо, на зацитки!

Часть пятая

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ОКТЯБРЬ

I

Ванни взвод пошел в наряд.
Целый где-то там отряд
Большевистский арестован.

Не ополчайтесь брат на брата!
В загробной жизни ждет
всех богачей расплата...

Слеза в глазах, и крест — в руках,
И голос — с такою дрежью,
А явно отдаст от проповеди ложью.
У самого попа порыться в сундуках, —
Поды-кося не все там по закону божью!
Вот батрака возьми, —

к примеру, хоть меня:
И руки будто есть, и голова на месте,
А в жизни я меж тем не знал такого дня,
Когда бы не был я рад смерти,
что невесте.

К работе ль я ленив?
Работа ль мне невмочь?

Нет, я б работал день и ночь
И вынес всякую б работу.
Но если б стронуться я возмел охоту, —
Замок-те есть, да нет ключа!
И камни и леса, всё — в лапах богача!
На пашне бы своей не пожалел я поту,
Да пашни-то и нет.
Явившись на свет,
Все лучше угоды

Нашел я где?
В руках дворянского отродья!

Иль почему бы мне не сделаться ткачом?
Но лен ли, конопля ль,
— овечье ли то стадо —
Все, все присвоено проклятым богачом!
Что ж остается мне?

За что мне братья надо?
И одному ль мне?

Одни ли я пойду к грабителям
с поклоном?

Под гнетом богачей в родимой стороне
Весь люд убогий стонет стоном.

Так это божьим, что ль,
утверждено законом?!

Покою не было с тех дум у батрака,
И крепко мысль ему одна тогда запала.

В ночь под Ивана под Купала,
Чистенько обрядясь, в лес двинулся Лука.

«Жив, — порешил он так, — не буду, —
Для счастья общего

не жаль мне головы! —
А в эту ночь я раздобуду

Заветный цвет разрыв-травы!»

В ночную темь, по рвам, по кочкам,
по бурьяну

Шагал батрак. В глуши лесной

Набрел на тихую поляну.

Там, место выискав под старою сосной,

Три круга очертил и с верою живою

Платочек разостлал перед разрыв-травой.

Покрылся у Луки холодным потом лоб, —

То в жар его всего кидало, то в озноб, —

Молясь бормоча, дрожа от нетерпенья,

Он ждал чудесного цветенья.

Ждал, твердо веруя, что есть,

Есть сила дивная в волшебном,

тайном цвете!

О, если бы ему с собой тот цвет унести, —

Перевернул он все б на свете!

Прибавши клады все к рукам,

Он их бы роздал беднякам, —

Всем, кто морит себя работой

подневольной,

Кто множит прихотью чужой число калек,

Кто к счастью весь свой скорбный век

Бредет, кряхтя, тропой окольной.

И крикнул бы Лука: «Гей, горе-голытьба!

В твоих руках твоя судьба.

Злой власти богачей

ты не потерпишь боле.

В запряжке каторжной

уж не согнешь горба:

Под небом все — твое:

вода, и лес, и поле!

Избавясь от нужды проклятой, вековой,

Отныне можешь ты, люд черный, трудовой,

В трудах и в радостях друг с другом

а общей доле

Жить на своей на полной воле!
Упал в слезах Лу! —

перед разрыв-травой, —
На сердце стало парню худо, —
От духоты ночной кружилась голова.
Тут — ровно ополночь —

в лесу свершилось чудо:
В короткий миг разрыв-трава
Пред парнем бледным и безгласным
Вся расцвела цветеньем ясным, —
И, словно звездочки,

стал за цветком цветок
Роняться тихо на платок.
Крест сотворивши троекратный
И завязавши цвет заветный в узелок,
Батрак пустился в путь обратный.
Идет. А сердце ёк да ёк.

И вот — отколь взялось
и где все раньше было!
Лес грозно зашумел,

зверье вокруг завывло,
Вверху закаркало лхое воронье,
Внизу заползали и зашипели гады:

«Брось узел!» — «Брось!» — «Оставь
Нам прежнее житье!»

«Зальются кровью наши клады!»

Сжимая узелок дрожащею рукой,

Лука все шел, а за Лукой

Неслися вихрем ведьмы, черти:

«Брось узел!» —

«Чьей ты хочешь смерти?»,
«Прольется кровь!» —

«Народ восстанет на народ!»,
«На сыновей пойдут отцы,

на братьев братья!»

Твоя молитвы и заклатья,

Лука все шел с узлом вперед.

А вой все рос: «Куда ты?»

«Куда ты?»

И стали обгонять тут батрака солдаты:
«Прощай!

За кладь нас всех гонят умирать!»

Навстречу им — другая рать.
Сошлись. Блеснул огонь.

В тела вонзились пики.
Покрылось поле все кровавой пеленой.
Вокруг Луки неслись проклятья,
стоны, крики:

«Ты нашей гибели виной!»
Тут наваждение все смил,
как рукой, убрало.

Глядит Лука: никак уж солнце заиграло
Над деревушкою родной!

Но не успел еще он отойти от страху,
Вдруг кто-то у него как ухнет за спиной
Да плетью по руке

как стеганет с размаку!
Глаза застлало у Луки,
И не заметил он, как из его руки,
От боли онемелой.
Пал наземь узел белый.

Опомнившись,
батрак рванулся в бой с врагом.
Ан, смотрит, перед ним нет ни врага,
ни цвета:

Все тот же темный лес,
и никого кругом;
Все та ж глухая ночь,
и не видать рассвета!

Товарищи! Друзья!
В тяжелый час, когда
Вся мироедская на нас идет орда,
Пытаясь нас сразить не силой —
клеветою,

Ужели дрогнем мы,
отступим хоть на шаг? .
Ужель допустим, чтобы враг
Нас попирал своей пятою?

Пусть заклеявила нас продажная молва,
Пускай со всех сторон
на нас враги напали, —
Что ж! Мы покажем им,
что наша мощь жива,
Что все еще в руках у нас разрыв-трава —

Вождями нашими указанные цели,
Что, наподобие Лукки,
Мы духом не падем,
надежд не похороним,
Что под ударами не разожмем руки
И наших лозунгов на землю не уроним!
Последних слов еще не изрекла судьба.
Пусть все решит борьба!..

II

Лист далится, травка лаяет,
Холодком осенним тянет.
Час — под озимь уж пахать,
А про землю не слышать.

В деревушке — сход за сходом:
«Долго ль будут над народом
Измываться господа?»
«Не толкнуться ль нам куда?»
Порешили все согласно:
Чтобы сразу стало ясно,
Кто стоит за мужика,
Выбрать в Питер ходока.
«Тит, кати. Мужик ты дельный.
Там, на месте, в срок недельный
Разберись во всем как след,
Что нам в пользу, что — во вред?
Обойди там все Советы,
Все Советы, Комитеты.
Потодкайся, расспроси:
Что творится на Руси?
Правду ль бают, что эсеры —
Продуанные лицемеры,
Что их речи — пустозвон
И что надо гнать их вон?»

III

Три недели ждали Тита.
«Вот, поди ж ты, полукита!»

Толковала так и сик:
«Тоже дело не пустяк —
В день не справишься, понятно!»
Как вернулся Тит обратно,
То-то был переполох!
Бедный Тит чуть не оглох.
В истерлении великом
Все кругом кричали криком.
Рвали Тита за бока,
Торопили мужика:
«Не томя ты, ради бога!»
«Нас брала уже тревога!»
«Чуть не месяц пропада!»
«Где ты был и что видал?»

IV

«Ошалели все вы, право! —
Усмехнулся Тит лукаво. —
Дайте узел развязать,
Есть тут, что вам показать.
Вот газеты. Вот книжонки.
Не на ваши все деньжонки,
Не эсеры дали, нет.
Большевицкий Комитет!
Об эсерах что калякать —
Не народ, а просто слякоть!
Говорят да говорят
Восемь месяцев подряд,
Подневают живоглотам,
Все выходит, как по нотам,
Иль, сказать верней всего:
Не выходит ничего!

V

Был я в ихнем совещанье.
Даже плюнул на прощанье!
Все про ленинцев орут,
Что в Советы больно прут.

Большевицкая зараза
Фронт разъела, как проказа:
Дисциплины никакой,
Хоть на все махни рукой!
То же, дескать, с мужиками:
Стали сплошь большевиками.
В дрожь кидает по утрам
От газетных телеграмм.
Мужики, лихась терпенья,
Всюду стали брать имения,
Делят землю меж собой,
Кое-где пошел разбой.
Грабят барские пожитки,
Разбирают все до нитки;
Жгут помещичьи дома, —
Вот она какая тьма!
Разыгрались злые страсти,
Все спасенье в твердой власти.
Обуздать должно скорей
Всех советских бунтарей.
Бунтом пахнет. Есть приметы,
Обнаглели все Советы.
Коль по шапке им не дать,
То добра, мол, не видать!»

VI

«Дать! Без них бы лучше было! —
Пров Кузьмич вздохнул уныло. —
Рвань там всякая мутит!»
«Ладно. Спрячься! — молвил Тит. —
Там тебя недоставало.
Вижу, значит, толку мало
От всеров этих нами:
Тянут все они к панам,
С барской сволочью съякшались,
На «порядке» помещались,
А порядок их таков:
Сжать покрепче бедняков,
То бйшь «рвань», чтоб не «мутила»,
По указочке ходила,

По указочке б жила,
Крякнуть, охнуть не могла.
Плюнул я на это дело,
Слушать бредни надосло;
Шапку в руки — и айда!
В Смольный, значит, вот куда!

VII

Смольный — здание такое.
В нем, роскоши, в покое,
На шелках, на серебре
Тут при батюшке-царе
Обучалась наукам,
Благородным всяким штукам
Стая целая девица.
Дочерей высокых лиц, —
Пышный выводок дворянский.
Нынче здесь — Совет крестьянский
И рабочий. Захожу,
Рот разинувши, гляжу.
До чего все это ново:
Муравейник, право слово!
Шум веселый, беготня.
Окружили тут меня.
«Кто такой? Зачем? Откуда?»
Слово за слово — беседа.
Говорят такое вслух,
Что захватывает дух!
Как обнюхал я весь Смольный,
Вижу: вот где дух-то вольный!
Вот где долю нам куют,
Бьют, — промашки не дают.
Вот, подумал я, откуда
Ожидать нам надо чуда, —
Чуда, бунта — все равно:
Бунтовать бы нам давно!

VIII

«Ну, пора и возвращаться».
Стал со Смольным я прощаться.

Отдал низкий всем поклон:
«Вы наш истинный заслон,
Дай господь вам всем успеха.
Никакая нам помеха
С вами, братьцы, не страшна.
Как деревня ни темна, —
Мужичок душою чует,
Кто болезнь его врачует,
Кто спасает бедняков
От ярма и от оков.
Все за вас мы, братьцы, станем,
Всей землей за вас потянем —
Назначайте только час,
А уж мы поддержим вас.
Просвещайте нашу братью!»
Дали тут мне лист с печатью.
С этим, стало быть, листом
Разыщу в Москве я дом.
Там, как этот лист получают,
То меня всему научат,
Всем, чем надо, наградят,
Связь с деревней учредят.

IX

Дальше шло, как по заказу.
Дом в Москве сыскал я сразу.
Приютили там меня,
Вроде всё — своя родня.
И родня, сказать, не в шутку!
Увидал я тут Машутку,
Что служила у попа.
Девка очень неглупа.
Не выдал бы — не поверил.
Так и сяк умом я мерил
И вникал в ее слова.
Вот какая голова!
Кто приходят, всех расспросит,
Что-то в книжечку заносит,
Держит речь полчаса.
Ну, ей-богу, чудеса!

Ходит много к ней народа
Чуть не с каждого завода.
Дел партийных — миллион,
То ж Москва — большой район,
Пай свой членский вносят в кассу,
Разговор ведут про «массу»,
Про рабочие «низы»
И «предчувствие грозы».
Мне не очень-то понятно,
Слушать все-таки приятно.
Ай да Маша, погляди:
Хоть в сенат ее сади!

Х

Прямо диву я давался,
Слушал, девкой любовался.
Под конец всего спросил:
«Вот-де, я не раскусил, —
Хоть кой-что смекаю смутно, —
Почему ежеминутно
Ты бранишь меньшевиков?
Это ж все народ какой?
Не под стать ли он, к примеру,
Толстозадому эсеру?..»
«Как сказать, голубчик Тит?
У эсеров аппетит
Самый зверский. Их повадка —
Сладко петь насчет «порядка».
С ними шли всегда мы врозь.
Видно сразу их насквозь, —
Им подай такой «порядок»,
Чтобы волк был сыт и гладок,
А покорная овца
Покорялась без конца.
Лишь одно ей обеспечить,
Зря ее чтоб не калечить,
Стричь иль резать — по нужде,
А не так — в слепой вражде:
Съел — одну, испортил — сотню,
Нагрешил — и я подворотню!

Дай ей жить иль душу вон,
Но чтоб был на все закон!»
«Так. Закон. Оно сподручно
Драть не оптом, так поштучно.
Тож, сказать, не дураки.
Ну, а как меньшевики?»

XI

«Меньшевик — иное дело,
Он'орудует умело:
Ловкий плут и стрекулист,
Но — марксист! Социалист!
Хоть он Маркса так толкует,
Так его раскритикует,
Так ему урежет рост, —
Остается только хвост;
Суть, душа вся исчезает,
А наружу вылезает
Лишь ободранный скелет.
Дескать, так — чрез сотню лет
Или две, а то и боле,
Можно речь вести о воле,
О земле и всем ином.
Маркс, великий эконоом,
Доказал-де очень ясно,
Что напрасно и опасно
Нам заскакивать вперед:
Все придет, мол, в свой черед!
Богачи пусть богатеют,
А рабочие — потеют,
Чахнут, падают и мрут.
Капиталу нужен труд.
Скорбь, нужда, болезни, мука,
Продающиеся руки.
Но что этот, мол, разбой
Прекратится сам собой.
Дескать, час такой настанет,
Люд рабочий весь воспрянет,
Всю механику поймет,
И... без бою все возьмет,

Получай-ка плод готовый:
Вот тебе порядок новый!
Соскребай последний струп!
Старый строй —

холодный труп.

Жил и помер в полном чине
По естественной причине!
Отжил свой законный срок.
Ну, какой отсель урок?»

XII

«Шутить, Маша, ты, наверно! —
Отвечал я так примерно. —
Ждать, чтоб этот Капитал,
Как пельмени, нас глотал
До своей до самой смерти, —
Пусть его глотают черти!
Это что ж?

На новый лад
Речь попов про рай и ад,
Песня та ж выходит снова:
Ждать пришествия Христова!
Будет с нас, пожалуй, ждать.
Можно проще рассуждать, —
И задержка, мысля, в малом! —
Можно с этим Капиталом
Дело круче повернуть:
В бок ножом его пырнуть!
Чай, побольше будет прока,
Коль подойдет он до срока!
Пусть поплачет кто по нем,
Мы-то как зато вздохнем!»
Долго Маша хохотала,
За живот себя хватала.
Все смеялись вместе с ней:
«Верно, Тит! Чего ясней!»
«В бок ножом, и вся недолга!»
«Вот она, родная Волга!»
Кто-то даже так вскипел, —
«Стеньку Разина» зашел!

Дали тут мне кинг три пуда.
Маша...»

«Дрянь она! Паскуда! —
Рывкнул Пров на всю избу. —
Вот уж я ее сгребу!
Попадись он! мне здесь!»
И, поклона не отвеса,
Взором злым окнуив всех,
Пров Кузьмич под общий смех,
Обложивши всех заборно,
Из избы ушел проворно:
«Ладно, дуй вас всех горой!
Вам покажут новый строй!»
Миновав родную хату,
Пров зашел к отцу Ипату:
«Ну, готовься-ка, отец,
Скоро нам с тобой конец.
Мил не будет свет нам белый...»
Поп глядел, как очумелый:
«Что стряслося, говори?»
«То! Под боком бунтари!
Тит приехал из столицы,
Прет, добро бы небылицы, —
Небылицы — ерунда! —
Нет, все правда, вот беда:
Говорят, подлец, такое...
Дня нельзя провести в покое:
Жди несчастья каждый час,
Вот он, бабушкин-то кавс!
Вздулся, пенится и бродит.
Ох, отец, беда приходит,
Настоящая беда:
Не спасешься никуда!
Слушай, батя, по порядку».
Поп, воззрившись на «лампадку»
(Не с елеем, а с вином),
Слушал с горестным лицом,
Сокрушался, ужасался
И к «лампадке» прикасался.
Пров Кузьмич не отставал:

Навсегда, мое житье, ты миновалось.
Все богатства мои да все владения,
Нажитые, родовые все и женнины,
По рукам пойдут мужицким.

по мозолистым,
Беднотою неумытою поделаться.

Ох ты, горюшко мое, ты,

горе горькое,
И с чего ты, злое горе, приключилось,
Лиходеем на меня каким ты наслано?
Уж вы, белые палаты, зданье Смольное,
Будь ты, Смольное,

навек трижды проклято!
Чтоб ты в землю без остатку

провалилось!
Что пригрело ты смутьяна неумного,
Главаря всей чернокостной

буйной сволочи,
Батраков ли всех лихого обольстителя,
Всей ли жизни моей барской погубителя,
Верховода ли Совета окаянного,
Что Рабочего Совета да Солдатского!
Как пойду я помолюся всем святителям:
Милюкову —

Сладкопевцу Дарданелльскому,
Церетели и Авксентьеву — угодничкам,
Пред иконою святою, пред Калединской,
Пред Коринловской иконою чудотворною
Я зажгу по две свечи, свечи пудовые:
«Вы, отцы мои, святители-угоднички,
Уж вы сжалятся над нашей

барской участью,
Отведите от нас беды величайшие:

Одолела голытьба нас бесталанная!»
Помолюся — будет чудо — глас услышится:
«Все пойдет по-стародавнему,

по-прежнему:
Не владеть крестьянам

пахотью помещичьей,
Не видать голодной рвани

вольной волюшки,
Не бывать вовеки царствию батрацкому!»

О правительстве о новом
 Уж обмолвился я словом,
 Не касаясь имени,
 Кто дурак и кто умен.
 Не хотелось, между нами,
 Стих марать их именами.
 Но, чтоб нити все связать,
 Мне придется рассказать
 О министре самом главном
 И конце его бесславном.
 Чтобы дать его портрет —
 Добрых слов в запасе нет,
 А браниться неуместно.
 Полагаю, всем известно,
 Что он Керенским звался.
 Но откуда он взялся?
 От эсеров, вот отсюда!
 Легковеры ждали чуда:
 Адвокат, мол, говорлив,
 Говорлив, да не сварлив.
 Бывши в Думе депутатом,
 Объявлялся демократом,
 Значит, станет за народ.
 Вышло ж все наоборот.
 Не туда он руль направил,
 С бедной братией лунавил,
 С богачами жил в ладу
 И дудил в одну дуду.
 Лебезя пред богачами,
 Упивался их речами.
 Богачи ж — не знал холоп —
 Под него вели подиоп.
 Телеграмма — трах! — из Ставки:
 «Убери-ка ноги с лавки
 Да проваливай ко псам!
 Подудить хочу я сам!»
 Адвокатик, взыввши матом,
 С просьбой слезною и солдатам:
 «Помогите! Караул!»
 Поднялся в казармах гул:

«Шут с тобой! Помочь нетрудно,
Только правнись ты паскудно.
Не исправнись — гляди:
Тож от нас добра не жди!»

XVI

Дурака учили мало.
Офицерство не дремало.
Как Корнилов-генерал
Артиллерию сбирал:
«Вы, ребята-ребитушки,
Заряжайте свои пушки
Да начните-ка палить,
Чтоб правительство связить.
Мне правительство не мило,
Бунтарей не догромило.
Канители неча зря.
Погудяли без царя!»
Отвечали тут солдаты:
«Вона, брат, махнул куда ты!
Нет, Корнилов-генерал,
Не на глупых ты напал.
Вот, пожалуй-ка в кутузку,
Петля будет на закуску!»

XVII

Что же сделал адвокат?
Наплевавши на солдат,
После доброй их подмоги
Обивать злодей, пороги
К богачам пошел опять.
«Ах, должны же вы понять,
Что для вас я — друг ваш верный,
Ваш слуга нелицемерный
И что вас я подведу
Никогда не подведу.
Черный люд мы успокоим:
Предпарламентик устроим,

Членов так мы подберем,
Чтоб не пахло бунтарем.
Словом, будет — говорильня,
И буфетик, и курильня.
Пусть там малость погалдят:
Этим нам не повредят.
Мы к ним раз-другой заглянем,
Месяц как-нибудь протянем,
Через месяц поглядим:
Хорошо ли мы сидим?!»

Посидели две недели
И торнашкой полетели.
«Коемуждо поделом!»
Вышел сразу перелом.
Люд рабочий да солдаты,
Окружна дворцы-палаты,
Объявляли власть свою!
Трудовой народ в бою.
Час назад войска шли мимо,
Видел Ваню я и Клима,
Может быть, в последний раз.

Прощание

Кончен, братцы, мой рассказ.
Будет, нет ли — продолжение?
Как сказать? Идет сражение.
Не до повести. Спешу.
Жизн останусь — допишу.
А погибну? Что ж! Простите.
Хоть мигалку навестите.
Там, сложивши три перста,
У соснового креста
Средь высокого бурьяна
Помолитесь за Демьяна.
Жизн, грешил, немножко пил,
Смертью грех свой искупил.

19 25 октября 17 г.
7 ноября

Петроград

XVIII

В дни октябрьской славной схватки
Мы простились, ребятки,
Я, готовясь пасть в бою,
Сам оплакал смерть свою.
Есть в том чудо, нет ли чуда,
Но... я жни еще покуда
И, буржуим на беду,
С вами речь опять веду.

Да, на чем я кончила, кстати?
Пров Кузьмич скулил у батя,
Помниая бабкин квас:
«Жди несчастья каждый час!»
«Жди несчастья». Непароком
Оказался Пров пророком:
Скоро впрямь стряслась беда,
Вроде «Страшного суда».
В день «Косьмы и Дамнана»
Вышло солнце из тумана,
Сквозь узорное стекло
В церковь луч свой навело.
В церкви уймища народу.
Поп кропало тычет в воду.
Окропивши всех водой,
Батя, бледный и худой,
И приметно спавши с тона,
«Братья! — речь повел с амвона. —
Сообщу вам злую весть:
Дней тому примерно шесть,
К нашей общей всей досаде,
Приключился в Петрограде
Вновь большой переворот:
Большевистский всякий сброд,
Мразь фабричная, матросы,
Словом, всякие отбросы
(Чтоб им, иродам, пропасть!)
Захватили в руки власть.
Первым подлым их декретом
То, что было под запретом
И в веках освящено,
Все как есть отменено.

Все помещичьи именья,
Монастырские владенья
И церковные — раано —
Все теперь уравниено,
Все, по божью попущенью,
Предается расхищенью,
Грабежу и дележу!
Братья! Что я вам скажу?!»
Но... не кончил батя речи.
Кто-то взял пона за плечи
И, трихнув, промолвил: «Вои!»
Тит взобрался на амвон!..

З а к л ю ч е н и е

Тут я, братцы, ставлю точку.
Дайте, братцы, мне отсрочку.
Хоть пишу я и легко,
Но — ушел недалеко:
За околицу — не дале.
Мой рассказ на перевале,
На великой на горе —
«Большевистском Октябре».
Для трудящегося люда
Главный путь идет отсюда.
И по этому пути
Я и думаю идти.
Расскажу открыто, честно
Все, что дальше мне известно
О бедняге-батраке,
Об «Иване-дураке»;
Как и где он подвизался,
Как — на деле — оказался
Поумней он многих док:
Умостись на передок,
В руки вожжи взял умело
И уверенно и смело
На несезженном коне
Покатил по целине,
Через степь и лес сосновый,
Через села, города,

Прологая путь нам новый
В царство Правды и Труда!

Про «Ивана» сказ народный:
Дескать, он «дурак» природный,
Потому «дурак» большой,
Что с добрейшею душой,
Что за правду прет на плаху,
Что последнюю рубаху
Бедняку отдать готов,
Что, где можно, в сто кнотов
Нечисть всякую утюжит,
Что народу верно служит, —
Не боярам, не царям, —
Что всегда он смел и прям.

Ой ты, Русь, родное поле,
Если б ты родило боле
Нам подобных «дураков» —
Был бы свет наш не таков:
Меньше было бы разладу,
И любому бы мы гаду,
Силе вражеской любой
Дать могли такой отбой,
Что, проученной нещадно,
Впредь ей было б исповадно
Злую пасть совать туда.
Где была уж ей беда.

Но иное повелось:
«Умных» много развелось —
Клим умнее, чем Корней,
А Ерема всех умней.
Эх, Ерема, ты, Ерема!
Посидеть ты любишь дома,
Любишь, вылезши на печь,
Повести такую речь:
«То бы можно, это б можно.
Только очень осторожно.
Темный очень мы народ.
Что мы стоим без господ?
То — бурьян, а то — гвоздика.
Мужика ты посади-ка
В Государственный совет:

Выйдет тьлк какой аль нет?
Править царством — эки бредни!
Дело это — так намерен
Говорил отец Фома —
Не мужицкого ума.
Господа промеж собою
Пусть бы тешились борьбою:
Для кого настал черед,
Тот и власть пускай берет.
Нам-то в спор ничто соваться?
(То бишь с печкой расстаться!)

Наше дело сторона.
Птица требует зерна,
Конь — овса, корова — сена,
Ну, а нам какого хрена?
Мы без бар, что без голов:
Натворим таких делов!
Баре знают все науки,
Стало, им и книги в руки,
Бар сумели мы пугнуть,
Да без них нам не шагнуть.
Чем нам с барами кориться,
Надоть барам покориться.
Пусть их — выберут царя;
В этом, правду говори,
Нет особенной напасти:
Без такой, сякой ли власти
С нами сладить мудрено.
Так не все ли нам равно,
Кто телегу с места сдвинет,
Кто на нас узду навкинет
И, зажав нам крепко рты,
С нас начнет снимать порты?
Ну, а может, и не снимет?
Скажем, подати поднимет,
Соль обложит да табак,
Заведет сплошной кабак,
Чтоб деньга текла в столицу.
Но... помещичью землю,
Что прибрали мы к рукам,
Всю оставит мужикам.
Тот, кто землю нам оставит,

Пусть как хочет нами правит.
Нам — землицу! А права...
Это все нам трын-трава!»

Так судачит дока с докой,
Кум Ерема с кумом Фокой.
Тот, кто думает не так,
Удивительный чудак
Иль дурак, сказать прямее!
Покопайтесь а Еремее!
Он вперед уж ни на шаг!
В нем растёт наш новый враг.
У него — назад оглядка,
Он устал от «беспорядка»:
Не дают ему жевать
То, что он успел «срвать»;
Он ушел от буйной голи,
С ней не делит хлеба-соли,
И бунтующий батрак
Для него — «Иван-дурак»!

Ой вы, братцы, вы, Иваны,
Вы, дырявые карманы,
Непокорные чубы, —
Вы не кончили борьбы!
Далека еще победа,
Потрясите-ка соседа,
Поспросите на Духу:
Чью хлебает он уху?
Не объелся ли он слишком,
Не мозгует ли умишком,
Как бы, мол, не опоздать —
«Дураков» всех обуздать?
А не время ль вам, ребята,
Заводить свои порядки,
Чтоб никто потом не смог
Вас согнуть в бараний рог?

Батраки, сомкнитесь дружно!
Нам спаяться крепче нужно,
Общей силой приналечь,
Чтобы волю уберечь.

Не сдастся наше горе!
Может быть, его мы вскоре,

Став ногой ему на грудь,
И осилим как-нибудь.
Общей силой приналяжем,
С ног собьем и крепко свяжем,
В цепи горе закуем
И повалим в гроб живьем.
Тешусь, братцы, я не блажью,
Верю я, что снуду вражью
Мы сразим. Хотя пока
И трещат у нас бока.

Горе мы вскормили сами.
Горе крепло не часами:
Пот и кровь спокои веков
Выжимало с бедняков.
Горе чертово могуче —
И могуче и живуче,
Стоголовый злой дракон.
У дракона — свой закон,
И жрецы, и храмы. Словом,
Вы в драконе стоголовом
Обретете с двух шагов
Сразу всех своих врагов.
Горе их в одно спаяло;
Все, на ком оно стояло,
Кем держалось оно,
Ныиче спаяны в одно;
Злой вампир — банкир брюхатый,
Изувер — монах патлатый,
Поп — мошенник продувной,
Губернатор отставной,
Генерал, лишенный чина,
Разорившийся купчина,
Враль — продажная строка,
Содержатель кабака,
Услужавший молодчик,
Фабрикант, горнозаводчик,
Все, кто шлепнул сверху вниз,
Всякий барский блюдолиз,
Музыкант, артист свободный,
Адвокат и доктор модный,
Шулер, маклер, нитендаит,
Инженер, судейский франт,

Канцелярский воротила,
Проматавшийся кутила,
Золотушный князь,
барон, —

Прут на нас со всех сторон!
Это всё — шмара людская,
Тля обжорно-плутовская.
Много этой гнусной тли
Мы на нет теперь свели.
Тля бессильна, но задорна
И на пакости проворна,
А все пакости ее:
Оготелое аранье
В бойкой уличной газетке,
Там же — шпилька в злой заметке;
Темный слух из уст в уста
Где-нибудь среди хаоста
У лавчонки, у торговки,
У трамвайной остановки.
Коль объявится порой
У трусливой тли «герой»,
То — у тли такое свойство! —
В том все тлинное геройство:
Чтобы ей не пропадать,
Лучше родину продать
Интервенту-иноземцу,
Все равно, японцу, немцу.
Чтоб исправить свой конфуз,
С чертом хоть вступить в союз
Тля героическая готова,
Только б власть вернуть ей снова.
Только б кто-то ей помог
Нас согнуть в бараний рог.

Тля «геройски» рвется к бою,
Чужа слуга за собою,
Силу, знамо, не свою.
Нынче тля в родном краю
Замелькала суетливо:
Сколотить спешит ретиво
Для себя оплотинной,
Чтоб идти на нас войной.

С кем же злая тля связалась?
Чья утроба тут сказалась?
Кто для тли теперь оплот?
— Деревенский живоглот!

Мироед — не только старый,
Старый — зол, но самый ярый,
Настоящий лютый змей,
Это кум наш Еремей.
Он оперился недавно,
Он успел пограбить славно.
Грабил — тут же с рук сбывал
Да карманы набивал.
Что имел Ерема ранее?
Мышь издохшую в чулане,
Веник сломанный в избе
И добра, что на себе.
Нынче — выбился он в люди:
У жены, что ведра, груди,
Шаль-китайка на плечах,
Огонек живой в очах;
Кум — вошел приметно в тело,
Ходит твердо, смотрит смело,
Как появится на сход —
Кулакам всем коновод.
Уж бедняк ему не пара:
«Моего не трожь амбара!»
А в амбаре у него
Понапрятано всего!

Ой вы, братцы, тетки, дяди,
Я писал не шутки ради,
Не для смеху, не для слез,
Потолкуемте всерьез:
Где болят? На что мы ропщем?
На совете нашем общем,
Ум прибавивши к уму,
Подберемся кой к чему,
Подберемся, разберемся,
Друг на друга обопремся,
Словни горе в перемет
И посмотрим — чья возьмет!

Горе ль нам порвет все снасти,
Мы ль в его широкой пасти,
Люд рабочий, батраки,
Все повыкрошим клыки?!

Москва, октябрь 1920 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ. БАСНИ.

О Демьяне Бедном, мужике вред- ном	7
«Бывает час: тоска щемящая...» .	8
Сонет	10
Кукушка	11
Звезда	12
«Трибун»	13
Хозяин и батрак	15
«Диво»	17
Леся	19
«Полна страданий наших чаша...»	20
Газета	21
Сынок	22
Правдолюб	24
Дом	25
Лапоть и сапог	28
Кларнет и рожок	31
Размахнулся б я басней задорною...	32
Эстетик	33
Опекун	35
Бунтующие зайцы	37
Свеча	38
Муравьи	40
Клоп	44

Ерши и вьюны	45
Друзьям	47
Наказ	49
И там и тут	53
Добряк	54
Диво дивное (Сказка)	55
Май	61
Почему?	62
Пушка и соха	63
«Баталисты»	64

БАСНИ ЭЗОПА (1914—1916)

Брак богов	65
Мальчик и прохожий	66
Пескарь	67
Помощь	68
Плакальщицы	69
Колесо и конь	70
Волк и лев	71
Волк и овца	72
Дуб и клинья	73
Добряк	74
Тофута мудрый	75
«Мест больше нет»	77
Разгрузка	78
Я б хотел.. . . .	79
Мой стих	81
Страдания следователя по корни- ловскому (только ли?) делу (Пес- ня)	82
Птицеловы	83

У господ на елке	84
Мы не одна	87
Последний перевал	88
Революционный гудок	89
Работнице	90
Маяк	91
«Правде»	92
«Христос воскрес»	93
Молодняк	94
Путеводная звезда (<i>Боевая песня</i>)	95
«До этого места!»	96
Проводы (<i>Красноармейская песня</i>)	98
Центрошница	101
Товарищу	103
Снежок (<i>Шуточная</i>)	104
Частушки (<i>Девичьи</i>)	105
Братские могилы (<i>Мемориальная доска</i>)	106
На защиту Красного Питера . . .	107
Красный Флот	109
Правда-матка, или — как отличить на фронтах подлинные листовки Демьяна Бедного от белогвардей- ских подделок на них	110
О черте (<i>Новогоднее</i>)	113
На помощь красным бойцам (<i>К «не- деле фронта»</i>)	116
День прозрения	118
Гулимджая (<i>Национальный гимн социал-духанщиков</i>)	119
Благословение	122

Жесткий срок	124
Печаль	126
Манифест барона фон Врангеля .	128
Латышские красивые бойцы . .	130
Воронье	131
Завязь	132
На перевале	133
Братское дело	136
Сверхлиберал	138
«Владимирка»	139
Азбука	141
Семена (<i>Из моего детства</i>) . .	143
Труд и порядок	146
Давно пора	148
Советский часовой (<i>Баллада</i>) . .	149
Пугало	150
Юной гвардии	151
Главная улица (<i>Поэма</i>)	153
Любимому	159
Кровавые долги	160
Ленинскому набору	161
Вперед и выше!	162
Снежинки	163
Неповторимые	164
На ленинский маяк!	165
Никто не знал... (<i>«22 апреля 1870 года»</i>)	166

Да, вспомнить есть о чем на пят- надцатилетнем юбилее «Правды» (<i>Политэлегия</i>)	167
---	-----

Читают Демьяна Бедного	168
Черта с два!	169
Басову-Верхоянцеву	170
Диво-дивное, коллективное	172
«Перекопская» (Походная песня)	173
Смелей!	176
Пороги	178
Еж	182
Пчела	184
Наша Родина	185
Обороняться — значит бить!	186
Живое звено	190
Кого мы били	191
Первое слово	197
Художник, боец, друг	199
А такие типы есть!	200
Лика-партизанка (Белорусская пес- ня)	202
Гитлер и смерть	204
Счастливый Бенито	205
Я верю в свой народ	207
Ярость	208
Салют победителям	209
Освободителям	210
Ленин — с нами!	211
Автоэпиграфия	212
Про землю, про волю, про рабо- чую долю. Повесть	213

Демьян Бедный

Избранное

Печатается по изданиям: Д. Бедный. Стихи, басни. Изд-во «Советская Россия», М., 1973. Д. Бедный, Стихотворения и поэмы. Изд-во «Советский писатель», М. — Л., 1965.

Зав. редакцией И. Лелин

Редактор Н. Гашева

Художник М. Курушин, портрет — А. Зырянова

Художественный редактор Н. Горбунов

Технический редактор Н. Устинова

Корректоры Г. Борсук, Е. Соколова

ИБ № 482

Сдано в набор 29. I. 1978 г. Подписано в печать 8. VI. 1978 г. Формат бум. тип. № 3 70×108¹/₁₆. Бум. л. 2,75; печ л. 5,5 (усл. прив. л. 7,7); уч-изд. л. 14,385. Тираж 50 000 экз. Первый завод 10 000 экз. Цена в ледерште 1 р. 70 к., в коленкоре 1 р. 60 к. Темплан 1978 г. Изд. № 36. Зак. 124. Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Б38

Демян Бедный. Избранное. Пермь, Ка.
изд-во, 1978.

344 с.

В книгу вошли избранные стихи, басни
и повесть в стихах известного советского
поэта.

Р2

Б 70402—46 38—78
М152(03)—78

ДЕМЬЯН БЕДЬИ

